W 310/18
T. 3

91274
III-86
W 310
18

ОБЪ

ИНОРОДЦАХЪ АМУРСКАГО КРАЯ.

Сочиненіе **Л. Шренка,**
д. чл. имп. акад. наукъ.

ИЗДАНІЕ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ. ВТОРАЯ ПОЛОВИНА: ОСНОВНЫЯ ЧЕРТЫ СЕМЕЙНОЙ, ОБЩЕСТВЕННОЙ И ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.

(СЪ 24 ЛИТОГРАФИРОВАННЫМИ ТАБЛИЦАМИ И 7 ПОЛИТИПАЖАМИ ВЪ ТЕКСТѢ).

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1903.

ПРОДАЕТСЯ У КОМИССІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

И. Н. Глазунова, М. Эггерса и Комп. К. Л. Риккера въ С.-Петербургѣ.
М. В. Клюкина въ Москвѣ.
Н. Киммеля въ Ригѣ.
И. П. Карбасникова въ С.-Петерб., Москвѣ и Варшавѣ.
Н. Я. Оглоблина въ С.-Петербургѣ и Кіевѣ.
Фоссъ (Г. Гэссель) въ Лейпцигѣ.
Люзакъ и Комп. въ Лондонѣ.

Цѣна: 10 руб. = 25 Mrk.

W 310/18 (24 вкл)
9(47) : 91(4
Ш 86
ПОГАШЕНО
26407 20401
ПОГАШЕНО

ОБЪ ИНОРОДЦАХЪ АМУРСКАГО КРАЯ.

Сочиненіе **Л. Шренка,**
Д. чл. имп. акад. наукъ.

ИЗДАНІЕ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ. ВТОРАЯ ПОЛОВИНА: ОСНОВНЫЯ ЧЕРТЫ СЕМЕЙНОЙ, ОБЩЕСТВЕННОЙ И ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.

(съ 24 литографированными таблицами и 7 политипажами въ текстѣ).

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1903.

продается у комиссіонеровъ Императорской Академіи Наукъ:

И. И. Глазунова. М. Эггерса и **Комп. К. Л. Риккера** въ С.-Петербургѣ.
М. В. Клюкина въ Москвѣ.
Н. Киммеля въ Ригѣ.
Н. П. Карбасникова въ С.-Петерб., Москвѣ и Варшавѣ.
Н. Я. Оглоблина въ С.-Петербургѣ и Кіевѣ.
Фоссъ (Г. Гэссель) въ Лейпцигѣ.
Люзакъ и **Комп.** въ Лондонѣ.

Цѣна: 10 руб. = 25 Mrk.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Февраль 1903 г.
Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина
13925-56

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.

2007051186

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Автору труда «Reisen und Forschungen im Amur-Lande» не суждено было довести свой трудъ до конца. Однако онъ успѣлъ настолько подвинуть его впередъ, что трудъ этотъ можетъ теперь, послѣ напечатанія оставшихся рукописей, считаться почти что оконченнымъ. Судя по бумагамъ покойнаго, правда, можно думать, что изъ-подъ его пера вышло бы еще нѣсколько пространныхъ главъ — и частью по вопросамъ весьма существеннымъ, каковы, напримѣръ, религіозныя понятія у описываемыхъ имъ инородцевъ, ихъ воззрѣнія на болѣзнь, смерть, связанные со всѣмъ этимъ обычаи и т. п. Но продолжать этотъ трудъ другому лицу — хотя бы и на основаніи путевыхъ замѣтокъ и дневника автора — почти невозможно, главнымъ образомъ потому, что нѣтъ точки опоры для сужденія о критическомъ отношеніи автора къ собственнымъ замѣткамъ и записямъ, которыя онъ заносилъ на страницы своего дневника нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ. Между тѣмъ уже былъ заготовленъ цѣлый рядъ литографированныхъ таблицъ, которыя безъ объяснительнаго текста не имѣли бы никакого значенія. Поэтому казалось весьма полезнымъ дать краткій объяснительный текстъ къ этимъ рисункамъ въ видѣ извлеченій изъ замѣтокъ и дневниковъ самого автора, и этотъ трудъ Императорская Академія наукъ возложила на нижеподписавшагося.

Выписки, сдѣланныя нами изъ бумагъ Л. И. Шренка, распадаются по своему содержанію на двѣ главныя группы:

I. Религіозныя представленія Амурскихъ инородцевъ. — Идолы. — Амулеты. — Шаманы.

II. Представленія о загробной жизни и погребальные обряды.

Текстъ замѣтокъ и дневника, въ общемъ составляющихъ четырнадцать очень мелко исписанныхъ тетрадей въ восьмую долю листа, воспроизводится нами, за исключеніемъ ничтожныхъ редакціонныхъ измѣненій, съ дословной точностью.

Чтобы облегчить трудъ того, кто пожелалъ бы впослѣдствіи заняться разработкой даннаго матеріала, въ концѣ каждой выписки приведены ссылки на соотвѣтственныя мѣста въ тетрадяхъ, которыя рукой самого автора обозначены и перенумерованы слѣдующимъ образомъ:

Naturhistorische und ethnographische Bemerkungen während des Aufenthalts im Nikolajew'schen Posten 1854 — 1856. Heft I (1854 — 55). Heft II (1856).	Bm. I, II.
Reise nach der Insel Sachalin und durch einen Theil der Mandshurei, ausgeführt im Winter 1855 (Jan. 27 — März 28). Heft I Reise nach Sachalin. Heft II Reise durch die Mandshurei.	1 W. R. I. II.
Reise durch verschiedene Theile der Mandshurei im Sommer 1855. Heft I (Mai 13 — Juli 2). Heft II (Juli 3 — 25). Heft III (Juli 26 — Aug. 23). Heft IV (Aug. 23 — Sept. 17).	1S. R. I—IV.
Reise nach der Insel Sachalin, ausgeführt im Winter 1856. Heft I (Jan 30 — Feb. 20). Heft II (Febr. 20 — März 12).	2 W. R. I. II.
Reise den Amur-Strom aufwärts (Rückreise nach St. Petersburg), ausgeführt im Sommer 1856. Heft I (Mai 13 — Juli 8). Heft II (Juli 8 — Aug. 10). Heft III (Aug. 10 — Sept. 10). Heft IV (Sept. 10. 1856 — Jan. 7. 1857).	2S. R. I—IV.

Фр. Русовъ,
Хранитель Академическаго музея
по отдѣленію антропологіи и этнографіи.

СОДЕРЖАНІЕ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

III. Этнографическая часть. Вторая половина: основныя черты семейной, общественной и внутренней жизни.

Глава 11.

Стр.

Семейныя отношенія: бракъ, купля и похищеніе женъ. Нравственность. Домашнія работы и занятія мужчинъ и женщинъ. — Рожденіе дѣтей, ихъ вскармливаніе, обращеніе съ ними и воспитаніе. Положеніе рабовъ и рабынь въ домѣ. Семейное право наслѣдства. Кровавая месть . . . . . 1—31

Гиляки: Преобладаніе моногамической формы брака, стр. 1. — Покупка женъ, высокія цѣны на невѣстъ, — многоженство гораздо распространеннѣе у болѣе состоятельныхъ Амурскихъ Гиляковъ, стр. 2, 3. — Похищеніе женщинъ, по большей части менѣе состоятельными Гиляками Амурскаго Лимана и береговъ Охотскаго Моря, стр. 4, 5. — Различіе народностей не является важнымъ препятствіемъ къ браку, кровное родство лишь въ самой близкой степени, стр. 6. — Свадебный пиръ, стр. 7. — Совмѣстное житье нѣсколькихъ семей въ одномъ домѣ. — Строгость Гиляцкихъ нравовъ сравнительно съ другими инородцами Амурскаго Края. Рѣдкость разводовъ, стр. 7, 8. — Относительно хорошее обращеніе съ женщинами. Ихъ кругъ дѣятельности, стр. 9, 10. — Любовь Гиляковъ къ дѣтямъ рядомъ съ крайне суровымъ обращеніемъ съ родильницами и новорожденными, стр. 10—12. — Обычаи, относящіеся къ акту рожденія. Имя ребенка, стр. 12, 13. — Колыбель и ея принадлежности, стр. 13. — Слишкомъ долгій срокъ кормленія дѣтей грудью. Недостатокъ гигіеническихъ заботъ о дѣтяхъ; ихъ одежда, стр. 13, 14. — Дѣтскія игры и игрушки, стр. 14, 15. — Положеніе женъ въ полигамическихъ бракахъ, стр. 15, 16. — Рабы, главнымъ образомъ рабыни исключительно другихъ народностей, стр. 16—18. — Ошибочное предположеніе о поліандріи, вызванное показаніями японскаго путешественника Маміа Ринсо, стр. 18—20.

Аино: Торговля рабами. Рабство у другихъ палеазіатскихъ народовъ, стр. 20, 21.

Гиляки: Наслѣдственное право. Права *Калл*'а — родственниковъ со стороны отца, стр. 22—24. — Вдовы и дочери — сами часть наслѣдства, стр. 24. — Сходство съ наслѣдственнымъ правомъ Коряковъ, стр. 24. — Обязанности всѣхъ сочленовъ *Калл*'а по отношенію къ кровавой мести. Суевѣрный страхъ въ случаѣ ея неисполненія, стр. 24—27.

Ольчи: Распространеніе гиляцкихъ семейныхъ обычаевъ и порядковъ въ нѣсколько ослабленной формѣ, стр. 27—29. — Колыбель, сплетенная изъ древесныхъ прутьевъ, стр. 29.

Стр.

Гольды: Порча семейныхъ отношеній и нравовъ подъ вліяніемъ Китайцевъ, стр. 29, 30.
Орочи: Высшая степень вреднаго вліянія Китайцевъ. Распаденіе семьи. Крайній нравственный и матеріальный упадокъ, стр. 31.

Глава 12.

Условія общественной жизни: политическія и правовыя отношенія. Общественныя подраздѣленія на основѣ благосостоянія. Національный коммунизмъ. Неприкосновенность собственности. Гостепріимство. Предусмотрительность и осторожность въ путешествіяхъ. Наблюденія надъ вѣтромъ и погодою. Суевѣрные способы укрощенія бури. Выраженія привѣтствія и благодарности. Обычай взаимныхъ подарковъ. Надежность въ дѣловыхъ сношеніяхъ. Счетъ времени. Календарь. Космическія представленія. Увеселенія: пѣніе, музыка, танцы, игры . . . . . 31—63

Гиляки: Фактическая политическая независимость ихъ во время путешествія автора. Порядокъ поддерживается соблюденіемъ старинныхъ обычаевъ и порядковъ, стр. 32, 33.— Общественное подраздѣленіе по степени благосостоянія, стр. 34, 35. — Строгое проведеніе правилъ коммунизма и неприкосновенности чужой собственности въ кругу своего народа, стр. 36—38.— То же относится и къ правиламъ гостепріимства, стр. 38, 39.—Предосторожности при путешествіяхъ. Умѣнье предсказывать погоду. Средства къ укрощенію бури, стр. 39, 40. — Отсутствіе выраженій привѣтствія и благодарности, стр. 40, 41. — Обычай обмѣна маленькими подарками. Подарки (придачи) при торговыхъ сношеніяхъ, стр. 41, 42.— Честность и благонадежность, стр. 42. — Неточность времесчисленія, стр. 42, 43. — Времесчисленіе. Названіе мѣсяцевъ и распредѣленіе ихъ по временамъ года, стр. 43—46. — Космическія представленія, стр. 46, 47. — Пѣніе. Образцы мелодій, стр. 48—50. — Инструментальная музыка, стр. 51, 52. — Отсутствіе танцевъ, маскарадовъ и театральныхъ представленій, стр. 52, 53. — Игральныя карты китайскаго происхожденія, стр. 53.

Ольчи: Отголоски маньчжуро-китайскаго господства. Меньшая энергичность и предпріимчивость. Меньшее вліяніе степени благосостоянія на общественное подраздѣленіе, стр. 54. — Національный коммунизмъ не ограничивается собственнымъ племенемъ. Болѣе добродушный и мягкій характеръ, чѣмъ у Гиляковъ. Подобнаго же рода коммунизмъ у Гольдовъ, Самагирцевъ и др. Уваженіе къ чужой собственности, стр. 55.—Менѣе узконаціональный характеръ гостепріимства. Услужливость и радушность по отношенію къ гостю. Болѣе удобныя личныя сношенія вслѣдствіе отсутствія или меньшаго значенія различныхъ суевѣрныхъ обычаевъ, стр. 56.

Гольды: Подраздѣленія на роды по родству со стороны отца *(хала)*, стр. 56. — Родовой старшина *(халада)*, поставленный маньчжуро-китайскимъ правительствомъ для собиранія дани, стр. 56—58. Раззореніе народа китайскими чиновниками и купцами и порча ими добрыхъ семейныхъ нравовъ. Собственная беззаботность и инертность Гольдовъ. Въ связи съ этимъ по сравненію съ Гиляками меньшее благосостояніе и отсутствіе чувства собственнаго достоинства, стр. 58, 59. Добродушіе, честность, жизнерадостность. Времепрепровожденіе: игры и пѣсни, 59—61. Времесчисленіе у Ольчей и Гольдовъ. 13 мѣсяцевъ въ году у послѣднихъ, стр. 61—63. Космическія представленія Гольдовъ, стр. 63.

Стр.

Глава 13.

Медвѣжьи праздники. Ихъ религіозно-обрядовый характеръ и соціальное значеніе. Медвѣжьи праздники у Амурскихъ Гиляковъ. Празднества и увеселенія до и послѣ умерщвленія медвѣдя, также какъ при съѣденіи его мяса. Погребеніе костей и черепа медвѣдей. Особенности праздниковъ и обрядовъ у Ольчей, Сахалинскихъ Гиляковъ и Аино. . . 64—103

Гиляки: Выдающаяся роль медвѣдя въ жизни всѣхъ Амурскихъ инородцевъ и въ особенности Гиляковъ. Вѣрованіе въ переходъ души человѣка, убитаго медвѣдемъ, въ тѣло послѣдняго. Религіозные церемоніи и обряды, гарантирующіе полную безнаказанность за умерщвленіе медвѣдя. Торжественный приводъ пойманнаго медвѣдя. (Ср. т. II стр. 248, 249).—Медвѣжья клѣтка. Кормежка медвѣдя всѣми жителями деревни. Коммунистическій характеръ и общественное значеніе медвѣжьихъ праздниковъ, стр. 64, 65.—Временный переводъ медвѣдя въ юрту, стр. 66.—Продолжительность заключенія медвѣдя, и обычное время года для медвѣжьихъ праздниковъ, стр. 67.

Медвѣжій праздникъ на Амурѣ, устроенный двумя владѣльцами медвѣдей, стр. 67—89. Первое отдѣленіе медвѣжьяго праздника, стр. 67—80.—Украшеніе домовъ. Предварительныя праздничныя игры, стр. 68.—Выставка трехъ скованныхъ медвѣдей въ юртѣ. Игры въ юртѣ, стр. 69.—Главное увеселеніе праздника—шествіе съ медвѣдемъ по всѣмъ домамъ деревни. Поправка ослабшихъ путъ на одномъ изъ медвѣдей, стр. 69—71.—Молодые мужчины заняты изготовленіемъ т. н. цаха—палокъ съ надструганными, но не отдѣленными стружками—неизбѣжной принадлежности при совершеніи всѣхъ религіозныхъ обрядовъ, а женщины приготовленіемъ моси, стр. 71, 72.—Продолженіе шествій съ медвѣдями, стр. 72.—Подготовленіе мѣста для умерщвленія медвѣдя. Устройство небольшого досчатаго домика (*лэзи*), гдѣ выставляются головы и шкуры медвѣдей, стр. 73.—Собачьи бѣга, сопровождаемые громкимъ стукомъ, напоминающимъ барабанный бой, который производятъ женщины, колотя палками по подвѣшенному бревну, стр. 73, 74.—Новые обходы съ медвѣдями по деревнѣ. Ихъ кормежка въ юртахъ какъ взрослыми, такъ и маленькими мальчиками, стр. 74.—Шествіе съ медвѣдями вечеромъ при лунномъ свѣтѣ къ рѣкѣ и обратно. Барабанный бой по бревну, стр. 74, 75.—Различныя игры прерываютъ на короткое время шествіе съ медвѣдями по юртамъ, которое затѣмъ возобновляется опять и продолжается до поздней ночи, стр. 75.—Кушанья праздничнаго обѣда и ихъ приготовленіе на особомъ очагѣ, стр. 75, 76.—Отводъ медвѣдей на мѣсто ихъ умерщвленія. Первый большой и офиціальный обѣдъ въ домѣ главнаго хозяина пира. Собачьи бѣга, стр. 76, 77. Торжественныя приготовленія къ убійству медвѣдей. Еще разъ шествіе съ медвѣдями на рѣку и обратно. Умерщвленіе медвѣдей (ср. т. II стр. 247). Трупы звѣрей укладываютъ на заранѣе приготовленныхъ мѣстахъ на подстилки изъ вѣтвей съ ободранной корой, стр. 77—79. Сниманіе шкуры съ медвѣдей и разниманіе туши. Выставка медвѣжьихъ головъ и шкуръ въ *лэзи*'ѣ, стр. 79, 80. Второе отдѣленіе медвѣжьяго праздника, стр. 81—89.—Выставка медвѣжьихъ головъ и шкуръ въ домахъ обоихъ хозяевъ пира. Изображенія жабы и медвѣдя въ гиляцкомъ костюмѣ, предназначенныя для отвращенія мести убитаго звѣря, стр. 81, 82.—Торжественное приготовленіе медвѣжьяго мяса. Собачьи бѣга, стр. 83.—Спеціальная праздничная посуда, стр. 83.—Варка медвѣжьяго мяса. Недопустимость употребленія соли при приготовленіи всѣхъ кушаній во время медвѣжьяго пира. Ухарская поѣздка хозяина пира на собакахъ, стр. 84.—Дальнѣйшія приготовленія къ главному праздничному обѣду. Собачьи бѣга, стр. 85.—Повязки символическаго значенія на головахъ медвѣдей, стр. 85—86.—Торжественный, но какъ бы предварительный обѣдъ въ домахъ каждаго изъ владѣльцевъ медвѣдей, стр. 87.—Главный пиръ, на которомъ впервые ѣдятъ медвѣжье мясо. Отсутствіе какихъ-либо формальностей, стр. 87, 88.—Танецъ женщинъ подъ барабанный бой по бревну, стр. 88.—Шаманить ни въ какомъ случаѣ не допускается въ юртѣ, гдѣ идетъ медвѣжій праздникъ, стр. 89.

Ольчи: Вторая часть медвѣжьяго праздника. Выставка медвѣжьей головы и шкуры въ домѣ, гдѣ идетъ праздникъ. Убранство его для праздничнаго пира. Празднич-

Стр.

ныя кушанья, стр. 89, 90. — Праздничный обѣдъ изъ пяти отдѣленій. Строгое соблюденіе опредѣленнаго церемоніала, стр. 90—94.— Отдѣленіе 1. Три вегетаріанскихъ блюда, стр. 90, 91. — Отдѣленіе 2. То же самое, но съ прибавленіемъ новаго блюда, стр. 91. — Отдѣленіе 3. Тѣ же вегетаріанскія кушанья. Какъ и раньше, съѣдаются главнымъ образомъ кушанья, политыя рыбьимъ жиромъ. Пѣніе, декламація и барабанный бой (по бревну) во время этого отдѣленія, стр. 92. Отдѣленіе 4. Въ первый разъ подается медвѣжій жиръ и сало, стр. 92. Отдѣленіе 5. Главное блюдо — голова медвѣдя предназначается почетнымъ гостямъ. Праздничное освѣщеніе дома. Продолжительность пира, стр. 92—94. — Общее впечатлѣніе отъ медвѣжьяго праздника у Ольчей, какъ отъ чего-то заимствованнаго, не самобытнаго. Отсутствіе религіозной основы. Праздничныя кушанья состоятъ исключительно изъ привозныхъ продуктовъ маньчжуро-китайскаго происхожденія, стр. 94, 95.

Гиляки: Заключительный актъ праздника. Раскалываніе черепа и похороны какъ его, такъ и другихъ костей медвѣдя. Нѣчто подобное у Ольчей и Самогирцевъ, стр. 95—97. — Тотъ же обрядъ у Гольдовъ. — Развѣшиваніе по деревьямъ нерасколотыхъ череповъ медвѣдя вмѣстѣ съ другими костями, стр. 97.

Сахалинскіе Гиляки: Уклоненія отъ обычнаго праздничнаго ритуала, вызванныя главнымъ образомъ тѣснотою жилищъ. Невозможность помѣстить медвѣдя внутри юрты, а также и ходить съ нимъ изъ одной юрты въ другую, стр. 97—99. — Перенесеніе медвѣжьей головы со шкурою изъ *лэзи*'а въ юрту черезъ дымовое отверстіе, а не черезъ окно, какъ это дѣлается у Амурскихъ Гиляковъ. Надъ дымовымъ же отверстіемъ растягивается на шестѣ шкура медвѣдя послѣ окончанія пира. Многочисленные *цаѫ*'и, какъ украшеніе юрты, стр. 99, 100. — Главная часть медвѣжьяго праздника въ Тыкѣ. Отсутствіе кушаній, приготовленныхъ изъ маньчжуро-китайскихъ продуктовъ. Собачье мясо, какъ главное блюдо дополнительнаго пира (послѣ главнаго обѣда) на медвѣжьемъ праздникѣ въ Дуѣ. Отсутствіе на сахалинскихъ праздникахъ собачьихъ бѣговъ, игръ и т. п. увеселеній, стр. 100.

Аино: Медвѣжьи празднества на Сахалинѣ и Іезо. Выкармливаніе медвѣжатъ. Такъ называемыя медвѣжьи кормилицы, стр. 101, 102. — Обширное примѣненіе цаха на медвѣжьемъ праздникѣ: украшеніе имъ медвѣжьей клѣтки, юрты и мѣста, гдѣ будетъ убитъ медвѣдь, стр. 102.— Подпиливаніе клыковъ у медвѣдя, стр. 103.— Жертва возліянія передъ умерщвленіемъ медвѣдя. Танецъ женщинъ и дѣвушекъ передъ медвѣжьею клѣткою, стр. 103.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

I. Религіозныя представленія Амурскихъ инородцевъ. Идолы. Амулеты. Шаманы.

Стр.

Религіозныя представленія . . . . . 107—110

1. **Гиляки.** Совершенно абстрактное, безсодержательное, лишенное всякой внутренней связи съ жизнью и обычаями Гиляковъ представленіе о высшемъ благомъ существѣ. Представленіе о враждебныхъ силахъ, создавшееся подъ вліяніемъ сознанія своего безсилія передъ могуществомъ природы. Ихъ олицетвореніе и грубый культъ, имѣющій цѣлью предохранить себя отъ всякаго вреда и опасностей.

Идолы и амулеты въ формѣ человѣческихъ фигуръ . . . . . 110—114

2. **Гиляки.** Обычныя мѣста въ юртахъ, куда ставятся идолы. Амулеты, носимые на тѣлѣ противъ болѣзней, стр. 110.

3. **Гиляки.** Дополненіе ко 2. Употребленіе *цах'а* какъ средства (амулета) противъ болѣзни, стр. 111.

4. **Гиляки.** Однорукій идолъ. Домикъ для идоловъ. Охранители жилищъ (Лары), стр. 111.

5. **Гиляки.** Идолы, поставленные на крышѣ кладовой. Идолы въ юртѣ. Идолы пользуются повидимому тѣмъ меньшимъ почетомъ, чѣмъ дальше внизъ по Амуру идетъ наблюдатель, стр. 111, 112.

6. **Гиляки.** Амулеты въ формѣ человѣческихъ фигуръ, имѣющіе отношеніе къ различнымъ болѣзнямъ. Амулеты въ видѣ кольца или обруча, который носятъ вокругъ головы и шеи, стр. 112—113.

7. **Ольчи, Гольды, Самагирцы.** Идолы ставятся въ тѣхъ же мѣстахъ юрты, какъ и у Гиляковъ, стр. 113.

8. **Гольды.** Идолы для ношенія на шеѣ, стр. 113.

9. **Самагирцы.** Идолъ для ношенія на шеѣ. Значеніе слова *зэва*, стр. 113, 114.

Идолы въ образѣ животныхъ . . . . . 114—117

10. **Гиляки.** Идолы, изображающіе медвѣдя, тигра и ирбиса. Амулеты съ изображеніемъ жабы и ящерицы, стр. 114, 115.

11. **Гиляки.** Изображенія рыбъ, стр. 115.

12. **Ольчи.** Идолы, изображающіе тигра, стр. 115, 116.

Стр.

13. **Ольчи.** Изображеніе фантастическаго звѣря съ человѣческимъ сердцемъ во рту, стр. 116.

14. **Гольды.** Изображенія тигровъ, стр. 116.

15. **Гольды.** Изображенія ирбиса (?), стр. 116, 117.

16. **Гольды.** Изображенія тигра и ирбиса, стр. 117.

17. **Гольды.** Маленькія изображенія тигра и ирбиса, которыя носятъ, какъ амулеты, противъ этихъ звѣрей на рукавѣ одежды, стр. 117.

18. **Манегирцы.** Изображенія фантастическихъ птицъ и драконовъ. То же самое на Нижнемъ Амурѣ, стр. 117.

Идолы и амулеты, изображающіе фигуру человѣка въ комбинаціи съ фигурами животныхъ . . . . . 117—120

19. **Гиляки.** Шейной идолъ — соединеніе фигуры человѣка и медвѣдя, стр. 117, 118.

20. **Гиляки.** Идолъ изъ соединенныхъ вмѣстѣ фигуръ человѣка, тигра и медвѣдя; то же человѣка и тигра. Изображеніе (*хазъ*) фантастическаго животнаго, напоминающаго крокодила, стр. 118.

21. **Гиляки.** Комбинированныя изображенія человѣческой фигуры съ тигромъ, медвѣдемъ, волкомъ, морскимъ котикомъ, бѣлугою, совою и вороном. — Идолы, обернутые *цах'*омъ или одѣтые въ медвѣжій мѣхъ. — Идолы съ изображеніями сердецъ. — Посуда, принадлежащая идоламъ, стр. 118, 119.

22. **Гиляки.** *Вагнъ* — вырѣзанная изъ дерева фигура съ рыбьей головою и человѣческими руками и ногами. Ставится какъ памятникъ надъ пепломъ убитыхъ. Легенда, относящаяся къ *вагн'*у, стр. 119, 120.

23. **Гиляки.** *Вагнъ* съ головою, повернутою въ сторону, гдѣ живетъ убійца, стр. 120.

24. **Ольчи.** *Вагнъ*. Въ основѣ его лежитъ легенда о сказочной птицѣ смерти — *Кóро*, стр. 120.

25. **Ольчи.** Амулетъ въ видѣ пояса, увѣшаннаго маленькими идолами. Изображеніе *хазъ'я* (по гил. *хазъ*) между ними. Полное соотвѣтствіе гиляцкихъ *кэнг'*овъ съ ольчскими *зэв'*ами, стр. 120.

Шаманы . . . . . 121—129

26. **Гиляки.** Шаманство развито значительно слабѣе, чѣмъ у Амурскихъ инородцевъ тунгузскаго племени, стр. 121.

27. **Гиляки.** Малочисленность хорошихъ шамановъ. Шаманить позволяется всѣмъ и каждому. Значеніе шамановъ болѣе практическое, чѣмъ религіозное. Шаманами называютъ (или приравниваютъ къ нимъ) врачей и аптекарей, но никогда священниковъ, стр. 121.

28. **Гиляки.** Заклинанія и молитвы шамана объ удачномъ ловѣ рыбы, хорошей погодѣ и т. п., стр. 121, 122.

29. **Гиляки.** Шаманство въ случаяхъ болѣзни, стр. 122, 123.

30. **Гиляки.** Чудеса шамановъ. Освобожденіе крѣпко связаннаго веревками шамана при помощи *кэнг'*а, котораго вызываютъ пѣніемъ. *Кэнг'*ы работаютъ всегда танцуя — вѣрованіе, въ связи съ которымъ стоятъ вѣроятно и пляски самихъ шамановъ, стр. 123.

31. **Гиляки.** Описаніе заклинаній шамана, прихода танцующихъ *кэнг'*овъ, временной смерти (?) шамана, его оживленія и освобожденія отъ веревокъ, стр. 123, 124.

32. **Гиляки.** Пріемы шамановъ и ихъ принадлежности тѣ же самые на Сахалинѣ, что и на Амурѣ, стр. 124.

33. **Самагирцы.** Шаманство для исцѣленія больной. Инструменты шамановъ, стр. 124, 125.

34. **Ольчи.** Одежда шамана и ея принадлежности. Таинственная церемонія, въ которой участвуетъ вмѣстѣ съ шаманомъ и одна изъ присутствующихъ женщинъ. Танцы, музыка, пѣніе и заклинанія во время этой церемоніи, стр. 125—127.

35. **Ольчи.** Шаманство для исцѣленія больной, стр. 127.

36. **Ольчи.** Женщина этого племени шаманитъ въ гиляцкой деревнѣ, чтобы помочь больному ребенку, стр. 127.

Стр.

37. **Ольчи.** Различіе между «настоящими» шаманами и обыкновенными — плохими, которые умѣютъ пѣть и плясать, но не въ состояніи попасть въ страну *Бунъ*, стр. 127, 128.

38. **Гольды.** Вдова, шаманящая надъ трупомъ своего мужа, стр. 128.

39. **Гольды.** Мясо аиста ѣдятъ только шаманы. Прим. У **Манегирцевъ** также есть шаманы, стр. 128.

40. **Дауры.** Шаманская утварь, стр. 128, 129.

41. **Маньчжуры.** Несмотря на господствующій буддизмъ, все-таки есть шаманы, стр. 129.

II. Представленія Амурскихъ инородцевъ о загробной жизни и погребальные обряды у нихъ.

Участь души послѣ смерти . . . . . 130—133

42. **Гиляки.** Участь души зависитъ отъ рода смерти, стр. 130.

43. **Гиляки.** Мѣстность, называемая *Мыгво*, куда переселяются души умирающихъ естественною смертью. Превращеніе человѣка, задавленнаго медвѣдемъ, въ медвѣдя же, стр. 130, 131.

44. **Гиляки.** Переселеніе души утопленника въ тюленя. Обряды, выполняемые поэтому при ловлѣ тюленей. Мѣсто загробной жизни убитыхъ лежитъ на небѣ *(тлё)*, далеко за звѣздами, стр. 131.

45. **Ольчи.** Мѣстомъ загробной жизни всѣхъ умершихъ служитъ страна *Бунъ*, куда могутъ попадать еще при жизни «настоящіе» шаманы. Время, необходимое для переселенія въ страну *Бунъ*. Условія жизни тамъ аналогичны жизни на землѣ. Обитатели страны *Бунъ* смертны и, умирая (естественной смертью или отъ руки убійцы), переселяются на землю, превращаясь здѣсь въ какое-нибудь растеніе. Превращеніе утонувшихъ обитателей страны *Бунъ* въ водное животное, умершвленныхъ медвѣдемъ — въ медвѣдя, подобно тому какъ это имѣетъ мѣсто на землѣ, стр. 131—133.

Похороны и трауръ . . . . . 133—136

46. **Гиляки.** Суевѣрная боязнь оставить больного въ госпиталѣ. Сожженіе трупа, стр. 133.

47. **Гиляки.** Заботы о снабженіи покойника пищею до и послѣ сожженія его трупа. Способъ сожженія, стр. 133.

48. **Гиляки.** Подробное описаніе похоронныхъ обрядовъ: Покойникъ на погребальныхъ носилкахъ въ своей юртѣ, стр. 133. Печальное шествіе къ мѣсту сожженія, гдѣ трупъ кладутъ на приготовленныя уже дрова. Принесеніе собакъ въ жертву, стр. 134. Костеръ въ формѣ пирамидальнаго шатра, устроенный надъ трупомъ. Огонь для этого костра получается обязательно треніемъ изъ сухого дерева. Поджиганіе костра прежде всего вдовою усопшаго. Дверь стоящаго вблизи домика — *раффъ*'а открыта, чтобы душа покойнаго могла свободно занять это временное жилище. Шкуры убитыхъ собакъ идутъ вдовѣ на шубу, стр. 135, 136.

49. **Гольды.** Оплакиваніе вдовою своего умершаго мужа, стр. 136.

Могильные памятники . . . . . 136—145

50. **Гиляки.** Маленькій домикъ — *раффъ*, который ставится надъ пепломъ сожженнаго трупа. Другія обозначенія мѣста погребенія, стр. 136.

51. **Гиляки.** Мѣсто погребенія съ *раффъ*'омъ, поставленнымъ надъ пепломъ. Обычаи, соблюдаемые при погребеніи дѣтей, умершихъ отъ эпидемической болѣзни, стр. 136, 137.

Стр.

52. **Гиляки.** Неприкосновенность могилы, стр. 137.

53. **Гиляки.** Внутренняя обстановка *раффъ*'а. Рядъ различныхъ предметовъ, имѣющихъ символическое значеніе, стр. 137.

54. **Гиляки.** Объясненіе символическаго значенія этихъ предметовъ, стр. 137, 138.

55. **Гиляки.** Дальнѣйшее объясненіе значенія тѣхъ же предметовъ, стр. 138.

56. **Гиляки.** *Раффъ* и стоящая около «кладовая», куда помѣщаютъ пищу для покойника. Роскошно убранный *раффъ*. *Раффъ*, поставленный около мѣста сожженія, гдѣ и собранъ въ особомъ ящикѣ пепелъ. (Ср. 47, 48, 50, 51). «Кладовая» при *раффъ*'ѣ ставится лишь въ томъ случаѣ, если покойникъ умеръ еще до перваго снѣгу, стр. 138, 139.

57. **Гиляки.** Очень маленькихъ дѣтей не сожигаютъ, а просто закапываютъ въ землю. *Раффъ* не ставится. Трупъ утонувшаго сожигаютъ, а надъ пепломъ вмѣсто *раффъ*'а втыкаютъ палку и ставятъ около лодку. Трупъ задавленнаго медвѣдемъ не сожигаютъ, а помѣщаютъ въ особую усыпальницу, куда для покойнаго ставится также разнаго рода пища, пріобрѣтающая затѣмъ цѣлебную силу противъ всякихъ болѣзней, стр. 139, 140.

58. **Гиляки.** Памятникъ утопленнику — усыпальница и около нея лодка. Обычай обозначать мѣста погребенія какъ людей, такъ и звѣрей (медвѣдей и пр.), стр. 140.

59. **Гиляки.** Сжиганіе труповъ развито не повсемѣстно, стр. 140.

60. **Гиляки.** Описаніе одного изъ мѣстъ сожженія трупа, стр. 140.

61. **Гиляки.** Надъ пепломъ убитаго ставится *Ваиг* за исключеніемъ нѣкоторыхъ случаевъ. Изготовленіе *ваиг*'а. У *ваиг*'овъ съ птичьею головою за образецъ вѣроятно берется такъ называемыми *уикъ* — Colymbus arcticus. Отсутствіе при *ваиг*'ѣ всѣхъ тѣхъ предметовъ, которые ставятся въ *раффъ*, стр. 140, 141.

62. **Гиляки.** На западномъ берегу Сахалина есть сожженіе труповъ. *Ваиг*'ы надъ убитыми, стр. 141.

63. **Гиляки.** Сожиганіе труповъ на Сахалинѣ. *Раффъ*'ы съ принадлежностями. Такъ называемая кладовая, стр. 141.

64. **Гиляки.** Районъ сожиганія труповъ на Сахалинѣ. Внѣ его трупы умершихъ ставятъ (въ гробахъ) въ особыя усыпальницы или закапываютъ въ землю, стр. 141.

65. **Ольчи.** Изящно сдѣланныя и раскрашенныя усыпальницы, стр. 141.

66. **Ольчи.** Подробное описаніе могилы утопленника, стр. 141, 142.

67. **Ольчи.** Дополненія къ 66. Указанія на вѣрованіе въ переселеніе душъ. Слѣды поминокъ. Въ случаѣ, если трупъ утопленника не найденъ, въ память его ставится усыпальница значительно меньшихъ, чѣмъ обычная, размѣровъ, стр. 142, 143.

68. **Орочи.** Усыпальницы, вполнѣ сходныя съ усыпальницами у Ольчей, стр. 143.

69. **Орочи.** Устройство гробовъ, стр. 143, 144.

70. **Орочи и Ольчи.** Описаніе гробницы Орочей, гдѣ гробъ поставленъ совершенно открыто на нѣкоторой высотѣ надъ землею, на особыхъ подмосткахъ. Обычный способъ погребенія Орочей. У Ольчей лишь для убитыхъ, стр. 144.

Трупы задавленныхъ медвѣдемъ Ольчи и Орочи ставятъ въ гробахъ просто на землю, стр. 144.

При погребеніи покойникъ ставится головою къ морю у прибрежныхъ жителей, — къ рѣкѣ—у живущихъ по Амуру. Уклоненія отъ этого правила. Постановка *раффъ*'овъ у Гиляковъ опредѣляется исключительно мѣстнымъ направленіемъ теченія Амура, стр. 144, 145.

УКАЗАТЕЛЬ ТАБЛИЦЪ.

(Тѣ предметы, при названіяхъ которыхъ нѣтъ указаній на текстъ, авторомъ не описаны или даже не упомянуты.

Таблица XLVII.

Медвѣжій праздникъ[1]) у Амурскихъ Гиляковъ. Медвѣди, привязанные въ домѣ, и ходьба съ ними изъ одной юрты въ другую (стр. 70).

Таблица XLVIII.

Медвѣжій праздникъ у Гиляковъ. Шествіе съ медвѣдями на льду рѣки (Амура). Обходъ вокругъ проруби. Женщины, барабанящія по висящему бревну (стр. 78).

Таблица XLIX.

Медвѣжій праздникъ у Амурскихъ Гиляковъ. Голова и шкура медвѣдя, выставленныя въ домѣ. Праздничный обѣдъ (стр. 81 и сл.).

Таблица L.

Посуда, употребляемая на медвѣжьихъ праздникахъ у Гиляковъ: 1,2 — ковши для медвѣжьяго супа. 3 — блюдо для медвѣжьяго мяса и сала (стр. 83). 4 — ковшъ для медвѣжьяго супа. 5 — блюдо для медвѣжьяго мяса и сала (стр. 88). 6 — деревянный крюкъ для сниманія котла съ огня.

---

1) Къ описанію Медвѣжьяго праздника относятся также таблица XI (къ стр. 68) во второмъ томѣ и таблица LVIII рис. 3 (къ стр. 82). Ср. также политипажъ на стр. 16 второго тома.

Таблица LI.

Посуда, употребляемая у Гиляковъ на медвѣжьихъ праздникахъ: 1 — Ковшъ для медвѣжьяго мяса и сала (стр. 88). 2 — Длинная ложка, съ которой кормятъ медвѣдей (стр. 66). 3 — Ножъ для рѣзанья медвѣжьяго мяса и сала (стр. 83). 4 — Топорикъ для убиванія осетровъ и бѣлугъ (стр. 96 прим. 1). 5 — Топорикъ для раскалыванія медвѣжьяго черепа (стр. 96). 6 — Ложка (стр. 83).

Таблица LII.

Ложки, употребляемыя у Гиляковъ на медвѣжьихъ праздникахъ (стр. 83).

Таблица LIII.

Идолы[1]) въ видѣ человѣческихъ фигуръ: 1 — Гиляцкій домашній идолъ (**2**).[2]) 2 — То же самое (**4**). 3 — Домикъ для идоловъ (**4**). 4 — Однорукій идолъ (**4**). 5 — Идолъ для ношенія на шеѣ (**2**). 6, 7, 8 — Гольдскіе домашніе идолы въ видѣ человѣческихъ фигуръ (**7**).

Таблица LIV.

Идолы въ видѣ человѣческихъ фигуръ: 1 — Гольдскій — для ношенія на шеѣ (**8**). 2 — Такой же Самагирскій (**9**). 3, 4, 5, 6, 7 — Гиляцкіе идолы, имѣющіе отношеніе къ различнымъ болѣзнямъ, что видно уже изъ различій ихъ формы (**6**; рис. 6 см. стр. 12. — Bartels. Fig. 112, 119).

Таблица LV.

Гиляцкіе идолы въ видѣ человѣческихъ фигуръ, имѣющіе отношеніе къ различнымъ болѣзнямъ, на которыя указывается различными особенностями этихъ изображеній (**6**; рис. 1 см. стр. 13; — Bartels Fig. 133, 134). 5 — Гиляцкій амулетъ (**21**; Bartels Fig. 109, 110).

---

1) Для пониманія врачебнаго значенія идоловъ и амулетовъ, изображенныхъ какъ на этой, такъ и на слѣдующихъ таблицахъ, равно какъ и значенія шамановъ, важной является книга Max Bartels'a — Die Medicin der Naturvölker. Leipzig 1893. Въ объясненіяхъ таблицъ будетъ не разъ указано на рисунки этой книги.

2) Цифра въ скобкахъ (напечатанная жирнымъ шрифтомъ) послѣ объясненія рисунка указываетъ номеръ приложеній.

Таблица LVI.

Гиляцкіе идолы, представляющіе комбинацію человѣческой фигуры съ изображеніями различныхъ животныхъ: 1 — Комбинація человѣка съ тигромъ. 2 — Соединенное изображеніе человѣка, тигра и медвѣдя (**20**). 3 — Фигура человѣка съ медвѣдемъ на головѣ (сравн. фиг. 4). 4 — Человѣкъ съ совою на головѣ (**21**). 5 — Человѣческая фигурка на бѣлугѣ (**21**).

Таблица LVII.

Гиляцкіе идолы, представляющіе комбинацію человѣческой фигуры съ изображеніями различныхъ животныхъ. 1 — Человѣкъ на тигрѣ (**21**). 2 — Человѣческая фигура съ головою атта, украшенною четырьмя зубцами (**20**. — Bartels.—Fig. 82). 3 — Человѣкъ съ медвѣжьей головой (**21**). 4 — Тоже. 5 — Изображеніе человѣка съ головою совы (**21**). 6, 7, 8 — Гиляцкіе амулеты съ человѣческими и медвѣжьими головами (**19**). 9 — Гиляцкій амулетъ въ формѣ лука съ вырѣзаннымъ на немъ изображеніемъ человѣческой головы (**2**).

Таблица LVIII.

Гиляцкіе идолы, изображающіе животныхъ: 1 — Медвѣдь съ поясомъ, на передней сторонѣ котораго изображена жаба, а сзади ящерица и двѣ змѣи (**10**. — Bartels—Fig. 113). 3 — Фигура медвѣдя въ одеждѣ изъ рыбьей кожи съ суставами въ колѣнныхъ и бедряныхъ сочлененіяхъ (**6**, также стр. 82). 4, 5, 6 — Изображенія тигра (**10**).

Таблица LIX.

Идолы, изображающіе животныхъ: 1 — Гольдское изображеніе тигра (**16**). 2 — Ирбиса (**16**). 3 — Ирбиса (**15**). 4 — Ольчское изображеніе тюленя. 5 — Амулетъ, представляющій изображеніе неопредѣлимаго звѣря, несущаго во рту человѣческое сердце (**13**). 6 — Гиляцкое изображеніе бѣлуги. 7, 8 — Жабы (**10, 29**). 9 — *Хазъ* — изображеніе неизвѣстнаго, напоминающаго крокодила животнаго (**20**).

Таблица LX.

Гиляцкіе амулеты: 1 — Желѣзный обручъ съ фигурками животныхъ, который надѣваютъ противъ головной боли (**6**). 2 — Желѣзный полукругъ съ подвѣшенными къ нему изображеніями человѣка, различныхъ животныхъ и т. п., который носятъ на шеѣ

противъ грудныхъ и горловыхъ болѣзней (6). 3 — Ольчскій амулетъ въ видѣ пояса съ фигурами человѣка и различныхъ животныхъ (25). 4, 5 — Вырѣзанныя изъ дерева изображенія рыбъ Гиляцкаго происхожденія (11; рис. 5 — стр. 15). 6 — Гиляцкая дѣтская игрушка, изображающая собаку (стр. 15).

Таблица LXI.

Принадлежности Гиляцкаго культа. 1 — Одинъ изъ сосудовъ, принадлежащихъ идоламъ (21). 2 — Шаманскій поясъ (32). 3 — Жертвенникъ для куреній при шаманствѣ. На двухъ ножкахъ, обращенныхъ къ зрителю, вырѣзаны изображенія жабъ, на третьей — ящерицы. Въ верхней части жертвенника надъ всѣми ножками стоятъ человѣческія фигуры. Самая правая была, насколько можно судить по единственному поврежденному экземпляру жертвенника, обдѣлана болѣе тщательно съ намѣченными руками, (не показаны на рисункѣ). По поводу этихъ изображеній ср. рис. 7, 8 на таблицѣ LVII. 4 — Сцена шаманства надъ больною (Гиляки или Ольчи? 34).

Таблица LXII.

Гиляцкій покойникъ въ юртѣ (48 стр. 133).

Таблица LXIII.

Гиляцкія похороны: Шествіе къ мѣсту сожженія трупа (48 стр. 134).

Таблица LXIV.

Гиляцкія похороны: Приготовленія къ сожженію трупа (48 стр. 134).

Таблица LXV.

Гиляцкія похороны: Поджиганіе костра (48 стр. 135. — 56 стр. 139).

Таблица LXVI.

1 — *Вагнъ* — который ставится надъ мѣстомъ сожженія трупа убитаго Гиляка (22). 2, 3 — Корытце и деревянный пестикъ для приготовленія моси изъ усыпальницы утонувшаго Ольчи (67).

Таблица LXVII.

Усыпальница съ гробомъ утонувшаго Ольчи (**66, 67**).

Таблица LXVIII.

1 — Гиляцкій памятникъ *(раффъ)* вмѣстѣ съ символическими предметами, которые въ немъ находятся (**43, 50, 51, 53, 54, 56, 56**). 2 — Дощечка обернутая тряпочкой. Въ серединѣ дощечки кладутся частица черепа и волосъ, оставшихся отъ сожженнаго трупа (**53, 54**). 3 — Палочка съ двумя крючковатыми сучьями и птичьей головкой на верхнемъ концѣ, изображающей голубя или кукушку, смотря по тому, идетъ ли дѣло о покойникѣ или покойницѣ (**55**). 4 — Посохъ съ чашечкой на верхнемъ концѣ для странствованій души покойнаго (**53**). 5 — Палочка съ орлиными перьями, дающая душѣ способность къ полету. (**55**).

Таблица LXIX.

Чрезвычайно богато украшенный гиляцкій памятникъ (**56**).

Таблица LXX.

1 — Ольчская (Гольдская?) усыпальница (**65, 68 ?**). 2 — Внутренность такой усыпальницы со стоящими въ ней гробами (**68, 69**).

РИСУНКИ ВЪ ТЕКСТѢ.

1. Гиляцкая волшебная стрѣла для укрощенія бури 40
2. Различные варганы Гиляковъ: a) изъ латунной пластинки, b) деревянный, c) желѣзный 51
Рисунки, относящіеся къ медвѣжьему празднику у Гиляковъ.
3. Мѣсто умерщвленія медвѣдей 78
4. Выставка въ *лэзнг'ѣ* головъ и шкуръ медвѣдей 80
5. Берестяная жаба 82
6. Повязки на головахъ медвѣдей съ изображеніемъ жабы и агатовыми шариками: a) съ однимъ шарикомъ по серединѣ лба; b) съ двумя шариками, изъ которыхъ второй лежитъ несимметрично на правой сторонѣ, c) съ двумя же шариками, но лежащими на лбу симметрично одинъ за другимъ 86
7. Шкура медвѣдя, вывѣшенная передъ юртой на Сахалинѣ 98

НОТЫ ВЪ ТЕКСТѢ.

3 образца гиляцкихъ мелодій 49, 50

III. ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ.

Вторая половина: осповныя черты семейной, общественной и внутренней жизни.

Глава 11.

Семейныя отношенія: бракъ, купля и похищеніе женъ. Нравственность. Домашнія работы и занятія мужчинъ и женщинъ.—Рожденіе дѣтей, ихъ вскармливаніе, обращеніе съ ними и воспитаніе. Положеніе рабовъ и рабынь въ домѣ. Семейное право наслѣдства. Кровавая месть.

Разсматривая составныя части и основныя условія внѣшней жизни Амурскихъ инородцевъ я главнымъ образомъ останавливался на нижне-амурскихъ, а верхне-амурскихъ касался лишь настолько, насколько то было нужно, чтобы, посредствомъ сравненія съ ними, ярче оттѣнить типическія и характеристическія черты первыхъ. Переходя теперь къ описанію внутренней жизни вышеназванныхъ инородцевъ, я намѣренъ еще строже держаться моего первоначальнаго плана. Здѣсь мнѣ предстоитъ даже почти исключительно ограничиться Гиляками и Ольчами. Послѣдніе на столько проникнуты гиляцкимъ духомъ, что, за исключеніемъ языка и нѣкоторыхъ воззрѣній и обычаевъ, вѣроятно коренящихся въ ихъ племенныхъ условіяхъ, такъ сказать, совсѣмъ огилячились. Помимо же этихъ двухъ народовъ, я даже ближайшихъ сосѣдей ихъ по низовьямъ Амура коснусь лишь слегка, и то съ исключительною цѣлью противопоставленія однихъ другимъ. Я только съ одними Гиляками и Ольчами находился въ довольно продолжительномъ личномъ соприкосновеніи, и потому только по отношенію къ нимъ могъ пріобрѣсти нѣкоторые хотя и не вполнѣ законченные взгляды на подлежащіе здѣсь разсмотрѣнію вопросы. Такимъ образомъ сравнительный обзоръ быта Амурскихъ инородцевъ, котораго по возможности я до сихъ поръ держался, долженъ будетъ въ этой послѣдней части моего труда принять характеръ болѣе монографическій и почти исключительно сосредоточиться на томъ народѣ, который намъ и прежде, для всѣхъ нашихъ выводовъ и заключеній, служилъ центромъ и исходною точкой.

Гиляки, и въ силу своихъ нравовъ, и въ силу своей религіи, не подчинены никакой опредѣленной формѣ брака. Фактически у нихъ преобладаетъ единобрачіе, а полигамія

составляетъ явленіе рѣдкое, какъ бы случайное, и вообще находится въ зависимости отъ особыхъ условій. По свидѣтельству самихъ Гиляковъ многобрачіе почти совсѣмъ не существуетъ у нихъ ни на Сахалинѣ, ни на Лиманѣ, ни на Охотскомъ побережьѣ, но зато нерѣдко встрѣчается на рѣкѣ Амурѣ. Объясненіе этому впереди. Но и при многобрачіи число женъ большею частью не превышаетъ двухъ. Въ бытность мою среди амурскихъ Гиляковъ я самъ видѣлъ у нихъ нѣсколько такихъ браковъ[1]). Совмѣстная жизнь съ тремя, пятью женами встрѣчается рѣдко, и дальше этого числа, по указанію самихъ Гиляковъ, не идетъ. Такого рода многобрачіе не всегда бываетъ произвольное, но иногда находится въ зависимости отъ права наслѣдія или, вѣрнѣе, отъ обязательствъ, налагаемыхъ этимъ правомъ. Но объ этомъ дальше.

Главная причина, обусловливающая у Гиляковъ единобрачіе, какъ и у большинства первобытныхъ народовъ, въ томъ числѣ и у всѣхъ сибирскихъ племенъ, заключается въ обычаѣ покупать себѣ женъ[2]). *Умгу генычъ*—купить жену—есть гиляцкое выраженіе для заключенія брака. Когда Гилякъ хочетъ миролюбивымъ законнымъ образомъ жениться, онъ вноситъ отцу, а за смертью его братьямъ намѣченной себѣ невѣсты, опредѣленную за нее по взаимному соглашенію плату. Плата эта, смотря по обстоятельствамъ, состоитъ—или изъ разныхъ необходимыхъ для жизни и въ хозяйствѣ предметовъ, какъ то: матеріала для одежды, кухонной утвари, лодокъ, саней, собакъ и т. д.—или изъ предметовъ роскоши условной цѣнности, каковы: тонкой работы, выложенныя серебряными пластинками копья, старинные маньчжурскіе желѣзные панцыри и т. п. Чтобы дать болѣе опредѣленное понятіе о стоимости невѣсть у Гиляковъ, приведу здѣсь цифры той платы, которую два близко знакомые мнѣ Гиляка внесли каждый за свою жену. Гилякъ Ссогинъ въ Куикѣ (Мэо) заплатилъ за свою вторую жену Малгукъ изъ Лангра слѣдующее:

6	большихъ выложенныхъ серебромъ копій, каждое стоимостью[3]) въ	10 *я* — 60 *я*
2	» китайскихъ котла для очага » » »	4 » — 8 »
3	японскихъ котла (*куги-вунь*)	9 » —27 »
4	большія лодки	10 » —40 »
20	собакъ	1 » —20 »
	Итого . . .	155 *я*, около 310 руб.

1) Напримѣръ, Гилякъ Ссогинъ въ Куикѣ (Мэо) имѣлъ двухъ женъ: Кеугукъ и Малгукъ. Также точно и Гилякъ Чьегунъ, женъ котораго звали Хумзискъ и Тыизукъ, и т. д.

2) Такъ у Тунгусовъ, Остяковъ, Самоѣдовъ, Татаръ, Черемисовъ, Чувашей, Вотяковъ (см. примѣчаніе на слѣдующей страницѣ) и у Китайцевъ преобладаетъ тотъ же обычай. (Grosier, Descr. génér. de la Chine. Paris. 1787, T. II, p. 261. Bazin, Chine moderne, 2-e partie. Paris 1843, p. 482). У древнихъ Германцевъ бракъ первоначально тоже заключался при посредствѣ купли женъ, также какъ и въ Исландіи, Норвегіи и у Англо-Саксовъ (Peschel, Völkerkunde. Leipzig 1874, p. 237).

3) Слѣдующія за симъ цифры могутъ отчасти служить подтвержденіемъ и пополненіемъ къ вышеприведенной, независимо отъ нихъ составленной таблицѣ цѣнъ у Гиляковъ на разные предметы (томъ II, стр. 281—283).

Мой проводникъ Хоссіамбо, самъ Ольча, но женившійся на Гилячкѣ—одной изъ дочерей уже много разъ упомянутаго нами Юдина изъ Тебаха, и по его собственному свидѣтельству, и по свидѣтельству его жены, далъ за нее слѣдующее:

5 штукъ китайской шелковой матеріи по 4 *я* штука, итого	20 *я*
1 большой китайскій котелъ для очага	3 »
1 японскій котелъ о трехъ ушкахъ	30 »
1 маньчжурскій желѣзный панцырь.	30 »
1 крупнаго медвѣдя.	30 »
5 отборныхъ собакъ *(кыла-канъ)* по 4 *я* штука, итого . . .	20 »
Итого . . .	133 *я*, около 266 руб.

Итакъ, стоимость женъ у Гиляковъ, какъ мы видимъ, очень высока, что указываетъ на относительное благосостояніе народа[1]). Къ тому же обычай требуетъ, чтобы вся цѣна при куплѣ за нихъ вносилась сразу, а не по частямъ. Я и прежде уже не разъ указывалъ на разумную бережливость этого народа, основанную на постоянномъ стремленіи къ пріумноженію своего имущества. Въ виду этого понятно, что даже и зажиточный человѣкъ рѣдко рѣшается обременять себя второй, а тѣмъ болѣе третьей женой. Его чаще всего къ тому побуждаетъ только желаніе похвастать своимъ богатствомъ передъ соотечественниками, и тѣмъ самымъ пріобрѣсти среди нихъ особый почетъ. Изъ этого естественно слѣдуетъ, что многобрачіе гораздо распространеннѣе среди болѣе густого и въ общемъ болѣе богатаго населенія Гиляковъ на Амурѣ, чѣмъ между ихъ соплеменниками на Лиманѣ, на Сахалинѣ и на Охотскомъ побережьѣ.

Итакъ, мы видимъ, что обычай у первобытныхъ народовъ, покупать себѣ женъ, имѣетъ скорѣе благотворное на нихъ вліяніе. Женщина въ данномъ случаѣ, правда, является только товаромъ въ глазахъ мужчины, и въ этомъ, конечно, скрывается оскорбительное для нашего нравственнаго чувства неуваженіе къ человѣческому достоинству вообще и къ

---

1) Для сравненія привожу здѣсь цѣны на невѣстъ у нѣкоторыхъ сибирскихъ инородцевъ въ старое и новѣйшее время. У Тунгусовъ на Верхней Тунгускѣ она равнялась во время Адама Бранда (Neuverm. Beschr. seiner grossen Chinesisch. Reise, welche er anno 1622 etc. Lübeck 1734, p. 99) 10—15 оленямъ. Богатая дѣвушка у Остяковъ на Оби въ бытность тамъ Палласа стоила въ качествѣ невѣсты не меньше 100 оленей и порядочнаго количества разныхъ мѣховъ (Sujef, in Pallas Reise durch versch. Prov. des Russisch. Reichs. St.-Petersburg, Bd. III, 1776, p. 52). У Остяковъ на Иртышѣ, согласно Кастрену (Castrén, Reiseber. und Briefe aus d. J. 1845—1849. St.-Petersb. 1856, p. 56) за жену обыкновенно платятъ: 200—300 р. деньгами, одну лошадь, одну корову, одного быка, 7—10 штукъ разнаго платья, пудъ муки, ведро водки и немного хмѣлю для устройства брачнаго пира. Приводимыя Миддендорфомъ (Middendorff, Reise in d. Nord. und Ost. Sibiriens, Bd. IV, p. 1459) высокія цѣны на невѣстъ у Самоѣдовъ племени Асья отчасти умѣряются приданымъ, которое дѣвушка съ собой приноситъ, вслѣдствіе чего купля какъ бы принимаетъ характеръ мѣновой торговли, чего никогда не бываетъ у Гиляковъ. Зато у Вотяковъ, Черемисовъ и Чувашей невѣсты очень низко цѣнились: у первыхъ, самыхъ бѣдныхъ, она стоила отъ 5 до 15 руб., у двухъ послѣднихъ отъ 10 до 30 руб., а у Черемисовъ на Кунгурѣ, самыхъ богатыхъ, 100 руб. и больше. (Müller, Samml. Russ. Gesch. Bd. III, p. 369).

личности женщины въ особенности. Но, съ другой стороны, такой обычай производитъ на мужчину своего рода полезное давленіе. Это прежде всего подстрекаетъ его къ дѣятельности, которая даетъ ему средства для пріобрѣтенія жены и для устройства своего домашняго быта. Кромѣ того, оно является еще и препятствіемъ къ слишкомъ раннимъ бракамъ. Такимъ образомъ необходимость считаться съ матеріальными условіями прежде всего заставляетъ Гиляковъ держаться единобрачія. Эти же условія, въ свою очередь, и для женщины являются какъ бы гарантіей хорошаго съ ней обращенія и родителей, и мужа. Дѣвушка, выросшая среди хорошихъ условій, легче и выгоднѣе можетъ быть выдана замужъ. И дальше, это въ извѣстной степени обезпечиваетъ ее отъ грубаго и дурного обращенія съ нею мужа, такъ какъ первобытные народы особенно склонны цѣнить и беречь то, что съ трудомъ и дорого дается и пренебрегать тѣмъ, что пріобрѣтается слишкомъ легко или даромъ. Значитъ, обычай покупать себѣ невѣстъ составляетъ у первобытныхъ народовъ какъ-бы своего рода противовѣсъ недостатку у нихъ нравственнаго чувства, выражающагося въ уваженіи къ женщинѣ. И, само собою разумѣется, чѣмъ выше плата за невѣсту, тѣмъ благотворнѣе должно это отражаться на семейныхъ отношеніяхъ и ея супружеской жизни. Насколько все вышесказанное существуетъ у Гиляковъ, мы увидимъ изъ слѣдующаго обзора.

Съ другой стороны высокая стоимость невѣстъ является для недостаточныхъ, но предпріимчивыхъ молодыхъ людей большимъ соблазномъ, подстрекая ихъ пріобрѣтать себѣ женъ, вмѣсто купли, хитростью или насиліемъ. И дѣйствительно это не рѣдкость у Гиляковъ. По ихъ собственнымъ показаніямъ похищеніе невѣсты происходитъ у нихъ почти всегда по предварительному соглашенію между двумя главнымъ образомъ заинтересованными сторонами, т. е. похитителемъ и похищаемой. Дѣлается это слѣдующимъ образомъ. Молодой человѣкъ какъ-бы случайно является въ домъ родителей намѣченной имъ дѣвушки. Его, по обычаю, принимаютъ гостепріимно, предоставляя ему полную свободу. Но стоитъ только хозяевамъ выйти или чѣмъ нибудь отвлечься, какъ онъ мгновенно хватаетъ дѣвушку, увлекаетъ ее изъ юрты и увозитъ на заранѣе приготовленныхъ саняхъ, или въ лодкѣ. То же самое повторяется и въ случаѣ увода замужней женщины, измѣняющей своему мужу. Замѣтивъ похищеніе, оскорбленный отецъ или мужъ немедленно принимаетъ мѣры къ поимкѣ бѣглецовъ. Ему на помощь являются родственники или односельчане, и всѣ вмѣстѣ отправляются въ погоню. Въ случаѣ удачи похищенную отбираютъ у похитителя, но этому обыкновенно предшествуетъ кровавая схватка съ нимъ и его пособниками, если онъ заранѣе таковыми запасся. Тутъ съ обѣихъ сторонъ обыкновенно пускаются въ ходъ ножи и пики. Чаще, однако, похититель такъ хитро и ловко все устраиваетъ, что ему почти всегда удается скрыться вмѣстѣ со своей добровольной добычей. Но тогда между обидчикомъ и обиженными начинается вражда, которая иногда длится цѣлые годы. Вслѣдствіе существованія у Гиляковъ обязательной кровавой мести не только главные оскорбленные, но и всѣ случайно раненные въ схваткѣ, стремятся къ мести и ищутъ случая, привести ее въ исполненіе. Иногда цѣлыя деревни принимаютъ въ томъ участіе, и жители ихъ, во огражденіе

себя отъ неожиданныхъ нападеній, тщательно избѣгая встрѣчь съ противниками, даже совсѣмъ прекращаютъ между собою сношенія[1]). Въ виду подобныхъ усложненій и опасностей Гиляки рѣдко похищаютъ невѣстъ изъ ближайшихъ поселеній, но обыкновенно избираютъ для того болѣе отдаленныя мѣстности. Такъ Гиляки съ Охотскаго побережья и съ Лимана на Сахалинѣ, напр., похищаютъ женъ и дочерей преимущественно у своихъ соплеменниковъ на Амурѣ. Они притомъ руководствуются отдаленностью, благодаря которой могутъ меньше бояться мести. А съ другой стороны ихъ еще къ тому побуждаетъ высокая цѣна на невѣстъ у амурскихъ Гиляковъ, которую они, вслѣдствіе своего меньшаго благосостоянія, не могутъ или не хотятъ платить. Больше всего внушаютъ страха амурскимъ Гилякамъ пользующіеся среди нихъ особенно дурной славой своими грабительскими наклонностями жители деревни Таммля-во.

Въ этомъ обычаѣ похищать для себя женъ конечно много неприглядnаго, тѣмъ болѣе, что при страстномъ, холерическомъ темпераментѣ Гиляковъ, это ведетъ къ тягостнымъ послѣдствіямъ и кровопролитіямъ. Тѣмъ не менѣе въ побудительныхъ мотивахъ, руководящихъ ими въ данномъ случаѣ, все-же есть и свѣтлыя стороны. Мы уже говорили, что похищеніе почти всегда совершается съ согласія невѣсты. Такимъ образомъ, здѣсь, наряду съ хищническими наклонностями мужчины, дается нѣкоторый просторъ и чувству собственнаго достоинства женщины. Она отказывается видѣть въ себѣ только предметъ купли, и, вопреки всѣмъ опасностямъ и преградамъ, окончательно рѣшаетъ свою судьбу подъ вліяніемъ сердечной склонности. Слѣдовательно, въ бракѣ, гдѣ женихъ похищаетъ невѣсту, всегда существуетъ романтическій моментъ, отсутствующій при бракѣ на основаніи простой торговой сдѣлки. Въ числѣ небольшого количества собранныхъ мною гиляцкихъ пѣсенъ, есть двѣ, воспѣвающія двухъ женъ (Ршывгукъ и Нымгукъ), бракъ которыхъ состоялся именно посредствомъ похищенія ихъ соотвѣтственными мужьями (Оркипомъ и Ларгуномъ). Содержаніе этихъ пѣсенъ не кажется мнѣ простой случайностью, а скорѣе подтвержденіемъ вышесказаннаго. Но, къ сожалѣнію, мнѣ, за исключеніемъ нѣсколькихъ словъ, не вполнѣ доступенъ ихъ смыслъ.

Еще одно слово о бракахъ съ похищеніемъ невѣсты. Докторъ Августиновичъ, который провелъ въ качествѣ врача цѣлый годъ (1871—72) среди гиляцкаго населенія на Сахалинѣ, сообщаетъ слѣдующее. Каждый Гилякъ — говоритъ онъ — будто бы обязательно выкрадываетъ себѣ невѣсту, и это почти всегда не только при ея собственномъ согласіи, но и съ согласія ея родителей. Даже вся церемонія брака, по его словамъ, заключается у нихъ исключительно въ похищеніи дѣвушки. Мужъ лишь позже привозитъ родителямъ ея подарокъ, состоящій чаще всего изъ орудій для рыбной или звѣриной ловли[2]). Но послѣ всего нами сказаннаго сообщеніе доктора Августиновича не можетъ считаться

---

1) Въ такой враждѣ состояли, напримѣръ, въ мое время деревни Таммля-во и Тальвантигръ-во на Лиманѣ у Сахалинскаго побережья. Жители послѣдней должны были, вслѣдствіе своей малочисленности, принимать серьезныя мѣры для своего огражденія.

2) Ѳ. Августиновичъ, Жизнь Русскихъ и инородцевъ на остр. Сахалинѣ, С.-Петерб. 1874, стр. 38.

доказательнымъ въ смыслѣ дѣйствительнаго обязательнаго похищенія Гиляками своихъ женъ и не требуетъ дальнѣйшихъ опроверженій. Такимъ же образомъ я, на основаніи всего, что самъ слышалъ отъ Гиляковъ, принужденъ оспаривать предположеніе, будто у нихъ при заключеніи браковъ каждый разъ происходитъ мнимое похищеніе невѣсты, какъ остатокъ нѣкогда обязательнаго. Похищеніе невѣсты никогда не бываетъ у Гиляковъ простой игрой, но всегда дѣломъ серьезнымъ, которое наноситъ ущербъ имуществу и вызываетъ кровопролитіе.

Но вернемся къ наиболѣе обычному способу заключенія брака у Гиляковъ. Кровное родство лишь въ ограниченной степени является препятствіемъ къ брачному союзу. Вступать въ бракъ не могутъ только родные братья и сестры и дѣти двухъ родныхъ братьевъ. Въ языкѣ Гиляковъ существуетъ всего одно названіе *ыкынгъ* для обозначенія старшихъ и *ачекъ* для обозначенія младшихъ родныхъ и двоюродныхъ братьевъ со стороны отца. То же самое и по отношенію къ сестрамъ — роднымъ и двоюроднымъ со стороны отца: и тѣ, и другія называются *ранжъ*. А соотвѣтственно, и брата и сестру отца, равно какъ и самого отца и мать обозначаютъ однимъ и тѣмъ-же словомъ — *ытгыкъ* и *ымыкъ*. Дальнѣйшія степени родства со стороны отца хотя въ другихъ случаяхъ и принимаются Гиляками въ соображеніе, но для брака не составляютъ у нихъ помѣхи, какъ у иныхъ сибирскихъ инородцевъ[1]) или у китайцевъ[2]), а подъ вліяніемъ послѣднихъ и у Гольдовъ[3]). Различіе національностей тоже не играетъ важной роли при заключеніи гиляцкихъ браковъ, какъ того можно было бы ожидать въ виду крайняго несходства языка Гиляковъ съ парѣчіями сосѣднихъ племенъ. На материкѣ особенно часто встрѣчаются браки между Гиляками и Ольчами, которые живутъ рядомъ съ ними на Амурѣ. Вѣроятно этому обстоятельству преимущественно слѣдуетъ приписать и то сліяніе обоихъ народовъ во всемъ, что касается ихъ правовъ и обычаевъ — сліяніе, или, другими словами, огиляченіе Ольчей, о которомъ мы уже не разъ говорили. То же самое, хотя и въ меньшей степени, видимъ мы и у Негидальцевъ. Случается также, что амурскій Гилякъ, возвращаясь изъ торговаго путешествія въ Японію, привозитъ съ собою жену изъ племени Аиновъ[4]). Но почти никогда не бываетъ, чтобы, наоборотъ, амурская Гилячка выходила замужъ за Аина. Вѣроятно это потому, что Аины вообще не покидаютъ своего острова, а разъ покинувъ, едва ли были бы въ состояніи заплатить за жену высокую цѣну, какая существуетъ у Гиляковъ на невѣстъ. Но тамъ, гдѣ, какъ на Сахалинѣ, оба народа живутъ въ близкомъ соприкосновеніи и гдѣ цѣна на невѣстъ гораздо ниже, между ними часто происходятъ

---

1) Такъ напр. у Остяковъ, Самоѣдовъ и Лапландцевъ (Tyler, Forsch. über die Urgesch. der Mensch. und die Entwick. der Civilis., aus dem Eng. v. H. Müller, p. 359).

2) Du Halde, Descr. de l'Emp. de la Chine et de la Tart. Chinoise. Paris 1735, T. III, p. 133. Pauthier, Chine mod. ou descr. de ce vaste Emp. d'après des docum. chinois, I part., p. 25, 275; II. part. p. 238. Іакинфъ, Китай, С.-Петерб. 1840, стр. 198.

3) Дальнѣйшія объясненія о томъ впереди.

4) Такъ, какъ уже было говорено выше (томъ I, стр. 231), мать богатаго Гилякa Юдина въ Тебахѣ была аинскаго происхожденія.

смѣшанные браки, о чемъ свидѣтельствовалъ уже и Маміа Ринсо[1]). Такимъ образомъ, эти два племени на Сахалинѣ уже успѣли значительно ассимилироваться.

Какъ только плата за невѣсту внесена, бракъ считается заключеннымъ, и мужъ можетъ везти свою жену къ себѣ. Часто все этимъ и кончается. Но болѣе зажиточные люди, выдавая замужъ дочерей или сестеръ, обыкновенно устраиваютъ пиръ, въ которомъ, кромѣ родственниковъ, принимаютъ участіе еще друзья и односельчане. Помимо того отъѣзжающую молодую чету снабжаютъ еще и разными припасами: рыбою, мосью, ягодами, пшеномъ и т. д. для того, чтобы жена, прибывъ въ домъ мужа, и тамъ тоже могла бы угостить его родственниковъ, друзей и односельчанъ.

Послѣ брака молодые супруги обыкновенно водворяются въ мѣстѣ жительства мужа, т. е. тамъ, гдѣ живутъ его родители и братья и, смотря по обстоятельствамъ, помѣщаются у тѣхъ или другихъ изъ нихъ. Жилища Гиляковъ, какъ мы видѣли, устроены такъ, что въ нихъ достаточно мѣста для нѣсколькихъ семей. Въ одной и той же юртѣ однако не всегда живутъ только родственники, а и посторонніе, не связанные узами родства, но участвовавшіе въ сооруженіи ея или имѣющіе какое-либо другое отношеніе къ главному владѣльцу. Такое сожительство продолжается до тѣхъ поръ, пока въ юртѣ не дѣлается слишкомъ тѣсно отъ появленія новыхъ членовъ семьи. Тогда часть сожителей, которымъ позволяютъ средства, отдѣляется и сооружаетъ себѣ другое жилище въ той же деревнѣ или въ иномъ мѣстѣ. Средина гиляцкой юрты, съ очагомъ въ торыфѣ и съ собачьимъ столомъ въ чадрыфѣ, принадлежитъ всѣмъ живущимъ въ ней. Кромѣ того, каждая семья имѣетъ свое отдѣльное мѣсто на нарахъ вдоль стѣнъ, а каждый отдѣльный членъ семьи свое опредѣленное ложе на нихъ. Но ни занавѣси, ни перегородки, ничто не отдѣляетъ этихъ мѣстъ одно отъ другого, и юрта имѣетъ видъ жилья, въ которомъ всѣ населяющіе ее какъ-бы живутъ одною и тою же совмѣстною жизнью.

Невольно возникаетъ вопросъ, насколько такое совмѣстное житье удовлетворяетъ требованіямъ нравственности? Я могу свидѣтельствовать только въ пользу Гиляковъ. Даже смѣло могу назвать ихъ народомъ съ исключительно устойчивыми нравами и противопоставлять ихъ въ этомъ отношеніи сосѣднимъ съ ними Гольдамъ, Орочамъ, Айнамъ, а тѣмъ болѣе другимъ палэазіатскимъ народамъ. На самомъ дѣлѣ болѣе строгая нравственность Гиляковъ въ данномъ случаѣ обусловливается тѣми свойствами характера, какими они обладаютъ предпочтительно передъ вышеназванными народами — а именно ихъ энергіей, самообладаніемъ и воздержностью, которая, между прочимъ, такъ ярко проявилась и по отношенію къ водкѣ. Къ тому-же Гиляки, что касается нравовъ, находились всегда въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ остальные амурскіе инородцы. Владѣнія ихъ, благодаря своей отдаленности, меньше другихъ подвержены были вліянію двухъ культурныхъ народовъ на востокѣ Азіи, японцевъ и китайцевъ, которые и не имѣли поселеній въ ихъ странѣ. Соприкосновеніе съ этими культурными народами всегда деморализирующимъ

---

1) Siebold, Nippon, VII, p. 195.

образомъ дѣйствуетъ на туземцевъ. Такъ напримѣръ, японцы и китайцы, являясь — одни на Сахалинъ, другіе на берега Уссури и на низовья Амура — не берутъ съ собою своихъ женъ, а имѣютъ обыкновеніе пріобрѣтать себѣ наложницъ изъ среды женъ и дочерей Айновъ, Орочей, Гольдовъ и Ольчей, при помощи водки и другихъ соблазнительныхъ товаровъ. Такимъ образомъ, недопущеніе къ себѣ Гиляками китайскихъ купцовъ имѣло хорошія послѣдствія не только для одной промышленности, но и для нравовъ, и въ этомъ особенно выразились ихъ дальновидность и энергія. Съ занятіемъ Амурскаго края русскими въ 50-хъ годахъ положеніе вещей, однако, тамъ измѣнилось и далеко не въ пользу Гиляковъ. Вторженіе Русскихъ началось именно съ ихъ владѣній, и они такимъ образомъ прежде и больше другихъ инородцевъ очутились въ соприкосновеніи съ новымъ культурнымъ народомъ, который надвинулся на нихъ съ сѣвера. Такимъ образомъ произошло то, что обыкновенно случается при такихъ условіяхъ съ первобытнымъ народомъ: въ нравственномъ отношеніи это соприкосновеніе могло имѣть на нихъ только вредное вліяніе. Въ данномъ случаѣ это вполнѣ подтверждается позднѣйшими сообщеніями объ этомъ краѣ. Но вернемся къ тому, чему я самъ былъ свидѣтелемъ.

Присущее Гилякамъ нравственное чувство выражается у нихъ и въ общей благопристойности и въ стыдливости женщинъ. При совмѣстной жизни не допускаются ни безстѣнчивая нагота, ни вообще отталкивающія сцены, какія, напримѣръ, встрѣчаются у Айновъ[1]). Конечно и здѣсь бываютъ случаи нарушенія цѣломудрія внѣ брака. Но родители провинившейся такимъ образомъ дѣвушки всегда относятся къ ней сурово. Мать, по свидѣтельству самихъ Гиляковъ, подвергаетъ ее тѣлесному наказанію, а отецъ, въ случаѣ появленія на свѣтъ незаконнаго ребенка, съ цѣлью поправить зло, убиваетъ новорожденнаго, а тѣло скрываетъ. Это неизбѣжно, если дитя женскаго пола. Но мальчикъ иногда еще находитъ себѣ пощаду, и въ такомъ случаѣ шансы его матери, найти себѣ въ будущемъ мужа, еще не считаются совсѣмъ потерянными.

Браки на основаніи купли имѣютъ у Гиляковъ бо̀льшею частію мирное теченіе. Пока жена молода, мужъ ревниво охраняетъ ее, а она тщательно остерегается подавать ему поводъ къ подозрѣніямъ и къ гнѣву. Сдерживающимъ для обѣихъ сторонъ началомъ является здѣсь между прочимъ то, что мужъ, который по какимъ-либо причинамъ отсылаетъ свою жену къ родителямъ, не имѣетъ права требовать обратно того, что передъ тѣмъ за нее заплатилъ. Если же жена оставляетъ мужа по собственному побужденію, онъ можетъ требовать возвращенія ему сдѣланнаго имъ за нее взноса. Но ей тогда уже нечего расчитывать на ласковый пріемъ родителей. Такимъ образомъ, матеріальныя причины, всегда и во всемъ руководящія Гиляками, и въ данномъ случаѣ заставляютъ обѣ стороны воздерживаться отъ иниціативы къ разрыву брака.

Тѣ же утилитарныя причины прежде всего обусловливаютъ и вообще мирное житье супруговъ и хорошее обращеніе мужа съ женой. Гилякъ слишкомъ практиченъ и слиш-

1) Н. Буссе, Остр. Сахалинъ и Экспед. 1853—54 г. С.-Петербургъ 1872, стр. 55, 56, 70.

комъ поглощенъ заботой о сохраненіи и пріумноженіи своего имущества, и потому не можетъ не признавать пользы, приносимой ему женой и не цѣнить ея трудолюбія, терпѣнія, опытности и умѣнья, которыя такъ много содѣйствуютъ его благосостоянію. При распредѣленіи труда по устройству домашняго быта несравненно бо̀льшая часть его выпадаетъ на долю жены. Мужъ заботится только о добываніи самыхъ необходимыхъ средствъ къ пропитанію. Охота, ловля осетра, бѣлуги, тюленей и бѣлухи, торговля и связанныя съ нею путешествія — вотъ кругъ его дѣятельности. Моментъ массоваго прохожденія по Амуру рыбъ изъ породы лососевыхъ, пожалуй, даже вызываетъ усиленную съ его стороны энергію. Но здѣсь уже существеннымъ образомъ приходитъ ему на помощь и женщина. Рыбу, въ огромномъ количествѣ привозимую на берегъ, она неутомимо чиститъ, потрошитъ, пластаетъ и располагаетъ въ сушильняхъ для вяленія на солнцѣ. Затѣмъ женщины, отчасти съ помощью дѣтей, дѣлаютъ на зиму запасы изъ пищевыхъ продуктовъ растительнаго царства туземной флоры, собираютъ ягоды, корни, травы, мхи, и т. д. Кромѣ того, на женщинѣ лежатъ заботы по всѣмъ отраслямъ домашняго хозяйства. Мужчина притомъ только ѣздитъ въ ближайшій лѣсъ за дровами, ихъ рубитъ, колетъ и свозитъ къ дому. Но таскать топливо, по мѣрѣ надобности, въ домъ опять-таки дѣло женщины, а равно и носить воду для питья и стряпни. Это послѣднее, зимою и при дурной погодѣ, особенно въ деревняхъ, которыя расположены высоко надъ рѣкой, связано съ большимъ трудомъ и усиліями. Ношеніе дровъ и воды составляетъ первую дневную работу — подготовительную для того, чтобы согрѣть охладѣвшее втеченіе почи жилье, сварить рыбную похлебку для собакъ, ихъ накормить и держать наготовѣ въ случаѣ, если мужчинамъ встрѣтится надобность куда-нибудь ѣхать. Хранить съѣстные припасы и готовить кушанье для всѣхъ живущихъ въ юртѣ должна тоже женщина. Впрочемъ Гиляки по утрамъ и втеченіе дня бо̀льшею частью удовлетворяются холодной пищею. Горячую обыкновенно готовятъ лишь къ вечеру, когда мужчины, окончивъ свои занятія внѣ дома, возвращаются къ семьѣ. Тогда же часто заглядываютъ мимоѣздомъ въ юрту и путешественники, требуя себѣ ночного пріюта. Это обыкновенно люди, состоящіе въ дружескихъ, гостепріимныхъ сношеніяхъ съ кѣмъ либо изъ домашнихъ. А пока готовится поздній обѣдъ, отъ огня, пылающаго на очагѣ, въ юртѣ распространяется теплота, которую Гилякъ такъ любитъ ночью.

Чуть-ли не еще больше заботъ доставляетъ женщинѣ изготовленіе одежды для семьи. Прежде всего она подготовляетъ нужный для того матеріалъ: подвергаетъ дубленію звѣриную кожу, а рыбью, которая кромѣ того еще замѣняетъ стекла въ окнахъ, чиститъ, скребетъ и сушитъ. Она также вьетъ для шитья нитки, добывая ихъ изъ волоконъ крапивы или изъ звѣриныхъ и рыбьихъ шкуръ, и т. д. Затѣмъ слѣдуетъ кройка, шитье и штукованіе разныхъ частей одежды, которыя, какъ мы видѣли, Гиляки любятъ снабжать вышивками изъ замысловато переплетающихся между собою линій и арабесокъ, разными другими узорами и украшеніями. Къ этому присоединяются еще и кое-какія другія хозяйственныя работы, какъ-то: изготовленіе домашней утвари, чашекъ, корзинъ, кувшиновъ изъ березовой коры, шитье ковровъ, разной величины мѣшковъ и кошелей изъ матеріи или звѣриныхъ шкуръ.

Изъ всего этого ясно, что гиляцкая женщина никогда не сидитъ сложа руки. Иное дѣло мужчина, который, возвратясь съ охоты или съ рыбной ловли, остальную часть своего времени большею частью проводитъ въ отдыхѣ и бездѣйствіи. Всѣ занятія его въ домѣ ограничиваются изготовленіемъ разныхъ снарядовъ для собственнаго употребленія, и между прочимъ искусно выдѣлываемыхъ изъ желѣза копьевъ, ножей, гарпуновъ, и т. п. Такимъ образомъ можно было-бы думать, что и мужчина, когда онъ дома, тоже не располагаетъ большимъ досугомъ. Но на самомъ дѣлѣ эти предметы не вездѣ и не всѣми Гиляками изготовляются, а лишь наиболѣе умѣлыми и только въ опредѣленныхъ мѣстностяхъ, а затѣмъ пускаются въ продажу [1]). Купленное желѣзко остается насадить на деревянную рукоять, на стволъ — и оружіе или орудіе готово. То же самое надо сказать и о лукахъ, и о лодкахъ, и о другихъ приспособленіяхъ для работъ, спеціально или преимущественно производимыхъ мужчинами. Помимо этого домашнія занятія мужчинъ у Гиляковъ немногочисленны. Они не выходятъ изъ границъ кой-какой ручной работы посредствомъ ножа или бурава для изготовленія саней, лыжъ, звѣриныхъ ловушекъ и вообще разной утвари изъ дерева или кости. Такимъ образомъ у мужчины остается еще много времени для куренія, сна и бездѣлья.

Труды по устройству домашняго быта и по хозяйству однако еще не исчерпываютъ всѣхъ обязанностей женщины. Къ нимъ присоединяются еще и материнскія заботы — по вскармливанію дѣтей и по уходу за ними. Гиляки, и мужчины, и женщины, очень любятъ своихъ дѣтей и нерѣдко это выражаютъ, хотя вообще очень сдержанны въ наружныхъ проявленіяхъ своихъ чувствъ. Никогда не видалъ я, чтобы Гилякъ цѣловалъ свою жену, даже собираясь въ путешествіе или возвращаясь изъ него. Зато сколько разъ приходилось мнѣ быть свидѣтелемъ того, какъ, не говорю уже женщины, но и мужчины ласкали и миловали маленькихъ дѣтей. Каждый женатый Гилякъ желаетъ себѣ какъ можно больше дѣтей и, имѣя ихъ, гордится этимъ. Одинъ изъ жителей деревни Ный, у котораго было большое семейство, очень мнѣ этимъ хвасталъ, но на всѣ мои вопросы, сколько у него дѣтей, только повторялъ: «*таммлд, таммлд*», т. е. много, много. Впрочемъ къ радости, находимой Гиляками въ своихъ дѣтяхъ, примѣшивается и эгоистическое чувство. Въ подростающихъ сыновьяхъ отецъ семейства видитъ для себя будущихъ помощниковъ на охотѣ, въ рыбной ловлѣ и въ торговлѣ, которыя составляютъ основу его благосостоянія. А дочери оказываютъ помощь по веденію домашняго хозяйства и взаключеніе являются еще доходной статьей при выдачѣ ихъ замужъ. На этомъ основаніи бездѣтная женщина легко подвергается опасности, что мужъ или отвергнетъ ее или возьметъ себѣ рядомъ съ нею вторую жену, которая, если приноситъ ему дѣтей, скоро совсѣмъ оттѣсняетъ первую на задній планъ. Изъ этого слѣдуетъ, что и женщина въ данномъ случаѣ раздѣляетъ желаніе мужчины и не пренебрегаетъ никакими средствами для удовлетворенія и его, и себя. При этомъ у Гиляковъ большую роль играетъ суевѣріе. Мнѣ самому не разъ случалось

---

1) Большая часть ихъ, какъ уже упоминалось выше (Т. II, стр. 256, 257), въ сыромъ видѣ покупается у Ороковъ, и Гиляками только отдѣлывается.

видѣть женщинъ, которыя носили на шеѣ собачій зубъ, въ надеждѣ, что это будетъ содѣйствовать ихъ плодородію. Полагаю, что между женщинами въ ходу еще и разнаго рода амулеты, нарочно для того изготовляемые, но я ничего болѣе подробнаго не могу о томъ сообщить.

Послѣ всего сказаннаго тѣмъ страннѣе кажется существованіе у Гиляковъ варварскаго обычая, въ силу котораго женщина не смѣетъ родить въ домѣ, но непремѣнно должна для того, не смотря ни на стужу, ни на поздній часъ, ни на время года, покидать его. Я не хотѣлъ этому вѣрить, но самъ былъ тому свидѣтелемъ. Во время моего посѣщенія деревни Куикъ 24 апрѣля (6 мая) 1855 г. я собирался войти въ одну изъ юртъ. Изъ нея медленно, съ трудомъ передвигая ноги, шла женщина. Неподалеку находилось очевидно заранѣе приготовленное соломенное ложе. Едва дотащившись до него, женщина тяжело упала: начались роды. Въ дверяхъ дома стоялъ ея мужъ. Онъ нѣсколько времени равнодушно на все смотрѣлъ, затѣмъ повернулся и скрылся внутри жилья; я тоже ушелъ. Нѣсколько часовъ спустя я узналъ отъ одного Гиляка изъ той же деревни, что роды окончились благополучно для матери, но ребенокъ скоро потомъ умеръ. Средняя температура этого дня въ сосѣднемъ Николаевскѣ равнялась 2°,8 по Р. Въ 7 часовъ утра термометръ показывалъ только 1°, 1, къ 2-мъ пополудни поднялся до 6°, 3, а къ 9 вечера опять упалъ до 2°,0. Рѣка еще не сбросила своего ледяного, хотя уже тонкаго покрова, и все время, при слегка облачномъ небѣ, съ Лимана дулъ умѣренный восточный вѣтеръ [1]). Поздней осенью и зимой роды, впрочемъ, не происходятъ на совершенно открытомъ воздухѣ, но въ нарочно для того сооружаемомъ легкомъ шалашѣ изъ березовой коры, гдѣ даже можно по желанію развести и поддерживать небольшой огонь. Но въ общемъ при низкой зимней температурѣ и при снѣжныхъ метеляхъ, такъ часто свирѣпствующихъ въ странѣ Гиляковъ, и мать, и новорожденное дитя всегда находятся тамъ въ крайне неблагопріятныхъ условіяхъ. Я не сомнѣваюсь, что именно этому обстоятельству и слѣдуетъ, главнымъ образомъ, приписать, какъ сильную смертность между гиляцкими дѣтьми, такъ и общую скудость гиляцкаго населенія. Откуда могъ возникнуть такой странный и безчеловѣчный обычай — не умѣю сказать. Искать его происхожденіе въ суевѣрномъ представленіи, будто женщина во время родовъ представляетъ изъ себя нѣчто нечистое — врядъ ли возможно. Это неправдоподобно уже и на основаніи показаній Доктора Зееланда [2]) и Деникера [3]), которые сообщаютъ, что женщина послѣ родовъ не подвергается никакому особенному очищенію, и по истеченіи 8—12 дней просто возвращается въ свой домъ. Первый изъ этихъ двухъ путешественниковъ приписываетъ вышеназванный обычай скорѣе тому суевѣрному представленію, какое существуетъ у Гиляковъ въ связи со смертными случаями въ домѣ, будто бы, приносящими ему несчастіе. Домъ, на этомъ основаніи, по словамъ его, долженъ подвергнуться

1) Ср. т. IV, стр. 30 этого труда.

2) Die Ghiliaken, eine ethnographische Skizze (Russische Revue, herausgegeben von Carl Röttger. XXI Bd. St.-Petersburg 1882, p. 129).

3) Dr. H. Ploss, das Weib in der Natur-und Völkerkunde. 3 Aufl. bearb. und herausg. von Dr. Max Bartels. Leipzig. 1891. Bd. II, p. 43.

разрушенію, почему Гиляки и своихъ умирающихъ тоже выносятъ изъ жилищъ и оставляютъ на открытомъ воздухѣ до наступленія смерти [1]). Существованіе такого суевѣрнаго представленія, пожалуй, и возможно, но сообщеніе, будто Гиляки въ такихъ случаяхъ разоряютъ свои жилища или, по крайней мѣрѣ, ихъ покидаютъ, требуетъ еще подтвержденій. Я считаю особенно нерѣшеннымъ этотъ вопросъ по отношенію къ огромному и многосложному китайскому зимнику *(чадрыфу)*, который воздвигается общими усиліями односельчанъ и обыкновенно служитъ жилищемъ одновременно для нѣсколькихъ семействъ. По личному опыту, впрочемъ, я ничего не могу утверждать. Пока я находился въ Николаевскѣ, въ сосѣдней деревнѣ Куикѣ, правда, произошло нѣсколько смертныхъ случаевъ, но притомъ ни одно изъ гиляцкихъ жилищъ не было ни разорено, ни покинуто. Но могло быть, что смерть во всѣхъ этихъ случаяхъ наступила внѣ дома. Мнѣ, напротивъ, даже разъ привелось видѣть покойника внутри гиляцкаго жилища, но вѣдь могло быть, что его туда внесли уже послѣ смерти. Впрочемъ, объ этомъ рѣчь впереди, въ главѣ о похоронныхъ обрядахъ у Гиляковъ. Еслибъ у Гиляковъ дѣйствительно существовало суевѣріе, о которомъ упоминаетъ д-ръ Зееландъ, то оно могло бы служить указаніемъ тому, что Гиляки при всякихъ родахъ опасаются смерти или матери, или ребенка, на что, при своемъ варварскомъ обращеніи съ роженицей, конечно имѣютъ полное основаніе. Вообще у нихъ нѣтъ недостатка и въ разныхъ суевѣрныхъ обрядахъ, къ какимъ они прибѣгаютъ для облегченія или для обезпеченія благопріятнаго исхода родовъ. Такъ иногда они вырѣзаютъ изъ дерева фигуру, относящуюся къ акту дѣторожденія (см. таб. LIV, фиг. 6) и жертвоприношеніями ей въ видѣ съѣстныхъ припасовъ, табаку и проч. стараются умилостивить и смягчить злыхъ духовъ, которые иначе могли бы оказать свое зловредное вліяніе.

Доступъ въ шалашъ, гдѣ находится родильница, дозволяется только повитухѣ, и вообще тѣмъ женщинамъ, которыя подаютъ помощь матери или ребенку. Весьма важное значеніе придаютъ Гиляки акту перерѣзыванія у новорожденнаго пуповины. Это производится ножомъ, нарочно и исключительно для того предназначеннымъ (по гил. *кысмркъ* или *кысскъджакко*, таб. XXXII, фиг. 5) и черенокъ котораго богато разукрашенъ рѣзьбою [2]). Новорожденнаго тутъ же на мѣстѣ присутствующія женщины тщательно обмываютъ. Ребенокъ остается все время съ матерью и, если не умираетъ раньше, то, когда она возвращается въ домъ, вмѣстѣ съ ней туда переносится. Съ той минуты заботы о немъ уже всецѣло лежатъ на ней одной.

Имя ребенку даютъ тотчасъ же или, по крайней мѣрѣ, очень скоро послѣ рожденія — обыкновенно къ вечеру того же дня или къ утру той же ночи, смотря по тому, днемъ или ночью онъ родился. Это не сопровождается никакимъ особымъ торжествомъ. Отецъ просто объявляетъ имя, которое больше другихъ нравится ему или матери. А иногда бываетъ, что имя ребенку предлагаетъ случайно присутствующій Гилякъ, а отецъ только одобряетъ

---

1) Dr. Seeland, тамъ же, p. 223.

2) Экземпляръ такого ножа хранится у насъ въ музеѣ. Я пріобрѣлъ его въ той же деревнѣ Куикѣ и предлагаю здѣсь рисунокъ его.

и соглашается. Здѣсь надо замѣтить, что Гиляки ни при рожденіи младенца, ни при наречении его не прибѣгаютъ къ содѣйствію шамановъ. Въ большинствѣ случаевъ рожденіе ребенка не сопровождается никакими торжествами, и только зажиточные люди празднуютъ рожденіе пиромъ, на который сзываютъ друзей и односельчанъ.

Вскорѣ ребенка кладутъ въ люльку (по гил. *чяхъ*) совсѣмъ особаго устройства. Она состоитъ изъ выдолбленнаго въ видѣ желоба куска дерева такой длины и ширины, что въ него ловко укладывается верхняя часть тѣльца ребенка съ головкой. Верхній, почти всегда заостренный, конецъ деревяннаго желоба остается открытымъ, а нижній замыкается поперечной дощечкой, изборожденной маленькими желобками, которые всѣ примыкаютъ къ одному центральному отверстію. На дощечку кладутъ ребенка, завернутаго въ тряпье вплоть до обнаженной задней части тѣльца. Пара ремней, которые переходятъ отъ одного края къ другому, препятствуютъ паденію ребенка. Къ нижней части люльки, у поперечной дощечки, прикаровливается корзиночка, до половины наполняемая мохомъ или мелкими стружками. Затѣмъ люлька подвѣшивается къ поперечнымъ балкамъ юрты надъ нарой (см. таб. XII). Но чтобы защитить нару отъ дѣтскихъ испражненій, на нее, на томъ мѣстѣ, которое приходится подъ корзиночкой, кладутъ продолговатую дощечку съ загнутыми кверху краями и испещренную множествомъ поперечныхъ и продольныхъ бороздокъ (по гил. *му*, таб. XXXIV, фиг. 9). Длинные ремни, на которыхъ люлька виситъ, такъ искусно переплетены между собою, что ее можно по произволу опускать и поднимать и сообщать ей то вертикальное, то наклонное, то горизонтальное положеніе. Для успокоенія или забавы ребенка къ задней сторонѣ люльки привѣшивается пучекъ разныхъ мелкихъ предметовъ, въ видѣ жестяныхъ и деревянныхъ кусочковъ, которые при качаніи ударяются другъ о друга и о люльку и производятъ стукъ и лязгъ. Другой подобный же пучекъ виситъ передъ люлькой такъ, чтобы ребенокъ могъ его хватать. Между прочимъ, я видѣлъ въ деревнѣ Вась висящій передъ люлькой пучекъ изъ мелкихъ стружекъ, такъ называемыхъ *цахъ:* онъ, кромѣ забавы дитяти, очевидно, имѣлъ еще и другое назначеніе, а именно, ограждать малютку отъ вліянія злыхъ духовъ. Наконецъ, къ какому нибудь мѣсту, которое ребенокъ можетъ видѣть изъ люльки, прикрѣпляется вырѣзываемая при его рожденіи деревянная фигурка съ подвижными членами — по гил. *чалча-чнгай* или, вѣрнѣе, *мачермагу* (дѣтская) *чалча-чнгай* (таб. LV, фиг. 1). Предполагается, что созерцаніе этой фигурки сообщаетъ ребенку здоровье, а членамъ его крѣпость и свободу движеній.

Подвижность люльки даетъ матери возможность кормить ребенка, не вынимая его оттуда. Гиляцкія матери очень долго кормятъ своихъ дѣтей — лѣтъ до 4-хъ, до 5-ти и дольше. Ребенокъ уже давно привыкъ къ другой пищѣ, а онѣ все еще продолжаютъ кормить его грудью, когда онъ того требуетъ. Я самъ былъ свидѣтелемъ слѣдующей сцены въ деревнѣ Ный. Пятилѣтній мальчуганъ, по которому по его росту и обращенію можно было скорѣе дать лѣтъ 7, бросивъ свои занятія, подбѣжалъ къ матери и сталъ требовать, чтобъ она покормила его грудью. Онъ былъ уже въ штанахъ и имѣлъ при себѣ мѣшокъ, который у Гиляковъ носятъ только мужчины. Мать сидѣла на нарѣ за шитьемъ, но

взаключеніе должна была уступить настойчивымъ требованіямъ сына. Это напомнило мнѣ разсказъ Ла-Перуза о томъ, что онъ видѣлъ у Орочей на заливѣ де-Кастри. На его глазахъ одинъ мальчикъ натянулъ лукъ, спустилъ довольно удачно стрѣлу, ударилъ палкою собаку и затѣмъ бросился на грудь матери, гдѣ велъ себя, какъ полугодовой ребенокъ[1]). Такимъ образомъ, у Гиляковъ часто встрѣчаются матери, которыя, кромѣ своего послѣдняго, недавно родившагося ребенка, кормятъ еще одного, а то и двухъ изъ своихъ старшихъ дѣтей[2]). Такое продолжительное кормленіе грудью, конечно, прежде всего, обусловливаетъ преждевременную старость гиляцкихъ женщинъ. По морщинистымъ лицамъ и общему виду многихъ изъ нихъ я давалъ имъ лѣтъ по 50—60; но затѣмъ видѣлъ какъ онѣ кормили грудью дѣтей — слѣдовательно не могли имѣть больше 30—40. Въ этомъ тоже, безъ сомнѣнія, кроется одна изъ причинъ малочисленности гиляцкаго населенія и медленнаго его возрастанія.

Гиляцкія дѣти, какъ самыя маленькія еще въ колыбели, такъ и болѣе взрослыя, содержатся крайне нечистоплотно. Начиная ходить и вообще свободно двигаться, они лишаются и той небольшой доли гигіеническаго ухода, какимъ до тѣхъ поръ пользовались. Матери лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ моютъ своихъ подростающихъ дѣтей. Я уже говорилъ о томъ выше, описывая случай, котораго самъ былъ свидѣтелемъ. Одинъ мальчуганъ, подвергавшійся омовенію, испускалъ отчаянные вопли и крики и изо всѣхъ силъ отбивался отъ матери, изъ чего можно было заключить, что вся эта процедура являлась для него дѣломъ непривычнымъ и крайне непріятнымъ.

Несмотря на свои неумытыя лица и часто всклокоченные волосы гиляцкія дѣти вообще, а зимой особенно, бываютъ хорошо и тщательно одѣты. Платье ихъ съ точностью воспроизводитъ въ миніатюрѣ одежду взрослыхъ — до мельчайшихъ подробностей и со всѣми украшеніями. Гиляцкія женщины не щадятъ при томъ своихъ трудовъ и, очевидно, не чужды материнскаго тщеславія. У пояса, который придерживаетъ шубу и передникъ на маленькихъ Гилякахъ, висятъ всѣ тѣ-же предметы, какъ и у взрослыхъ: *нгавла*, *ый-джакко*, трутница, огниво, орудіе для чистки трубки, и т. д. Только всѣ эти вещицы вырѣзаны изъ дерева въ миніатюрѣ. Изъ этого видно, что и отцы семействъ у Гиляковъ тоже не прочь отдавать маленькимъ дѣтямъ часы своего досуга и тѣмъ самымъ невольно возбуждаютъ въ нихъ склонность къ подражанію. Но о какомъ либо воспитаніи гиляцкихъ дѣтей не можетъ быть и рѣчи. Имъ не внушаютъ ни послушанія, ни уваженія къ родителямъ, не окружаютъ ихъ заботами, а предоставляютъ имъ безъ затѣй руководствоваться примѣромъ старшихъ.

Въ своихъ забавахъ и играхъ гиляцкія дѣти, какъ и всѣ дѣти на свѣтѣ, любятъ по-

---

1) La Pérouse, Voyage aut. du monde. T. III, p. 68. У сибирскихъ народовъ матери тоже кормятъ дѣтей до 4—5 лѣтъ, такъ, напр., у Остяковъ (Sujeff, in Pallas' Reise durch. versch. Prov. des Russ. Reichs, Bd. III, p. 53), Калмыковъ (Pallas, Samml. histor. Nachrichten über die Mongolischen Völkersch., St.-Petersburg 1776, Bd. I, p. 167), Тунгусовъ (Middendorf, Reise, etc. Bd. IV, p. 1496) и т. д.

2) По словамъ Миддендорфа, у Тунгусовъ случается, что «десятилѣтній мальчуганъ нисколько не стѣсняясь пользуется, послѣ младшаго ребенка, остатками материнскаго молока».

дражать занятіямъ и развлеченіямъ взрослыхъ. Въ самомъ раннемъ возрастѣ они катаютъ и передвигаютъ небольшія деревянныя фигурки, которыя должны изображать собакъ. Замѣчательно, однако, что фигурки эти не имѣютъ никакого, даже самаго отдаленнаго, сходства съ собакой. Онѣ повсюду въ ходу у Гиляковъ, вездѣ имѣютъ одинъ и тотъ же стереотипный видъ (см. таб. LX, фиг. 6) и разнятся только величиной, кто бы ихъ не изготовлялъ — родители или старшіе изъ дѣтей —, притомъ вовсе не имѣется въ виду болѣе или менѣе близкое воспроизведеніе собаки. Ноги животнаго, напр., здѣсь совсѣмъ отсутствуютъ. Такимъ образомъ, это только условное изображеніе собаки въ примѣненіи къ дѣтской игрушкѣ. Общая распространенность этой фигурки среди Гиляковъ заставляетъ подозрѣвать въ ней образчикъ условнаго наглядно-образнаго языка, существовавшаго у нихъ встарь. Это тѣмъ больше заслуживаетъ вниманія, что въ изображеніи, съ тою же цѣлью дѣтской забавы, другихъ звѣрей Гиляки обнаруживаютъ стремленіе уже къ точному воспроизведенію дѣйствительности. Таковы, напр., вырѣзываемыя изъ дерева фигурки карпа (по гил. *пиленгатъ*, таб. LX, фиг. 5). Едва вставъ на ноги, мальчикъ забавляется стрѣльбой изъ маленькаго лука въ цѣль или въ мнимыхъ животныхъ. Онъ ѣздитъ въ санкахъ на щенкахъ и играетъ въ медвѣдя, стараясь подражать тому, что продѣлываютъ взрослые на медвѣжьихъ празднествахъ. Одинъ изъ мальчугановъ представляетъ звѣря со всѣми его ухватками, а другіе его дразнятъ, укрощаютъ, водятъ, все какъ въ дѣйствительности. Скоро отецъ или старшіе братья берутъ подростающаго мальчика съ собой въ лѣсъ — ставить ловушки для звѣрей, или на рыбную ловлю, гдѣ учатъ его соотвѣтственнымъ пріемамъ и указываютъ, чего въ тѣхъ или другихъ случаяхъ слѣдуетъ избѣгать. Также точно и дѣвочки. Онѣ въ своихъ играхъ и занятіяхъ подражаютъ матерямъ и старшимъ сестрамъ, а затѣмъ скоро и начинаютъ имъ помогать въ ручныхъ работахъ и по домашнему хозяйству.

При многобрачіи всѣ жены живутъ вмѣстѣ въ одномъ и томъ-же помѣщеніи, и каждая изъ нихъ имѣетъ для себя и для своихъ дѣтей опредѣленное мѣсто на нарахъ. Всѣ жены пользуются одинаковыми правами и каждая несетъ свою долю труда въ домашнемъ хозяйствѣ. Но раздѣленіе труда притомъ не всегда равномѣрное. Той изъ женъ, которая пользуется наибольшимъ расположеніемъ мужа, обыкновенно предоставляется лишь легкая работа, а тяжелая распредѣляется между остальными. Но предпочтеніемъ мужа притомъ не всегда пользуется самая молодая или позже остальныхъ пріобрѣтенная жена. Изъ показаній Ючина и другихъ ясно, что Гиляки часто вступаютъ во второй и въ третій бракъ единственно съ цѣлью облегчить жизнь той или другой изъ своихъ первыхъ женъ, предоставивъ ей въ распоряженіе новую рабочую силу. Достигается ли такая цѣль — это, конечно, зависитъ отъ того, какъ съумѣютъ женщины найтись въ своемъ новомъ положеніи и урегулировать свои взаимныя отношенія. Не говоря уже о ревности, трудно себѣ представить, чтобы при столь тѣсномъ сожительствѣ и одинаковомъ участіи въ хозяйствѣ, эти женщины могли жить въ постоянномъ согласіи и всегда дружно работать на пользу одного и того же мужчины. Поэтому наиболѣе богатые Гиляки, которые, подстрекаемые тщеславіемъ похвастаться своимъ богатствомъ, дозволяютъ себѣ роскошь многоженства, нерѣдко прибѣ-

гаютъ еще къ другому средству, чтобы облегчить работу своимъ женамъ, и, не нарушая домашняго мира, оказывать предпочтеніе той или другой изъ нихъ. Средство это — въ предоставленіи самыхъ тяжелыхъ работъ въ домѣ рабамъ, преимущественно женскаго, а иногда и мужескаго пола, которыхъ нарочно для того содержатъ. Но къ этому классу никоимъ образомъ не слѣдуетъ причислять одинокихъ Гиляковъ и Гилячекъ, которые присоединяются къ какой нибудь семьѣ и, за даровое помѣщеніе и пищу, берутъ на себя исполненіе самыхъ тяжелыхъ обязанностей въ домѣ: таскаютъ воду, рубятъ и колятъ дрова, и т. д. Люди эти какъ бы состоятъ въ положеніи наемной прислуги и добровольно берутъ на себя тѣ или другія обязанности и могутъ по произволу ихъ съ себя слагать. Это вовсе не лишаетъ ихъ уваженія соотечественниковъ и не наноситъ ни малѣйшаго ущерба ихъ правамъ.

Иное дѣло рабы. У Гиляковъ существуетъ отдѣльное для нихъ названіе *крыгхрысь* или, соотвѣтственно полу, *крыгхрысь-умгу* — для женщинъ и *крыгхрысь-утгу* — для мужчинъ. Замѣчательно, что рабовъ изъ среды своего собственнаго племени у Гиляковъ никогда не бываетъ. Ихъ снабжаютъ ими преимущественно сосѣднія племена, Аины и Гольды. Первые, «Куги», поставляютъ наибольшее количество рабовъ и особенно рабынь, а вторые, «Янты», и «Чолдоки», т. е., нижніе и верхніе Гольды, меньше. Другихъ племенъ, которыя бы тоже поставляли имъ рабовъ, Гиляки не могли мнѣ назвать. Обратимъ здѣсь вниманіе на то обстоятельство, что постыдная торговля дѣвочками и мальчиками производится именно тѣми двумя изъ Амурскихъ инородцевъ, которые, состоя въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ двумя культурными народами на востокѣ Азіи — съ японцами и китайцами, имъ подчинены и въ значительной мѣрѣ томятся подъ ихъ игомъ. Такимъ образомъ, Аины, которые сами всего больше страдаютъ отъ неволи, оказываются и самыми рьяными работорговцами. Это не простая случайность, а прямое послѣдствіе того нравственнаго упадка, который коренится въ ихъ подневольномъ положеніи, тѣмъ болѣе, что и сами притѣснители ихъ часто являются посредниками при продажѣ въ рабство Гилякамъ аинскихъ и гольдскихъ женщинъ. Торговыя путешествія ихъ въ страну этихъ инородцевъ представляютъ имъ удобные для того случаи. Напротивъ Гиляки, съумѣвшіе сохранить свою независимость, хотя и покупаютъ рабовъ у Аиновъ и Гольдовъ и даже перепродаютъ ихъ дальше, рѣшительно отказываются содержать или продавать на сторону рабовъ изъ своего собственнаго племени. Мало того, еслибы кто изъ нихъ рѣшился на такое дѣло, тотъ, по ихъ собственному свидѣтельству, возбудилъ-бы противъ себя всеобщее негодованіе и даже ни минуты не могъ-бы быть спокоенъ за свою жизнь.

Въ общемъ однако число рабовъ у Гиляковъ, особенно мужескаго пола, довольно ограничено. Это обусловливается высокой цѣной, за какую они пріобрѣтаются или прямо отъ Аиновъ и Гольдовъ, или, еще больше, при дальнѣйшей перепродажѣ ихъ одними Гилякими другимъ. Стоимость невольницы значительно превышаетъ стоимость жены. Гилякъ Ссогинъ изъ Куика, напр., заплатилъ за свою рабыню, Котъ, изъ племени Аиновъ, гораздо дороже, чѣмъ за свою вторую жену, Малгукъ, изъ Лангра. Послѣднюю,

какъ сказано выше, онъ купилъ за 155 *я*, т. е. за 310 руб., рабыня же стоила ему, кромѣ разныхъ другихъ предметовъ, еще 40 кусковъ китайской шелковой матеріи, или, принимая въ соображеніе только эти куски, 200 *я*, на наши деньги около 400 руб., и при всемъ томъ она наружностью значительно уступала его обѣимъ женамъ. Но при соціальномъ положеніи рабынь у Гиляковъ — какъ мы это дальше увидимъ — наружность не играетъ никакой роли. Имѣть рабыню могутъ только самые богатые, и кто разъ пріобрѣлъ таковую, тотъ очень этимъ важничаетъ. Такъ было, между прочимъ, и съ Ссогиннымъ въ Куикѣ. Вообще владѣть невольницею считается въ высшей степени завиднымъ. Иной Гилякъ готовъ отдать своему соотечественнику въ жены собственную дочь съ доплатой всего, что тотъ еще потребуетъ, лишь бы перекупить у него рабыню. Рабы изъ мужчинъ дешевле цѣнятся и къ пріобрѣтенію ихъ вообще меньше стремятся: они не такъ ловки, лѣнивѣе, а, кромѣ того, какъ ни скромно положеніе ихъ въ домѣ, они все-же подчасъ могутъ возбуждать въ своемъ господинѣ ревность.

Рабы и рабыни не пользуются никакими общественными правами и находятся въ полной зависимости отъ своего господина. Это не больше, какъ домашнія животныя въ образѣ людей, и если съ ними обращаются человѣчно, то лишь насколько того требуютъ собственные интересы, при чемъ владѣлецъ, когда ему вздумается, ихъ и продаетъ. Само собою разумѣется, на ихъ долю выпадаютъ самыя тяжелыя работы. Они носятъ воду, рубятъ, колятъ дрова, кормятъ собакъ и вообще исполняютъ все, что имъ прикажутъ. Назначеніе ихъ — повиноваться и служить. Такимъ образомъ, въ домѣ, гдѣ имѣется рабыня, хозяйство почти исключительно на ней лежитъ, а жена или жены хозяина занимаются, по желанію, ручными работами, уходомъ за дѣтьми и тому подобными несложными дѣлами. Но масса тяжелаго труда — еще не самое печальное въ судьбѣ этихъ рабовъ. Они, и особенно рабыни, всего больше страдаютъ отъ полнаго безправія и отъ презрѣнія, съ какимъ къ нимъ относятся Гиляки, не допуская ихъ ни до какого общенія съ собой. Гиляку возбраняется, какъ самому жениться на невольницѣ, такъ и перепродавать ее другому, который обнаруживалъ бы намѣреніе на ней жениться. Не менѣе строго запрещается Гилякамъ и брать себѣ наложницъ изъ рабынь: еслибъ кто либо изъ нихъ на это посягнулъ, то онъ сразу лишился бы уваженія и почета, какимъ до тѣхъ поръ пользовался въ силу богатства, которое позволяло ему держать невольницу. Мало того: онъ вызвалъ-бы цѣлую бурю и ополчилъ бы противъ себя всѣхъ своихъ односельчанъ. Это, конечно, тоже свидѣтельствуетъ въ пользу нравственности Гиляковъ. Такимъ образомъ, невольница можетъ быть очень полезна въ домѣ, не возбуждая ревности жены или женъ хозяина дома и не внося туда раздора, какъ то слишкомъ часто бываетъ при многобрачіи. Въ этомъ, должно быть, отчасти кроется и причина, почему пріобрѣтеніе невольницы составляетъ у Гиляковъ предметъ такихъ пламенныхъ желаній и почему они всегда готовы дорого за нее платить. Если спросить Гиляка, сколько у него въ семьѣ женщинъ *(умгу)*, онъ непремѣнно причислитъ къ нимъ и невольницу, если она у него есть: вѣдь онъ за нее заплатилъ дороже, чѣмъ за жену или чѣмъ за ту или другую изъ женъ своихъ, и это еще

прибавляетъ къ почету, какимъ онъ пользуется. Это легко можетъ вести къ невѣрному представленію о распространенности среди нихъ многобрачія, а чтобы прійти къ точному пониманію брачной жизни такого Гиляка, приходится рѣшать слѣдующіе вопросы: сколькія изъ этихъ женщинъ его настоящія *ванхъ* (жены) или *джанги-мучь-умгу* (равноправныя жены) и сколькія изъ нихъ только *крыхрысь-умгу* (невольницы).

Строгій запретъ вступать въ половое сношеніе съ рабынями, однако, не всегда соблюдается молодыми и холостыми Гиляками. Но ни одинъ изъ нихъ никогда не рѣшится признать потомства, могущаго произойти отъ такого сближенія, а показанію рабыни, само собою разумѣется, не придаютъ никакой вѣры. Ребенокъ, явившійся на свѣтъ при такихъ условіяхъ, считается принадлежащимъ къ племени своей матери и собственностью *(крыхрысь)* ея господина. Ему предоставляютъ расти подлѣ матери, а когда онъ выростаетъ, содержатъ его или продаютъ, какъ всякаго другого раба. Если-же, что случается гораздо рѣже, гилякая дѣвушка вступаетъ въ связь съ невольникомъ, и слѣдствіемъ того является ребенокъ, ее самое подвергаютъ наказанію, отца вполнѣ игнорируютъ, а несчастнаго малютку, какъ незаконнорожденнаго, умерщвляютъ и трупъ его скрываютъ. Зато Гиляки, напротивъ, весьма покровительствуютъ бракамъ между невольниками. Мало того, уже владѣя рабыней, они еще охотно пріобрѣтаютъ раба и соединяютъ ихъ бракомъ, въ расчетѣ, что могущее произойти отъ того потомство еще увеличитъ ихъ достояніе. Такимъ образомъ Гиляки, не имѣя ничего противъ своего сближенія съ сосѣдними племенами посредствомъ смѣшанныхъ браковъ, въ силу своей національной гордости обнаруживаютъ полное отвращеніе къ сближенію съ рабами изъ тѣхъ же самыхъ племенъ и отъ возможности возникновенія рабовъ изъ своей собственной среды. Зато тотъ же Гилякъ, подъ вліяніемъ стремленія къ наживѣ, находитъ удовольствіе во владѣніи рабами чуждаго ему происхожденія и не прочь извлекать изъ нихъ всевозможную пользу.

Замѣтимъ здѣсь, что японскій путешественникъ Маміа Ринсо или вовсе проглядѣлъ положеніе рабовъ среди Гиляковъ или намѣренно извратилъ его. Во всякомъ случаѣ онъ даетъ неправильное понятіе о домашнемъ и семейномъ бытѣ описываемаго имъ народа. Вотъ что онъ говоритъ о своемъ пребываніи у Смерепкуровъ (Гиляковъ) на мысѣ Нотеито на западномъ берегу Сахалина[1]). «Въ ихъ странѣ существуетъ обычай, въ силу котораго женщины господствуютъ надъ мужчинами, обращаются съ ними какъ со слугами и заставляютъ ихъ исполнять всякія работы». Самъ онъ, продолжаетъ дальше нашъ путешественникъ, тоже «долженъ былъ склониться подъ ярмо хозяйки дома, гдѣ онъ жилъ, и наравнѣ съ другими мужчинами нести свою долю работы, ежедневно на него возлагаемую. Хозяйка, впрочемъ, оказывала ему особую благосклонность, что не преминуло возбудить ревность другихъ мужчинъ. Замѣтивъ это, Маміа Ринсо сдѣлался очень остороженъ, не

1) На картѣ Маміа Ринсо, воспроизводимой Зибольдомъ (таб. XXV), мысъ Потеито вовсе отсутствуетъ, но на той картѣ, которая приложена къ труду Могами Ток-наи, онъ расположенъ нѣсколько вкось отъ бухты Таба или отъ начала пролива Таба-Кидзи (см. Т. II, стр. 299 наст. труда).

желая преступить въ томъ, что ему иначе пришлось бы скрывать. Онъ открыто исполнялъ домашнія работы на глазахъ у другихъ мужчинъ и своею скромностью заслужилъ ихъ довѣріе и уваженіе, такъ что они взаключеніе одарили его мясомъ и рыбой [1])».

Непонятно, какимъ образомъ, на основаніи этихъ показаній Ринсо, у Зибольда [2]) могла возникнуть догадка, будто у Гиляковъ тоже существуютъ мужчины, исполняющіе роль женщинъ на подобіе камчадальскихъ *коекучей* или *колячичей* [3]), о которыхъ упоминаютъ Стеллеръ и Крашенинниковъ. Достаточно замѣтить по этому поводу, что ни я, ни, насколько мнѣ извѣстно, никто изъ другихъ путешественниковъ по Амуру, не встрѣчалъ никакихъ указаній на существованіе чего либо подобнаго у Гиляковъ, и догадка Зибольда такимъ образомъ должна считаться вполнѣ неосновательною. Ближе къ правдѣ можетъ показаться, по крайней мѣрѣ на первый взглядъ, его заключеніе, на основаніи показаній Ринсо, о существованіи у Смерепкуровъ на Крафто (Гиляковъ на Сахалинѣ) поліандріи. «Сѣверозападный берегъ Крафто» — утверждаетъ онъ — «единственная страна въ мірѣ, гдѣ, въ силу закона или обычая, практикуется поліандрія». Но и это заключеніе, какъ видно изъ вышеприведеннаго описанія, невѣрно: у Гиляковъ ни на Сахалинѣ, ни на материкѣ, нигдѣ не существуетъ поліандрія. Чѣмъ же объяснить въ данномъ случаѣ заблужденіе японскаго путешественника, остальныя сообщенія котораго заслуживаютъ полнаго довѣрія? Такъ, между прочимъ, мы находимъ у него описаніе своеобразной гиляцкой колыбели [4]), вполнѣ согласное съ нашимъ [5]). Не желая укорять Мамія Ринсо въ чистомъ вымыслѣ, мы, однако, не можемъ воздержаться отъ слѣдующаго предположенія: не руководили-ли имъ въ данномъ случаѣ мотивы личнаго свойства, которые, запутавъ его показанія, дали возможность ихъ разнообразно толковать? Предпринятое въ предъидущемъ году путешествіе Мамія Ринсо въ Тотатсъ (на противолежащій Сахалину материкъ) ему не удалось, и онъ, въ ожиданіи болѣе благопріятныхъ условій, провелъ нѣсколько времени среди Смерепкуровъ (Гиляковъ) на мысѣ Нотепто, гдѣ въ пріютившемъ его домѣ принужденъ былъ для поддержанія своего существованія отправлять разпаго рода домашнюю службу въ пользу своихъ хозяевъ, какъ-то: рубить дрова, и т. д. Такимъ образомъ онъ временно очутился въ положеніи лицъ, которыя обязательной работой обезпечиваютъ себѣ кровъ и прокормленіе. Вслѣдствіе этого онъ долженъ былъ, подобно имъ, иногда, какъ настоящій рабъ, повиноваться всѣмъ приказаніямъ хозяйки дома, обращавшейся съ нимъ какъ со слугой. Но это еще вовсе не доказываетъ существованія у Гиляковъ поліандріи и не подтверждаетъ показанія о господствѣ среди нихъ женщины. Весьма возможно, что тщеславіе и опасеніе уронить себя въ глазахъ своего правительства побудили путешественника объяснить свое унизительное положеніе среди Смерепкуровъ обы-

---

1) Mamia Rinsô, Tô-tats-kiko, Siebold, Nippon, VII, p. 169.

2) См. тамъ же, стр. 198.

3) Steller, l. c. p. 351, Anm. Krascheninnikof, l. c. p. 40. См. также Т. II, стр. 24, прим. 3, наст. труда.

4) Тамъ-же, стр. 191.

5) См. выше, стр. 13.

чаемъ ихъ страны. Съ тою-же, вѣроятно, цѣлью онъ идеализируетъ смеренкурскихъ женщинъ, когда говоритъ, «что у нихъ лицо и кожа, вслѣдствіе ежедневныхъ омовеній, необыкновенно красивы и нѣжны». На самомъ же дѣлѣ Гилячки на Сахалинѣ имѣютъ еще болѣе неопрятный видъ, чѣмъ на материкѣ, вѣроятно, отъ того, что живутъ въ болѣе тѣсномъ, темномъ и дымномъ помѣщеніи подземныхъ юртъ.

Избѣгая при своемъ собственномъ подчиненномъ положеніи говорить о рабахъ, Мамія Ринсо, однако, отлично знаетъ о ихъ существованіи у Гиляковъ. Такъ, описывая жителей на югѣ Крафто (Аиновъ) [1]), и онъ сообщаетъ, что они, производя торговлю съ Сантанерами, т. е. Гиляками, Ольчами, Гольдами, также «часто продаютъ имъ и людей, а именно вдовъ и вдовцовъ, сирыхъ и всякаго рода одинокихъ и обездоленныхъ. За каждаго такого индивидуума они берутъ 3—4, часто и 6—7 кусковъ затканной золотомъ матеріи, а молодыхъ и слабоумныхъ людей, не пригодныхъ для работы, вымѣниваютъ на болѣе грубые предметы». Аины съ Ессо и острова Ризири — продолжаетъ онъ — даже нарочно пріѣзжаютъ на Сахалинъ, съ цѣлью продавать людей въ вышеуказанныхъ условіяхъ. «Этимъ объясняется» — прибавляетъ Мамія Ринсо — «то, что въ странѣ Смеренкуровъ встрѣчаются татуированныя женщины»: совершенно правильное заключеніе, такъ какъ у самихъ Гиляковъ, какъ уже сказано выше [2]), татуировка вовсе не въ ходу. Такимъ образомъ, сообщенія японскаго путешественника о торговлѣ рабами у Аиновъ вполнѣ согласуются съ нашими и даже существенно ихъ пополняютъ. А вѣдь изъ всего этого прямой выводъ, что Гиляки не только на материкѣ, но и сахалинскіе, содержатъ рабовъ и рабынь, которыхъ, и именно послѣдніе, пріобрѣтаютъ вѣроятно исключительно отъ Аиновъ. Но, помимо купли, Сантанеры, по словамъ того же Ринсо, добываютъ себѣ рабовъ еще и другими, насильственными способами. Напримѣръ, если Аинъ въ своихъ торговыхъ сдѣлкахъ съ Гилякомъ ему задолжаетъ и не въ состояніи ему заплатить своего долга во второй пріѣздъ его на островъ, тотъ беретъ у него, въ качествѣ заложниковъ, братьевъ, сестеръ или дѣтей и увозитъ съ собою. Само собой разумѣется, что заложники эти обращаются тогда въ рабовъ. Японское правительство, неограниченно распоряжавшееся на югѣ Сахалина и во власти котораго находился главный центръ торговли Аиновъ съ Гиляками, Сиранусси, не считало нужнымъ класть преграды этому варварскому обычаю, исчезнувшему только съ переходомъ острова въ русское владѣніе.

Здѣсь позволю себѣ привести для сравненія нѣсколько данныхъ о рабствѣ и у другихъ палеазіатскихъ народовъ. Несмотря на то, что Аины ведутъ съ Гиляками и Ольчами постыдную торговлю людьми изъ своего роднаго племени, тѣмъ не менѣе ни Мамія Ринсо, ни другіе путешественники, не упоминаютъ о существованіи у нихъ самихъ рабовъ изъ собственной среды. Чѣмъ это объяснить: собственнымъ ли ихъ добродушіемъ и слабостью или запретомъ японцевъ, которые распоряжаются тамъ, какъ истые властелины—не знаю.

---

1) Mamia Rinsô, Tô-tats-kiko, Siebold, Nippon, VII, p. 186, 187.

2) См. Т. II, стр. 109 и слѣд.

Гораздо хуже въ этомъ отношеніи было, да кажется и теперь еще продолжаетъ быть, положеніе вещей у Корейцевъ. Витсенъ [1]), со словъ плѣнныхъ Голландцевъ разсказываетъ, что Корейцы содержатъ много рабовъ и рабынь изъ собственнаго племени, иные по нѣскольку сотенъ. Съ теченіемъ времени число ихъ, согласно Даллету [2]), уменьшилось, но безнравственный порядокъ вещей всетаки еще существуетъ. Люди неимущіе и самихъ себя и дѣтей своихъ продаютъ въ рабство. Тому же подвергаются и дѣти, происходящія отъ рабынь, или подкидыши. Наконецъ, существуютъ еще и рабы, принадлежащіе не частнымъ лицамъ, но самому государству. Здѣсь нельзя не признать вліянія сосѣдняго Китая, гдѣ мы видимъ то же самое [3]). У сѣверныхъ палэазіатскихъ народовъ рабство возникло слѣдующимъ путемъ. Они обращали въ невольниковъ военноплѣнныхъ, т. е. индивидуумовъ изъ чуждыхъ имъ племенъ. Кромѣ того, они выкрадывали женщинъ и дѣвушекъ у своихъ враговъ и обращали ихъ въ женъ и наложницъ. Такъ было у Ительменовъ, Коряковъ [4]) и Алеутовъ до покоренія ихъ русскими. Алеуты особенно отличались безчеловѣчнымъ обращеніемъ съ рабами: они цѣлыми массами убивали ихъ на своихъ пиршествахъ [5]). О Чукчахъ, которые дольше прочихъ сохранили свою независимость и своеобразный строй жизни, Врангель разсказываетъ [6]), что у нихъ, какъ у бродячихъ, такъ и у сидячихъ на морскомъ берегу, существуетъ что то вродѣ крѣпостной зависимости или рабства. Наиболѣе зажиточные содержатъ въ неволѣ даже цѣлыя семьи, члены которыхъ не смѣютъ никуда отлучаться, не имѣютъ никакой собственности, находятся въ полной зависимости отъ произвола своихъ господъ и употребляются на самыя тяжелыя работы, за что ихъ кормятъ и одѣваютъ. О происхожденіи этихъ рабовъ Врангель не могъ добыть никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній. Однако, онъ полагаетъ, что они потомки прежнихъ военно-плѣнныхъ, слѣдовательно изъ чуждыхъ племенъ. А существованіе ихъ изстари цѣлыми отдѣльными семьями заставляетъ предполагать, что Чукчи избѣгаютъ смѣшенія съ ними и не берутъ себѣ изъ ихъ среды ни женъ, ни наложницъ. Изъ этого очевидно, что у Чукчей такое же точно отношеніе къ рабамъ, какъ и у Гиляковъ. И въ этомъ порядкѣ вещей, и въ мотивахъ, на какихъ онъ зиждется — а именно, въ болѣе живомъ національномъ самосознаніи и въ болѣе сильномъ духѣ независимости — намъ представляется та же параллель, какую мы уже проводили между этими двумя племенами по поводу присущей обоимъ предпріимчивости, которая у тѣхъ и у другихъ выразилась въ широко распространенной промышленной и торговой дѣятельности.

---

1) Noord en Oost Tartarye, Amsterdam, 1705, p. 59.

2) Histoire de l'église de Corée précedée d'une introd. sur l'hist., les institut., la langue, les moeurs et cost. coréennes. Paris. 1874. Упомянуто въ Petermann's Geogr. Mittheil. 1875. p. 113.

3) Ср., напримѣръ, Neuhof, Die Gesantsch. der Ost-Indisch. Geselsch. in den verein Niederländen an dem Tartar. Cham. etc. Amsterdam. 1666. p. 293. Du Halde, Descript. de l'Emp. de la Chine, Paris. 1735. T. III, p. 128. Іакинфъ, Китай. С.-Петерб. 1840. стр. 337, 338 и др.

4) Steller, l. c. p. 235.

5) Веніаминовъ, Зап. объ остр. Уналашк. Отд. ч. II, стр. 83—89.

6) Путеш. по сѣв. бер. Сиб. и пр., ч. II, стр. 339, 340.

Но вернемся къ семейному быту Гиляковъ. Взаимныя отношенія у нихъ между собой различныхъ членовъ семьи вполнѣ выясняются при ближайшемъ ознакомленіи съ дѣйствующимъ у нихъ правомъ наслѣдія. Послѣ всего вышесказаннаго о бракѣ само собою разумѣется, что право это распространяется исключительно на лицъ мужескаго пола, а женщину притомъ не только обходитъ, но еще и ее самое обращаетъ въ предметъ наслѣдства. Прямые, единственные наслѣдники умершаго Гиляка — его сыновья, сколько бы ихъ ни было, и притомъ на совершенно равныхъ основаніяхъ, безъ всякаго отношенія къ старшинству. Это тѣмъ замѣчательнѣе, что гиляцкій языкъ даже обладаетъ отдѣльнымъ названіемъ для обозначенія старшаго сына *(ыжкынъ)*, а для младшихъ сыновей у нихъ существуетъ другое слово *(ачекъ)*. Жена и дочери, замужнія или дѣвицы все равно, не имѣютъ никакой доли въ наслѣдствѣ. Забота о вдовахъ, если возрастъ исключаетъ для нихъ возможность новаго брака, предоставляется ихъ сыновьямъ. Замужняя дочь, послѣ того какъ плата, внесенная за нее мужемъ отцу ея идетъ на пріумноженіе имущества ея братьевъ, считается членомъ другой семьи; незамужняя дочь по смерти отца становится собственностью братьевъ, и женихъ уже покупаетъ ее у нихъ, а плата за нее опять-таки поровну дѣлится между ними. Въ случаѣ смерти неженатаго брата оставшіеся наслѣдуютъ ему тоже въ равныхъ частяхъ. Это повторяется и тогда, если неженатый братъ, уже ставъ самостоятельнымъ, умираетъ еще при жизни отца. Отецъ ни въ какомъ случаѣ не наслѣдуетъ сыну.

Положеніе вещей нѣсколько измѣняется, когда по смерти брата остается жена — одна или съ малолѣтними дѣтьми того или другого пола. Одинокая вдова со всѣмъ имуществомъ умершаго переходитъ къ слѣдующему за нимъ по старшинству брату его, въ качествѣ жены — безразлично, холостъ онъ или женатъ, хотя бы то даже уже на нѣсколькихъ женахъ. Это лучшее доказательство, что Гиляки въ сущности не питаютъ отвращенія къ полигаміи, и если воздерживаются отъ нея, то только въ силу экономическихъ причинъ. И дальше: вдова съ малолѣтними дочерьми тоже переходитъ въ собственность слѣдующаго по старшинству брата своего умершаго мужа. Дѣти женскаго пола, считаясь какъ бы имуществомъ родителей, составляютъ часть наслѣдства послѣ нихъ, и въ этомъ качествѣ достаются второму мужу своей матери. Достигнувъ зрѣлаго возраста, онѣ, когда на то представляется случай, по общему ходу вещей продаются женихамъ. Если же при вдовѣ остаются и малолѣтніе сыновья, то она сама съ дочерьми отходитъ къ деверю; имущество же покойнаго только временно ему достается. Онъ владѣетъ имъ, пока не выростутъ сыновья умершаго брата, а затѣмъ обязанъ передать его имъ.

Бракъ вдовы съ деверемъ, однако, не обязателенъ. Всякій посторонній можетъ, если пожелаетъ, жениться на вдовѣ, съ согласія деверя и за опредѣленную имъ плату. Дѣтямъ, въ силу обычая, не воспрещается слѣдовать за матерью. Но, если по достиженіи малолѣтними зрѣлаго возраста, ихъ къ себѣ потребуютъ родственники умершаго отца, мужъ ихъ матери не имѣетъ права ихъ у себя удерживать, а долженъ отпустить даже безъ всякаго вознагражденія для себя и ущерба для нихъ.

Въ случаѣ смерти младшаго изъ братьевъ остальные наслѣдуютъ его имуществу, но

вдова не достается по праву ни одному изъ нихъ. Она можетъ по собственной волѣ выбирать любого изъ сватающихся за нее со стороны, причемъ послѣдній ничего не обязанъ платить ея деверямъ. А на ея дѣтей тогда распространяются только что указанныя правила.

Въ послѣднихъ случаяхъ, гдѣ жена и дѣти лишь отчасти являются предметами наслѣдства, и принципъ равнаго раздѣла между братьями не можетъ быть соблюденъ, гиляцкое право наслѣдія отдаетъ преимущество не старшему, а младшему. Это тѣмъ любопытнѣе, повторяемъ мы, что въ языкѣ Гиляковъ существуетъ совершенно особое слово для обозначенія старшаго брата.

Наконецъ, когда послѣ умершаго Гиляка не остается ни сыновей, ни братьевъ, право наслѣдства переходитъ къ ближайшимъ родственникамъ покойнаго, мужескаго пола. Ему наслѣдуютъ сыновья брата или сыновья брата отца, т. е. племянники и двоюродные братья первой и второй степени, но всегда по мужской линіи. По словамъ самихъ Гиляковъ, умершему тогда наслѣдуетъ его, такъ называемый, *каллъ*. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что Гиляки дѣлаютъ существенную разницу между родственниками со стороны отца и со стороны матери. Первые называются *нгафкг* и считаются кровными родными, а вторые *àмалъ* или *àрмалъ*, что значитъ попросту «друзья». Поэтому Гиляки, въ разговорахъ между собой и при обращеніи къ постороннимъ, обыкновенно употребляютъ слово *амалà* «другъ». Посторонніе отвѣчаютъ имъ тѣмъ же. Гораздо многозначительнѣе звучитъ въ ихъ устахъ слово *нгафкà*, которое слышится несравненно рѣже и только въ примѣненіи другъ къ другу. Всѣ *нгафки*, т. е. родственники со стороны отца, взятые вмѣстѣ, составляютъ *каллъ*. Слово это, однако, не только означаетъ происхожденіе, полъ и родство, но еще и соотвѣтствуетъ фамильному прозвищу у насъ. Это—гольдское *хала*, которое первоначально употреблялось лишь въ примѣненіи къ семейнымъ отношеніямъ, но позже подъ маньчжурскимъ владычествомъ перешло въ администрацію и получило значеніе, которое мы подробнѣе выяснимъ въ слѣдующемъ отдѣлѣ. Но это не распространилось на Гиляковъ, вообще не подверженныхъ маньчжурскому вліянію, и слово *каллъ* сохранило у нихъ свое первоначальное, чисто семейное значеніе.

На этомъ основаніи слѣдовало бы ожидать, что у Гиляковъ существуютъ особыя наименованія для обозначенія каждаго отдѣльнаго рода, и я не сомнѣваюсь, что таковыя дѣйствительно есть. Но мнѣ не пришлось въ томъ убѣдиться на дѣлѣ, потому, можетъ быть, что въ личныхъ сношеніяхъ между собою у Гиляковъ обыкновенно находятся только ближайшіе члены *калла* и такъ хорошо другъ другу знакомые, что болѣе точное обозначеніе притомъ рода не считается нужнымъ. Къ тому же практическое значеніе принадлежности къ тому или другому роду въ данномъ случаѣ еще умаляется для Гиляковъ тѣмъ, что она не играетъ никакой роли въ одномъ изъ главнѣйшихъ явленій ихъ жизни, а именно въ бракѣ. Мы уже говорили выше[1]), что Гиляки, въ противоположность нѣкоторымъ другимъ

1) См. выше, стр. 6.

народамъ, вполнѣ допускаютъ у себя браки между членами одного и того же *калла*. Изъ всего вышесказаннаго очевидно, что на основаніи права наслѣдія мужескій полъ играетъ у Гиляковъ главную роль и ему вездѣ отдаютъ предпочтеніе. Женщина не только не имѣетъ своей доли въ наслѣдствѣ, но сама составляетъ часть его, въ качествѣ дѣвицы послѣ отца и въ качествѣ вдовы послѣ мужа, и никогда сама не распоряжается своей судьбой. Завоевать себѣ почетное и вліятельное мѣсто въ семьѣ она можетъ, только опираясь на свои природныя средства и дарованія, какъ мать и жена, и это ей въ извѣстной, а иногда даже и въ значительной степени удается.

Все, только что нами сказанное о правѣ наслѣдія у Гиляковъ, почти цѣликомъ встрѣчаемъ мы и у другого палэазіатскаго парода, а именно у бродячихъ Коряковъ, главное имущество которыхъ заключается въ оленьихъ стадахъ. У нихъ, говоритъ Дитмаръ[1]) — отцу наслѣдуютъ тоже одни сыновья и тоже въ равныхъ доляхъ. Дочерямъ же предоставляются только олени, происходящіе отъ тѣхъ животныхъ, которыхъ имъ дарятъ при рожденіи. И дальше: по смерти холостого Коряка имущество его поровну дѣлится между остающимися братьями. Если же умершій оставляетъ вдову, она достается въ жены его младшему брату, когда тотъ холостъ или вдовъ. Въ противномъ случаѣ овдовѣвшая жена переходитъ къ слѣдующему затѣмъ второму изъ младшихъ братьевъ, къ третьему и такъ дальше при одинаковыхъ условіяхъ. Но никогда вдова не выходитъ замужъ за старшаго или уже женатаго брата своего покойнаго мужа. Если же, наконецъ, ни одинъ изъ ея деверей не соотвѣтствуетъ даннымъ требованіямъ, ей не препятствуютъ брать себѣ мужа со стороны[2]). Итакъ, право наслѣдія у Коряковъ принципіально почти однородно съ гиляцкимъ, но оно у нихъ еще на нѣсколько степеней менѣе благопріятно для женщинъ.

Но, если, какъ мы видѣли, родственники со стороны отца, одни считаясь у Гиляковъ кровными, пользуются правами, въ которыхъ отказано родственникамъ по женской линіи, зато они и несутъ обязанности, неизвѣстныя послѣднимъ. Обязанности эти, главнымъ образомъ, связаны съ такъ называемой кровавой местью, которая играетъ столь важную роль въ жизни Гиляковъ. Они, какъ и всѣ первобытные народы, крѣпко держатся мнѣнія, что всякое кровопролитіе требуетъ соотвѣтственнаго возмездія со стороны пострадавшаго или его близкихъ. Не менѣе глубоко заложено въ нихъ и убѣжденіе, что всякій, не исполнившій этотъ завѣтъ, неизбѣжно искупаетъ такое упущеніе несчастіемъ и даже смертію. Это повсемѣстно распространенное среди нихъ вѣрованіе и имѣетъ у нихъ при исполненіи кровавой мести могущественное, рѣшающее и прочное вліяніе на поведеніе обѣихъ сторонъ —

---

1) Bull. de la cl. hist.-phil. de l'Acad. Imp. des sc. de St.-Pétersb., T. XIII, p. 125; Mél. russes tirés du Bull. T. III, p. 33.

2) Обычай, въ силу котораго вдова старшаго брата переходитъ къ младшему, а вдова младшаго можетъ свободно собой располагать, встрѣчается также и у Самоѣдовъ Туруханской области (Кривошапкинъ, Енисейск. окр. Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. 1863, I. Изсл. и Мат., стр. 178. Третьяковъ, Туруханск. край. Зап. Русск. Геогр. Общ. По общ. Геогр. Т. I. 1869. стр. 403), у Якутовъ (Sauer, Kap. Billing's Geogr. astronom. Reise nach den nördl. Geg. Russlands, p. 164) и у другихъ сибирскихъ народовъ.

какъ нападающей, такъ и пассивной. Въ интересахъ нападающаго дѣйствовать изъ засады, исподтишка, какъ можно быстрѣе и неожиданнѣе; затѣмъ онъ спѣшитъ укрыться въ надежномъ мѣстѣ, чтоыы спасти себя отъ немедленной мести, всячески затруднить ее своему противнику въ будущемъ или сдѣлать ее даже совсѣмъ невозможной и такимъ образомъ подвергнуть его всѣмъ дурнымъ послѣдствіямъ, которыя неизбѣжно должны обрушиться на его голову, вслѣдствіе неисполненія кровавой мести. Обычнымъ орудіемъ Гиляковъ чаще всего является большой ножъ (нгавла-джакко), который, находясь всегда на поясѣ, всего менѣе возбуждаетъ подозрѣніе. Съ большимъ удобствомъ совершенно неожиданно Гилякъ можетъ нанести своимъ ножемъ ударъ въ ту минуту, когда его противникъ беззаботно сидитъ возлѣ него за ѣдой или куритъ трубку. Послѣ того онъ скрывается въ свою деревню и съ тѣхъ поръ тщательно избѣгаетъ не только мѣста, гдѣ совершилъ кровавое дѣло, но и встрѣчъ съ односельчанами своей жертвы. Пострадавшій же, если онъ остался въ живыхъ, съ той минуты только и думаетъ о томъ, какъ-бы поскорѣе отмстить врагу. Чѣмъ дольше откладывается месть тѣмъ хуже для пострадавшаго, тѣмъ грознѣе представляется ему будущее. Постоянный суевѣрный страхъ въ душѣ первобытнаго человѣка самымъ гибельнымъ образомъ вліяетъ на состояніе его духа и на образъ дѣйствій. Я самъ имѣлъ разъ наглядное доказательство этого. Въ бытность мою въ Николаевскѣ меня иногда посѣщалъ Гилякъ Неньданъ, изъ деревни Аллофъ, — человѣкъ весьма уважаемый своими односельчанами, которому я обязанъ многими интересными сообщеніями о его соотечественникахъ. Явившись однажды ко мнѣ послѣ довольно долгаго промежутка онъ поразилъ меня своимъ угнетеннымъ, печальнымъ видомъ. Его высокая не въ примѣръ большинству Гиляковъ и стройная фигура согнулась и точно осѣла. Взоръ его помутился, и говорилъ онъ, казалось, съ трудомъ На мои настойчивые разспросы, что съ нимъ, онъ наконецъ сказалъ: «я скоро умру». Тогда я спросилъ, не боленъ ли онъ и получилъ въ отвѣтъ: «нѣтъ не боленъ, но все же скоро умру». Неньданъ былъ поглощенъ мыслью о неизбѣжности своей скорой смерти и разсказалъ мнѣ слѣдующее. Путешествуя по Маньчжуріи, онъ поссорился во время торговли съ однимъ Гилякомъ изъ Каки. Но дѣло мирно уладилось, и Неньданъ даже позабылъ о немъ настолько, что, возвратясь на родину, онъ какъ то разъ поѣхалъ изъ Аллофа въ Каки и остановился тамъ на ночлегъ. Хозяева дома были ему знакомы и приняли его дружелюбно, но вечеромъ, когда онъ расположился пообѣдать, лежавшій возлѣ него на нарахъ человѣкъ, тотъ самый, съ которымъ онъ поссорился, неожиданно ударилъ его въ бокъ своимъ ножемъ. Неньданъ вскорѣ оправился отъ раны. А врагъ его въ сопровожденіи одного изъ родственниковъ въ ту-же ночь скрылся въ Лангръ. Съ тѣхъ поръ прошло два года, и Неньданъ тщетно пытался все это время встрѣтить гдѣ-нибудь своего врага. Ѣхать же въ Лангръ онъ не рѣшался, тамъ онъ былъ бы чужой и совершенно беззащитенъ; противникъ же его находился подъ охраной друзей и родственниковъ. Все это отнимало у него надежду когда-нибудь отомстить и тѣмъ избавиться отъ тяжело лежащей на немъ обязанности кровавой мести. «Вотъ почему», заключилъ онъ, «долженъ я умереть». Что случилось съ нимъ потомъ — не знаю.

Я не видалъ его болѣе и ничего не слыхалъ о немъ: безъ сомнѣнія тревожное состояніе духа первобытнаго человѣка — слѣдствіе суевѣрнаго страха передъ близкой кончиной, пагубно отражается на его физическихъ силахъ и образѣ дѣйствій въ опасностяхъ, среди которыхъ непрестанно вращается его жизнь. Вотъ почему связанныя съ кровавой местью суевѣрныя представленія, въ силу обычной логики post hoc, ergo propter hoc, постоянно находятъ себѣ новую пищу и вкореняются все глубже и глубже.

Исполненіе кровавой мести отчасти облегчается, отчасти же затрудняется тѣмъ, что въ ней, кромѣ главнаго и непосредственно заинтересованнаго лица, горячими участниками являются еще и его родные, которые несутъ даже извѣстнаго рода обязанности. Но послѣднія не распространяются у Гиляковъ на всѣхъ родныхъ, а только на нгафковъ, т. е. родственниковъ со стороны отца. Правила кровавой мести обязываютъ безусловно нгафковъ мстить за родственника, въ случаѣ если тотъ убитъ на мѣстѣ или умираетъ отъ полученныхъ ранъ и не можетъ такимъ образомъ отомстить самъ. Долгъ мести тогда, сообразно степени родства, предоставляется сыну, брату, сыну брата, внуку и т. д. Ни одинъ изъ нгафковъ убитаго не имѣетъ права, разъ очередь доходитъ до него, уклониться отъ этой обязанности. Въ случаѣ же, если раненый остается живъ, право кровавой мести принадлежитъ исключительно ему. Нгафки ему только помогаютъ: развѣдываютъ мѣстопребываніе врага, устраиваютъ съ нимъ встрѣчи, а въ крайнемъ случаѣ и сами принимаютъ непосредственно участіе въ производствѣ мести. Тѣ-же обязанности лежатъ и на нгафкахъ зачинщика дѣла. Они дѣлаютъ все возможное, чтобы оградить своего родственника отъ козней противниковъ и спасти его отъ грозящей ему кровавой мести. Такимъ образомъ требованія и обязательства, налагаемыя кровавою местью, пробуждаютъ и поддерживаютъ въ членахъ отцовскаго рода чувство солидарности и содѣйствуютъ тѣмъ самымъ скрѣпленію среди Гиляковъ родственныхъ узъ. Слѣдовательно, чѣмъ многочисленнѣе данный родъ и чѣмъ живучѣе въ немъ это чувство, тѣмъ больше каждый изъ его отдѣльныхъ членовъ можетъ въ случаѣ нужды разсчитывать на помощь и защиту. Поэтому понятно, что всѣ члены одного и того же отцовскаго рода живутъ обыкновенно въ одномъ и томъ же мѣстѣ или во всякомъ случаѣ на близкомъ другъ отъ друга разстояніи. На этомъ же основаніи они не позволяютъ совсѣмъ отчуждаться и тѣмъ изъ своихъ членовъ, которые въ дѣтствѣ при вступленіи ихъ матери-вдовы во второй бракъ ушли съ отчимомъ на сторону [1]).

Чувство солидарности по отношенію къ кровавой мести, связывающее между собою всѣхъ нгафковъ одного и того же рода въ особенности большаго, является также нѣкоторымъ обезпеченіемъ отъ легкомысленныхъ нападеній на каждаго изъ нихъ. А это имѣетъ не мало значенія, если принять въ соображеніе обидчивость, злопамятство и коварную сдержанность Гиляковъ, которые быстро прибѣгаютъ въ удобный моментъ къ кровавой расправѣ.

---

1) См. стр. 22.

Во всякомъ случаѣ поводомъ къ мести являются въ большинствѣ случаевъ серьезныя причины, чаще всего похищеніе женщинъ и происходящія отъ того столкновенія. Иногда, впрочемъ, вражда обусловливается и менѣе важными мотивами, вродѣ мелкихъ оскорбленій чести, ущерба имуществу, ссоръ изъ-за прибыли, какъ напримѣръ въ случаѣ Неньдана, хотя въ такихъ случаяхъ опасеніе вовлечь въ бѣду цѣлый родъ должно сдерживать наиболѣе благоразумныхъ. Съ другой стороны опора, какую Гиляки находятъ въ своихъ пгафкахъ, подчасъ, правда, возбуждаетъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ лишній задоръ, легко вызывающій ссоры, кровавыя схватки и требованіе кровавой мести. Какъ на примѣръ амурскіе Гиляки указываютъ на своихъ земляковъ на о. Сахалинѣ — на Тамля-во-Гиляковъ. Въ общемъ, обычай кровавой мести не лишенъ такимъ образомъ и благотворнаго вліянія на складъ гиляцкой жизни. При недостаточномъ урегулированіи правовыхъ отношеній у этихъ инородцевъ, онъ все-же до нѣкоторой степени обезпечиваетъ безопасность отдѣльныхъ лицъ и клонится къ укрѣпленію семейнаго начала, которое повсюду является краеугольнымъ камнемъ общественнаго порядка и залогомъ нравственнаго развитія народа.

Семейныхъ отношеній у другихъ амурскихъ инородцевъ мы, какъ уже заявляли въ началѣ настоящаго отдѣла, коснемся лишь слегка, насколько они могутъ находиться въ связи съ семейнымъ бытомъ Гиляковъ.

При описаніи въ предъидущихъ главахъ внѣшнихъ сторонъ жизни амурскихъ инородцевъ, мы указывали на большое сходство въ этомъ отношеніи между Ольчами и Гиляками, которое представляетъ вѣроятно постепенное усвоеніе первымъ племенемъ правовъ и обычаевъ второго. Теперь при обзорѣ ихъ семейной жизни мы замѣчаемъ такое же сходство. Болѣе того, мы видимъ даже въ семьѣ главную основу, на почвѣ которой могла совершиться упомянутая выше ассимиляція. Средствомъ къ тому послужили и продолжаютъ еще служить частые смѣшанные браки, которые не перестаютъ заключаться между обоими племенами съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ Ольчи перекочевали на Амуръ и, утративъ свои оленьи стада, прочно осѣли въ непосредственной близости съ Гиляками, занявшись здѣсь также рыболовствомъ. Благодаря такимъ бракамъ нравы и обычаи, господствующіе въ гиляцкой семьѣ, постепенно переносились къ Ольчамъ и съ теченіемъ времени привились у нихъ почти полностью. Но, усваивая себѣ чужіе обычаи, Ольчи все-же прибавляли къ нимъ не мало и своего въ связи съ индивидуальными отличіями своего характера, въ качествѣ народности совсѣмъ иного склада. Ольчи — отрасль большого, распространеннаго по всей Сибири и по амурскому краю племени Тунгусовъ. Они отъ природы добродушнѣе, мягче, беззаботнѣе и живѣе Гиляковъ, чужды ихъ корыстолюбія, лукавства, мстительности, но лишены зато и ихъ стойкости и энергіи. Само собою разумѣется, отличительныя черты первоначальнаго характера Ольчей, вслѣдствіе ихъ ассимиляціи съ Гиляками,

подверглись нѣкоторымъ измѣненіямъ, но все же еще далеко не изгладились хотя бы, напримѣръ, въ ихъ семейномъ бытѣ.

У Ольчей также въ обычаѣ покупать себѣ женъ. Иногда они и похищаютъ ихъ, хотя гораздо рѣже, чѣмъ Гиляки. Во-первыхъ они, вслѣдствіе болѣе умѣренныхъ требованій, гораздо сговорчивѣе при заключеніи всякаго рода торговыхъ сдѣлокъ какъ между собою такъ и съ своими сосѣдями—тунгузскаго происхожденія. Во-вторыхъ, похищеніе требуетъ рѣшительнаго, энергичнаго образа дѣйствій, мало свойственнаго природѣ Ольчей, которые очень миролюбивы и питаютъ отвращеніе къ кровопролитіямъ — обычному слѣдствію похищеній. Но замѣчательно, что совершаютъ похищеніе они чаще всего тамъ, откуда могутъ ждать самой ожесточенной мести, а именно у Гиляковъ; быть можетъ, они при томъ руководствуются близкимъ сосѣдствомъ и оживленными сношеніями съ ними, а можетъ быть, и находятъ особую привлекательность въ гиляцкихъ женщинахъ. Но Гиляки, отпуская своихъ дочерей на чужбину, требуютъ за нихъ слишкомъ высокую плату. Это препятствуетъ Ольчамъ рѣшать дѣло мирнымъ путемъ и заставляетъ ихъ прибѣгать къ похищеніямъ. Конечно и здѣсь дѣло не обходится безъ кровавыхъ столкновеній, какъ мнѣ не разъ приходилось слышать отъ Гиляковъ. Только, благодаря миролюбію тунгузской натуры Ольчей, они далеко не достигаютъ такихъ размѣровъ, какъ между Гиляками.

Ольчи вообще рѣдко дѣйствуютъ исподтишка, нападая такимъ коварнымъ, неожиданнымъ образомъ, какъ это мы видѣли у Гиляковъ, а потому у нихъ и не такъ часто встрѣчаются поводы для кровавой мести. Но даже когда такой поводъ и есть, дѣло еще нельзя считать безнадежнымъ, и оно нерѣдко всетаки улаживается мирнымъ путемъ. Ольчу, у котораго на умѣ кровавая месть, можно иногда заставить отъ нея отступиться за болѣе или менѣе цѣнное вознагражденіе, чему у Гиляковъ почти не бываетъ примѣровъ. Такъ Гилякъ Юдинъ изъ Тебаха откупилъ своего брата отъ кровавой мести, грозившей ему со стороны Ольчей изъ Пульсы, а въ то же время самъ упорно стремился отмстить одному Ольчѣ изъ Ухтра, похитившему у него дочь.

Но если семейный бытъ Ольчей при ихъ природной кротости отличается бо̀льшей мягкостью чѣмъ у Гиляковъ, то съ другой стороны было бы напрасно искать у нихъ и строгости нравовъ послѣднихъ. Причина тому, прежде всего, въ недостаткѣ у нихъ той энергіи, съ какой Гиляки закрыли даже самый доступъ въ свою страну китайскимъ купцамъ и промышленникамъ, не говоря уже о болѣе или менѣе продолжительномъ поселеніи. Напротивъ того въ области Ольчей есть не мало мѣстъ, куда по временамъ пріѣзжаютъ китайскіе купцы, или гдѣ они живутъ почти что постоянно. Ихъ присутствіе развращающимъ образомъ дѣйствуетъ на туземцевъ, т. к. не имѣя собственныхъ жилищъ, китайскіе купцы поселяются въ ихъ домахъ и живутъ среди нихъ вмѣстѣ со своими наложницами, которыхъ берутъ изъ ихъ же среды. Очень дурное вліяніе на нравы Ольчей оказываетъ также водка, въ которой у китайскихъ купцовъ никогда не бываетъ недостатка. Значительно мягче у Ольчей также отношеніе къ рабамъ и рабынямъ, которыхъ они, хотя и въ меньшемъ ко-

личествѣ чѣмъ Гиляки, покупаютъ у Аиновъ во время торговыхъ поѣздокъ на островъ Сахалинъ. Въ то же время Ольчи крѣпко держатся основного правила Гиляковъ, а именно никогда не обращать въ рабство своихъ одноплеменниковъ, а тѣмъ болѣе продавать ихъ на сторону.

Наконецъ, и въ чисто внѣшнихъ проявленіяхъ семейной жизни Ольчей при почти полной ихъ ассимиляціи съ Гиляками сохраняются всетаки своеобразныя черты, обнаруживающія ихъ тунгусское происхожденіе. Такъ, напримѣръ, у нихъ не привилась описанная выше столь характерная гиляцкая колыбель. Вмѣсто нея Ольчи употребляютъ сплетенную изъ тонкихъ древесныхъ прутьевъ, продолговатую, болѣе высокую въ головной части корзинку. Колыбель подвѣшивается къ одной изъ балокъ юрты, и при помощи длинной тесьмы ее можно качать, не подходя близко. Эта простая и легкая люлька, очевидно, сохранилась у нихъ еще со временъ кочевой жизни, благодаря консервативному духу, свойственному вообще женщинамъ.

Совсѣмъ другое семейная жизнь Гольдовъ. Хотя при частыхъ сношеніяхъ съ Гиляками, какъ непосредственныхъ, такъ и при содѣйствіи своихъ сосѣдей и одноплеменниковъ Ольчей, они кое-чѣмъ и позаимствовались у нихъ, тѣмъ не менѣе объ ассимиляціи здѣсь нѣтъ и рѣчи. Напротивъ того, Гольды находятся подъ прямымъ вліяніемъ Китая, которое, все усиливается вверхъ по Амуру и достигаетъ своего максимума на берегахъ Уссури и Сунгари. Они фактически несутъ на себѣ ярмо Небесной Имперіи, а не номинально только, какъ ихъ сѣверные сосѣди на Амурѣ. Въ ихъ странѣ существуютъ постоянно живущіе маньчжуро-китайскіе чиновники[1]), которые собираютъ съ нихъ подати и различно ихъ притѣсняютъ. Такъ, напримѣръ, мы уже видѣли, что Гольды принуждены были принять навязанный маньчжурской династіей всѣмъ своимъ подданнымъ головной уборъ, тогда какъ Ольчи и Гиляки, живя болѣе далеко, сумѣли отъ этого уклониться[2]). Китайскіе купцы съ Уссури или съ Сунгари, проникая на Амуръ, прежде всего попадаютъ въ страну Гольдовъ, и потому селятся между ними еще чаще, чѣмъ между Ольчами. Понятно, что та порча нравовъ, которую приносятъ съ собою эти пришельцы, у Гольдовъ сказывается еще сильнѣе, чѣмъ у Ольчей. Этому содѣйствуетъ между прочимъ и самый характеръ добродушныхъ Гольдовъ, еще менѣе способныхъ къ противодѣйствію, чѣмъ Ольчи, которые, благодаря своему кровному родству съ Гиляками, всетаки позаимствовали у нихъ немного твердости и энергіи. Поселяя развратъ въ семейную жизнь Гольдовъ, Китайцы въ то же время жестоко эксплуатируютъ ихъ и въ матеріальномъ отношеніи. Они опаиваютъ ихъ водкой, обираютъ и дѣлаютъ наконецъ неоплатными должниками. Гольды бѣднѣютъ, теряютъ всякую охоту и энергію къ пріобрѣтеніямъ и быстро идутъ къ полному упадку. Нельзя сказать, чтобъ такое отчаянное положеніе вещей наблюдалось у нихъ повсе-

---

1) Считаю нужнымъ еще разъ напомнить, что здѣсь рѣчь идетъ исключительно о томъ положеніи вещей, какое существовало на Амурѣ въ бытность мою тамъ (1854—56 годъ).

2) См. т. II, стр. 102—104.

мѣстно, но, тѣмъ не менѣе, гибельное вліяніе маньчжуро-китайскаго хищничества постепенно охватываетъ всю страну Гольдовъ и проникаетъ даже въ наиболѣе благопріятно расположенную нижнюю часть ея на Амурѣ между устьемъ рѣки Горина и Геонскимъ хребтомъ. Немудрено, если имъ совсѣмъ чуждъ независимый и сознательный образъ дѣйствій Гиляковъ или хотя бы даже Ольчей. Гольды лишены ихъ предпріимчивости и стремленія къ наживѣ, порою даже слишкомъ назойливаго по отношенію къ чужимъ, и подневольное положеніе кладетъ на нихъ печать безсилія, дѣлаетъ ихъ робкими и боязливыми въ обращеніи. Чувство національнаго достоинства въ нихъ до того притуплено, что хотя они хорошо знакомы съ унизительнымъ положеніемъ рабовъ у Гиляковъ, да и сами иногда имѣютъ рабынь племени Аино, привозимыхъ съ Сахалина, они всетаки продаютъ въ неволю Гилякамъ лицъ собственнаго племени, чего у послѣднихъ никогда не бываетъ. Само собой разумѣется, что всего гибельнѣе отражается на гольдской семьѣ то, что маньчжурскіе чиновники и китайскіе купцы угрозою, лестью и подкупомъ заставляютъ туземцевъ уступать въ наложницы ихъ женъ и дочерей. Это естественно ослабляетъ родственныя узы, и уже само по себѣ ведетъ къ полному разложенію семьи. Крѣпкая связь, соединяющая между собой у Гиляковъ членовъ одного и того же рода со стороны отца, т. н. калла, или хала у Гольдовъ, у послѣднихъ значительно потеряла свою силу. Благодаря этому, китайское правительство безъ труда могло обратить чисто семейное начало въ мѣстное — окружное, которое и стало примѣнять къ административнымъ цѣлямъ — о чемъ подробнѣе еще впереди. Вслѣдствіе этого, постановленіе, запрещающее браки между членами одного и того же хала и препятствующее кровосмѣшенію, если и существовало первоначально у Гольдовъ, какъ у Гиляковъ, съ теченіемъ времени утратило всякій смыслъ. Другое семейное начало, исходящее изъ правилъ кровавой мести у Гиляковъ, также постепенно исчезло вмѣстѣ съ нею изъ нравовъ и обычаевъ уссурійскихъ Гольдовъ [1]). Наконецъ, обычай, ясно опредѣляющій у Гиляковъ, Коряковъ и другихъ сибирскихъ народовъ отношенія братьевъ умершаго къ его вдовѣ, у Гольдовъ значительно измѣнился. Такъ, Венюковъ [2]) сообщаетъ объ одномъ уссурійскомъ Гольдѣ — отцѣ семейства лѣтъ 30, имѣвшемъ трехъ женъ, изъ которыхъ двѣ достались ему по смерти младшихъ братьевъ. У Гиляковъ, Коряковъ и другихъ сибирскихъ народовъ это не допускается. Они крѣпко держатся обратнаго обычая: у нихъ вдова переходитъ по праву наслѣдства къ младшему брату своего мужа. Такъ какъ у Гольдовъ, вѣроятно, не исключается и такой порядокъ наслѣдія, то остается только заключить, что у нихъ и старшіе и младшіе братья умершаго имѣютъ право на остающуюся послѣ него вдову. Это зло, возникшее изъ нарушенія нѣкогда точно опредѣленнаго обычая, легко вызываетъ теперь раздоръ и вражду между братьями.

---

1) Венюковъ, Обозр. р. Уссури и земель къ вост. отъ нея до моря. (Вѣстн. Имп. Русск. Геогр. Общ. Ч. XXV, 1859, Отд. II, стр. 239).

2) L. c. p. 200, Путеш. по окраин. Русск. Азіи и зап. о нихъ, С.-Петерб. 1868, стр. 27.

Но ни у кого изъ амурскихъ инородцевъ семейный бытъ не подвергся въ такой мѣрѣ гибельному вліянію Китая, какъ у Орочей или, такъ называемыхъ, Та-дзіе, которые разсѣяны по верхнимъ притокамъ Уссури и по прилегающему морскому побережью. Тамъ уже на лицо то, что грозитъ Гольдамъ еще въ будущемъ — полное распаденіе семьи и крайній нравственный и матеріальный упадокъ. Китайцевъ здѣсь даже больше, чѣмъ самихъ туземцевъ. Они живутъ тутъ отчасти постоянно въ качествѣ торговцевъ, мелкихъ землепашцевъ, огородниковъ, собирателей гинзенга, отчасти же являются ежегодно для ловли морскихъ водорослей, промывки золота, и т. д.[1]).

Итакъ, мы теперь обозрѣли всю страну отъ устья Амура вдоль меридіана, вверхъ по великой рѣкѣ и Уссури съ его истоками, вплоть до морского берега. Разсматривая семейный бытъ и нравы населяющихъ это пространство туземцевъ — Гиляковъ, Ольчей, Гольдовъ и Орочей — мы видимъ ихъ постоянное и быстрое паденіе. Тогда какъ у Гиляковъ существуютъ, хотя грубыя, но прочно установленныя и не чуждыя нравственнаго начала семейныя отношенія, у Орочей, на другомъ конечномъ пунктѣ нашего обозрѣнія мы встрѣчаемъ картину полнаго разложенія и упадка семейныхъ основъ подъ вліяніемъ культурнаго (правда азіатскаго) народа, который въ своемъ собственномъ отечествѣ глубоко преданъ почитанію предковъ.

1) См. т. I, стр. 69.

Глава 12.

Условія общественной жизни: политическія и правовыя отношенія. Общественныя подраздѣленія на основѣ благосостоянія. Національный коммунизмъ. Неприкосновенность собственности. Гостепріимство. Предусмотрительность и осторожность въ путешествіяхъ. Наблюденія надъ вѣтромъ и погодою. Суевѣрные способы укрощенія бури. Выраженія привѣтствія и благодарности. Обычай взаимныхъ подарковъ. Надежность въ дѣловыхъ сношеніяхъ. Счетъ времени. Календарь. Космическія представленія. Увеселенія: пѣніе, музыка, танцы, игры.

Разсматривая въ предыдущемъ отдѣлѣ домашній бытъ Гиляковъ, мы въ связи съ семьей, этимъ основнымъ началомъ всякаго общественнаго порядка, уже имѣли случай говорить и о трехъ самыхъ существенныхъ чертахъ быта нижне- амурскихъ инородцевъ: о нравственности, рабствѣ и кровавой мести. Теперь мы перейдемъ къ обзору положеній, имѣющихъ менѣе прямое и непосредственное отношеніе къ семьѣ, и загляднемъ въ общественную жизнь вышеназванныхъ инородцевъ.

Въ бытность мою на Амурѣ Гиляки не были подчинены и не платили дани ни Китаю, ни Россіи. Правда, въ началѣ нынѣшняго столѣтія они подчинялись еще до извѣстной степени китайской власти, какъ на Амурѣ, такъ и на Сахалинѣ.. Маньчжурское правительство во многихъ мѣстахъ избирало изъ числа туземцевъ старшинъ, на каждомъ изъ которыхъ лежала обязанность собирать дань въ своемъ округѣ и отвозить ее въ Дерепъ. Въ двадцатыхъ годахъ однако этотъ порядокъ вещей измѣнился[1]). Китайское владычество, какъ мы уже видѣли, здѣсь значительно ослабѣло и сосредоточилось исключительно въ той части Нижне-амурскаго края, которая идетъ вверхъ по Амуру къ рѣкѣ Сунгари. Гиляки и Ольчи лишь номинально оставались имъ подвластными и не платили болѣе дани. А вмѣстѣ съ тѣмъ сами собою исчезли и поставленные китайцами окружные и сельскіе старшины. Гиляки, когда я жилъ среди нихъ, были преисполнены сознанія своей независимости и свободы. Ни о какихъ старшинахъ у нихъ и помину не было, и мнѣ такъ и не привелось узнать ихъ гиляцкаго названія. Въ пятидесятыхъ годахъ русскіе уже довольно прочно осно-

---

1) См. т. II, стр. 303 и сл..

вались въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ пунктахъ Нижне-амурскаго края, напримѣръ, въ Петровскѣ, Николаевскѣ, Маріинскѣ. Но они относились совершенно безразлично къ туземцамъ, предоставляя имъ полную свободу дѣйствій, лишь бы тѣ не нарушали порядка въ русскихъ поселеніяхъ [1]). Въ мое время у Гиляковъ уже исчезли учрежденія, навязанныя имъ маньчжуро-китайской администраціей; русскіе же, напротивъ, еще не успѣли ввести никакихъ новыхъ. Народъ, такимъ образомъ, былъ предоставленъ самому себѣ, и ничто не стѣсняло въ извѣстныхъ предѣлахъ его дѣйствій. Это было самое благопріятное время для изученія ихъ самобытныхъ правовъ и обычаевъ, и его то я и буду имѣть исключительно въ виду въ моемъ дальнѣйшемъ обзорѣ.

Кромѣ установленій, касающихся семьи и отцовскаго рода, Гиляки не имѣютъ никакихъ законоположеній, никакой правильно установленной организаціи, которая опредѣляла бы у нихъ порядокъ самоуправленія. Они не выбираютъ изъ своей среды лицъ съ авторитетною властью съ цѣлью поддерживать благоустройство въ обществѣ, улаживать возникающія распри и т. п. Да, кажется, въ этомъ и нѣтъ надобности. У Гиляковъ нѣтъ ни войнъ съ своими сосѣдями, ни междоусобицъ, они не дѣлаютъ хищническихъ набѣговъ на сосѣднія страны, не собираютъ никому никакой дани и не нуждаются потому ни въ предводителяхъ, ни въ старшинахъ и т. п. начальствующихъ. Порядокъ въ гиляцкомъ обществѣ поддерживается исключительно уваженіемъ къ старинным обычаямъ и нравамъ. Въ случаяхъ же ссоръ и раздоровъ выступаетъ на сцену самозащита вмѣстѣ съ правилами кровавой мести. Слѣдовательно, всѣ Гиляки равноправны между собою. Исключеніе составляютъ рабы, но между ними, какъ мы уже говорили, нѣтъ природныхъ Гиляковъ, а только чужестранцы, попавшіе къ нимъ крѣпостными. Мы уже говорили выше, что съ понятіемъ «господинъ» впервые познакомили Гиляковъ маньчжуро-китайцы, и, какъ по отношенію къ послѣднимъ, такъ и къ русскимъ, Гиляки употребляютъ въ этомъ смыслѣ китайское слово «джангинъ» [2]). Всего только разъ слышалъ я это слово въ устахъ Гиляка въ примѣненіи къ самому себѣ. То было на Сахалинѣ, при выходѣ изъ долины рѣки Тымы, въ Миввахской юртѣ, одиноко стоявшей въ пустынной мѣстности и служившей жилищемъ четѣ супруговъ. Хозяинъ отрекомендовался мнѣ Миввахскимъ *джангиномъ*, но, очевидно, онъ имѣлъ въ виду только указать на себя, какъ на единственнаго владѣльца и господина своей юрты.

---

1) И только по заключеніи Айгунскаго договора (1858), когда русскіе окончательно заняли амурскій край, они стали выбирать среди Гиляковъ и другихъ туземцевъ сельскихъ старшинъ (старостъ), которые были подчинены живущимъ въ ближайшихъ постахъ окружнымъ начальникамъ (исправникамъ). Д-ръ Зееландъ, въ 1878—80 годахъ засталъ уже у Гиляковъ такихъ старостъ (Russische Revue, Bd. XXI, p. 233), но не призналъ ихъ русскаго происхожденія. Однако и тогда уже трудно было различить, что въ ихъ учрежденіяхъ принадлежитъ самимъ Гилякамъ и что заимствовано отъ русскихъ, и потому показанія д-ра Зееланда въ данномъ случаѣ имѣютъ очень мало значенія.

2) Жербильонъ (см. Dukalde, Descr. de l'Empire de la Chine, T. IV, p. 385) слово *чангинъ* примѣняетъ исключительно къ чиновникамъ, пользующимся особеннымъ расположеніемъ и довѣріемъ императора.

Но если въ гиляцкомъ обществѣ въ правовомъ отношеніи не существуетъ подчиненныхъ и подчиняющихъ, зато между ними господствуетъ рѣзкое различіе на основаніи бо́льшей или меньшей степени благосостоянія. У народа, столь преданнаго торговой дѣятельности, какъ Гиляки, и не можетъ быть иначе. Богатство естественно играетъ большую роль въ ихъ общественной жизни, служитъ мѣриломъ почитанія, создаетъ значеніе и вліяніе отдѣльныхъ лицъ. Богатый Гилякъ, который можетъ часто ѣздить торговать къ Маньчжурамъ и Сизамамъ и запасаться тамъ, какъ всѣмъ необходимымъ для жизни, такъ и разными предметами роскоши, особенно цѣнимыми его соотечественниками, получаетъ особый вѣсъ и возвышается въ глазахъ болѣе бѣдныхъ, которые не въ состояніи предпринимать такихъ путешествій. Они могутъ во всякое время сбывать ему свою охотничью добычу — драгоцѣнныя звѣриныя шкуры, вымѣнивал ихъ на одежду и на другіе болѣе или менѣе необходимые въ ихъ жизни или просто пріятные предметы. Въ случаѣ нужды они могутъ расчитывать на его помощь, и получить отъ него кое что въ долгъ, а то и даромъ. Затѣмъ путешествія и сношенія съ людьми за предѣлами родины даютъ богатому Гиляку такую широту взгляда и опытность, дѣлаютъ его настолько проницательнѣе и разсудительнѣе, что онъ и помимо матеріальнаго значенія пріобрѣтаетъ большее вліяніе на своихъ соотечественниковъ. Благодаря своимъ средствамъ онъ дѣлается какъ-бы душой общественной жизни своего села. Въ его домѣ происходятъ веселыя сборища и устраиваются пиры, сопровождающіе медвѣжьи празднества, а въ этихъ пиршествахъ принимаютъ участіе какъ его друзья по торговымъ дѣламъ, такъ и бѣднѣйшіе односельчане. Вслѣдствіе этого само собою является у Гиляковъ подчиненіе однихъ лицъ другимъ въ общественныхъ сношеніяхъ на основаніи ихъ бо́льшаго или мѣньшаго благосостоянія. Если, какъ я часто дѣлалъ, спросить у Гиляка о томъ или другомъ лицѣ, онъ прежде всего поспѣшитъ опредѣлить его матеріальное положеніе, сказавъ, что такой то у нихъ *чолла-нибахъ*, т. е. бѣдный человѣкъ, другой — *колла* — болѣе богатый, а этотъ *мыкшръ-колла-нибахъ*, т. е. очень богатый человѣкъ — и этимъ сразу опредѣляется и общественное положеніе лица, и то уваженіе, какимъ онъ пользуется.

Гиляки считаютъ богатыми *(колла)* и достойными поэтому уваженія тѣхъ, которые часто путешествуютъ къ Маньчжурамъ и Сизамамъ, ведутъ обширную торговлю какъ дома, такъ и съ сосѣдними племенами, и вообще живутъ въ замѣтномъ довольствѣ. Но, чтобы прослыть очень богатымъ человѣкомъ *(мыкшръ-колла-нибахъ)*, богатому Гиляку нужно еще обладать [1]) слѣдующими особенно цѣнными въ глазахъ Гиляковъ предметами: рысьей шубой, старинными маньчжурскими панцырями, луками, выложенными пластинками изъ рога буйвола или носорога, японскими котлами о трехъ ушкахъ. То обстоятельство, что онъ не продаетъ, а хранитъ какъ мертвый капиталъ въ паслѣдство своимъ сыновьямъ эти въ сущности безполезные, лишенные всякаго практическаго значенія, но дорогіе предметы доказываетъ, что онъ очень богатъ. То же самое, если онъ устраиваетъ

1) См. т. II, стр. 281—283.

время отъ времени большія медвѣжьи празднества и роскошныя пиршества, приглашая на нихъ многочисленныхъ гостей, или же, если у него видятъ богатую домашнюю обстановку, отъ 3 до 5 женъ и много рабовъ и рабынь. Впрочемъ, нѣтъ необходимости, чтобы одно и то же лицо удовлетворяло непремѣнно всѣмъ этимъ условіямъ. Достаточно, если соблюдено одно изъ нихъ, но только въ особенно высокой степени. Ссогинъ въ Куикѣ — Мэо, напримѣръ, имѣлъ кое какіе предметы роскоши, двухъ женъ и рабыню, но тѣмъ не менѣе слылъ только за *колла-нибахъ*. Какъ очень богатыхъ людей *(мыкицръ-колла)* мнѣ называли: Нумквина въ Вайрѣ[1]), Анзина въ Каки, Ссондона и его сына Либгуна въ Чымѣ, Іондома въ Колмѣ, Пызгуна и Мезгуна въ Паттѣ и, въ особенности, Юдина въ Тебахѣ. Послѣдній былъ особенно уважаемъ и популяренъ среди своихъ соотечественниковъ благодаря роскошнымъ и многолюднымъ медвѣжьимъ празднествамъ, на одномъ изъ которыхъ присутствовалъ и я. По разсказамъ Гиляковъ, даже китайцы въ Сансинѣ и японцы на Сахалинѣ относились къ нему какъ-бы къ гиляцкому джангину и обращались съ нимъ соотвѣтственнымъ образомъ. Поэтому и сами Гиляки величали его иногда такъ, хотя постоянно сознавали, что онъ вовсе не *джангинъ*, т. к. джангиновъ вообще не существуетъ между Гиляками, а только *мыкицръ-колла-нибахъ*. Такимъ образомъ они твердо стояли за общее равенство, хотя средства, а значитъ и общественное положеніе были совершенно различны.

Высказанное мною выше замѣчаніе о томъ, что бѣдные Гиляки могутъ разсчитывать въ нуждѣ на помощь богатыхъ и надѣяться получить отъ нихъ частью въ долгъ и даже даромъ все необходимое, требуетъ нѣкотораго поясненія. Можно бы, пожалуй, подумать, что и здѣсь богатые поступаютъ съ бѣдными такъ же, какъ китайскіе купцы съ Гольдами, Орочами и другими инородцами, имѣющими съ ними дѣла. Купцы эти, какъ мы видѣли, въ случаѣ безвыходнаго положенія туземцевъ дѣйствительно снабжаютъ ихъ всѣмъ необходимымъ въ долгъ, но по очень высокимъ цѣнамъ. Долговыя записи ведутся безъ всякаго контроля, и бѣднякъ нерѣдко втеченіе всей жизни не въ силахъ выбиться изъ долговъ, которые такимъ образомъ переходятъ на его дѣтей. Нѣтъ, не такъ поступаютъ Гиляки! Я видѣлъ среди нихъ много и бѣдныхъ, и богатыхъ, но никогда не замѣчалъ, чтобы между ними существовали сколько-нибудь крупныя долговыя обязательства. Гиляки — народъ практическій и осторожный, слишкомъ расчетливый, чтобы не избѣгать условій невыгодныхъ для обѣихъ сторонъ, т. к. съ одной стороны грозитъ потеря уваженія и популярности, съ другой — конечная гибель. Долги между ними обыкновенно не велики, не превышаютъ средствъ заемщика, такъ что возвращеніе взятаго въ долгъ никогда не составляетъ большаго вопроса. Въ крайнихъ же случаяхъ долгъ безъ дальнѣйшихъ разговоровъ становится простымъ подаркомъ. Вѣроятно, именно поэтому ни я, ни Глэнъ, несмотря на то, что обоимъ намъ удалось собрать довольно много гиляцкихъ словъ, не могли узнать выра-

1) Тотъ самый, о которомъ говорилось выше, какъ объ одномъ изъ убійцъ де-ла Брюньера, (т. II, стр. 78, прим.

женія, которое соотвѣтствовало-бы понятію: «быть должнымъ» или — «имѣть долги». А между тѣмъ, понятіе это, судя по порядку вещей у ихъ сосѣдей — Гольдовъ и Аиновъ, во всякомъ случаѣ не можетъ быть имъ мало знакомо.

Во всякомъ случаѣ помощь, оказываемая бѣднымъ Гиляками богатыми, сводится не къ тому, что они получаютъ кое-что въ долгъ, а къ тому, что ихъ снабжаютъ всѣми необходимѣйшими средствами къ существованію даромъ (по гиляцки *пай*). Главная основа этого въ коммунистическомъ духѣ, какимъ въ бо́льшей или меньшей степени проникнуты всѣ первобытные народы, а въ томъ числѣ и Гиляки. Но коммунизмъ этотъ болѣе строго національ-наленъ, чѣмъ у другихъ народовъ, хотя бы напримѣръ, тунгусскаго происхожденія, т. к. его примѣненіе имѣетъ мѣсто исключительно въ кругу ихъ собственнаго племени. Это въ значительной мѣрѣ обусловливается и поддерживается какъ самобытностью ихъ языка, рѣзко отличающагося отъ всѣхъ сосѣднихъ племенъ, такъ и ихъ сильно развитымъ національнымъ самосознаніемъ. Къ тому же торговыя наклонности Гиляковъ и стремленіе къ наживѣ удерживаетъ этотъ коммунизмъ въ извѣстныхъ границахъ. Онъ не распространяется на всѣ житейскія блага въ совокупности, но ограничивается лишь тѣми, которыя сама природа предлагаетъ въ изобиліи почти уже въ готовомъ видѣ и какъ бы налагаетъ на нихъ тѣмъ самымъ печать общаго достоянія. Таковы продукты, доставляемые моремъ и рѣками: рыба, тюлени, и т. д.; исключительно питающіяся этими продуктами собаки, безъ чьихъ шкуръ не обойдется и самый большой бѣднякъ; наконецъ, лѣсныя ягоды, съѣдобные корни и т. п. Въ виду этого богатый Гилякъ охотно ссужаетъ изъ своихъ запасовъ нуждающагося собрата всѣми этими предметами (рыбой, тюленями, собачьими шкурами, и т. д.), насколько это тому нужно. Пока запасы зажиточныхъ Гиляковъ не истощатся въ конецъ, ни одинъ изъ ихъ соплеменниковъ не умретъ съ голоду и холоду. Иное дѣло съ тѣми благами, которыя природа предлагаетъ болѣе скудно, и которыя человѣку приходится, такъ сказать, вырывать у нея съ большимъ трудомъ и напряженіемъ силъ. Таковы, напримѣръ, соболи и другіе рѣдкіе мѣха, а равно и продукты, на нихъ вымѣниваемые у китайцевъ, японцевъ и русскихъ. Ни одному Гиляку, будь то богатый или бѣдный, не придетъ въ голову считать эти предметы общимъ достояніемъ и дѣлиться ими или выпрашивать ихъ. Къ тому-же всѣ эти вещи, равно какъ хлѣбные продукты, табакъ и самыя простыя китайскія и русскія ткани для одежды являются все таки предметами роскоши, безъ которыхъ въ крайнемъ случаѣ можно еще всетаки перебиться. Такимъ образомъ промышленный духъ Гиляковъ, бережливость и страсть къ пріобрѣтенію достаточно уравновѣшиваютъ ихъ коммунизмъ и не даютъ у нихъ бѣдному, но лѣнивому, жить на счетъ богатаго и трудолюбиваго. Но это никоимъ образомъ не лишаетъ его помощи въ дѣйствительной нуждѣ.

Тотъ же коммунистическій принципъ распространяется у Гиляковъ и на ихъ жилище, которое при суровомъ климатѣ страны имѣетъ не менѣе важное жизненное значеніе, чѣмъ пища и одежда. Насколько это такъ, видно изъ слѣдующаго: мы уже прежде видѣли, какъ Гиляки, на первый взглядъ совершенно не раціонально, дорожатъ простою и скромною кладовою значительно болѣе, чѣмъ крупнымъ по размѣрамъ и сложнымъ по устрой-

ству зимникомъ китайскаго образца[1]). Но это потому, что зимникъ, несмотря на свою величину, даетъ меньше прямыхъ выгодъ, чѣмъ кладовая, и именно потому, что общество, принимая участіе въ постройкѣ жилаго дома, принимаетъ участіе и въ пользованіи имъ. Китайскій зимникъ, благодаря своимъ крупнымъ размѣрамъ и сложному устройству, не можетъ быть, какъ кладовая, построенъ однимъ человѣкомъ, и для его сооруженія требуется совмѣстная работа нѣсколькихъ людей, которыхъ иниціаторъ постройки, если у него нѣтъ близкихъ родныхъ, находитъ себѣ на помощь за небольшое вознагражденіе среди своихъ односельчанъ или сосѣдей. Хотя позже домъ считается, правда, собственностью главнаго или главныхъ строителей, но это все же не исключаетъ факта, что онъ былъ построенъ при помощи другихъ лицъ, и это дѣлаетъ его въ извѣстной степени общимъ достояніемъ. Вслѣдствіе чего хозяинъ не можетъ отказать ни въ кровѣ, ни въ убѣжищѣ никому изъ своихъ соплеменниковъ. Вздумай онъ взимать съ постояльцевъ плату въ какой-нибудь иной формѣ, помимо ихъ обязательнаго участія въ домашнихъ работахъ, это оказалось бы въ полномъ противорѣчіи со всѣми воззрѣніями и обычаями гиляцкаго народа. Немудрено, значитъ, если прямой доходъ отъ зимника, а тѣмъ болѣе лѣтника, очень ограниченъ.

Другое дѣло кладовая, которую владѣлецъ легко сооружаетъ безъ посторонней помощи. Она является исключительно личной собственностью хозяина, а изъ постороннихъ въ ней можетъ нуждаться только зажиточный Гиляк̀ъ, если онъ не находитъ у себя достаточнаго помѣщенія для съѣстныхъ припасовъ и другихъ вещей. Благодаря очень практичному обычаю онъ можетъ въ такомъ случаѣ нанять одну стѣнку въ чужой кладовой, если же этого недостаточно, то двѣ и три, пока не соберетъ средствъ для сооруженія своей собственной[2]). А такъ какъ съ богатаго Гиляка можно спросить и болѣе высокую наемную плату, то кладовая можетъ приносить своему владѣльцу, считая хотя бы по одному *я* за стѣнку, около 10 *я* чистаго дохода.

Коммунистическій принципъ у Гиляковъ широко примѣняется также въ ихъ рыболовной и охотничьей дѣятельности. Все водное и лѣсное пространство въ странѣ доступно для охоты каждому, кромѣ тѣхъ мѣстъ на рѣкѣ, гдѣ устроены «заборы» для ловли семги, или гдѣ въ лѣсу кѣмъ нибудь изъ нихъ поставлены звѣриныя ловушки и самострѣлы. Гилякамъ съ лимана, напримѣръ, никто не препятствуетъ ловить рыбу въ Амурѣ, а Гиляки изъ Чоми безпрепятственно спускаются для ловли семги внизъ по Тымѣ; точно также какъ и Гиляки съ Тымы идутъ ловить горбушу на берегъ моря. Конечно Чомскіе и Тымскіе Гиляки связаны между собою узами гостепріимства. Точно также и въ своихъ обширныхъ лѣсахъ Гиляки допускаютъ безъ стѣсненія охотиться даже Ольчей и Самагирцевъ.

Какъ коммунизмъ, такъ и принципъ неприкосновенности чужой собственности, у Гиляковъ также почти исключительно замкнутъ въ кругу ихъ національности. Пожилые и степенные Гиляки, какъ я самъ не разъ видѣлъ, часто не въ силахъ воздержаться отъ соб-

---

1) См. т. II, стр. 283—285.

2) Ср. сооруженіе кладовой (т. II, стр. 49) съ ея одиннадцатью стѣнками (*f* — *q*) и двумя средними помѣщеніями (*c* — *d*).

лазна стащить какую-нибудь мелочь, напримѣръ, кусочекъ масла и т. п. Нечего и говорить о молодежи: тѣ беззастѣнчиво позволяютъ себѣ разрѣзать и грабить у путешественниковъ дорожные мѣшки, какъ было между прочимъ и со мной въ деревнѣ Мы на лиманѣ Амура. Точно также амурскіе Гиляки неоднократно предостерегали меня отъ жителей деревни Лашгръ, лежащей въ устьѣ Амурскаго Лимана. Но русскіе еще чаще обкрадываютъ Гиляковъ, да и самые кражи уже крупнѣе: обкрадываютъ, напримѣръ, Гиляцкія кладовыя, воспользовавшись плохо закрытою дверью, которую иногда замѣняетъ навѣшенный рыбачій неводъ. Русскіе не щадятъ даже маленькихъ усыпальницъ, хотя въ тѣхъ нѣтъ ничего кромѣ нѣсколькихъ мелкихъ символическихъ предметовъ. Вѣроятно, благодаря этой особенности международныхъ сношеній русскихъ съ Гиляками, мнѣ пришлось найти у нихъ для понятія «красть» спачала лишь испорченное русское слово *украдичъ*. Чисто же гиляцкое словомъ *(энгарсичъ)*, выражающее тоже попятіе, я узналъ гораздо позже. Зато очень рѣдокъ случай, чтобы Гилякъ укралъ что-нибудь у Гиляка. Скажу болѣе: мнѣ случалось встрѣчать между ними такихъ людей, которымъ я могъ вполнѣ довѣрять даже съ международной точки зрѣнія. Таковы, напримѣръ, были: Юдинъ въ Тебахѣ и Мрадамнъ въ Сабахѣ. У Юдина я какъ то разъ забылъ свой портъ-сигаръ и черезъ нѣсколько дней получилъ обратно въ полной неприкосновенности — ни одна сигара не исчезла. Мрадамну я довѣрялъ еще бо́лѣе. По сосѣдству съ моимъ домомъ находилась механическая мастерская, изъ большой трубы которой почти все время сыпались искры на мою крышу изъ коры, что постоянно грозило пожаромъ. Собираясь съ наступленіемъ лѣта совершить путешествіе и, опасаясь за свои рукописи и коллекціи, я отвезъ ихъ въ деревню Сабахъ и отдалъ на храненіе Мрадамну. Все было уложено въ ящики, перевязано на́крестъ веревками и помѣщено въ лѣтникѣ у этого Гиляка. Довѣріе мое опъ оправдалъ вполнѣ.

Тотъ же принципъ національности лежитъ и въ основѣ гостепріимства у Гиляковъ. Меня, повидимому, спачала они принимали не особенно радушно. Они слишкомъ подозрительны, корыстолюбивы и преданы собственнымъ интересамъ, чтобъ не имѣть заднихъ мыслей. Во время моей первой поѣздки па Сахалинъ мнѣ не хотѣли даже давать въ юртахъ огня. На угрозу пустить въ ходъ ножи, мнѣ пришлось серьезно пригрозить имъ пистолетомъ — и только тогда я получилъ все, что нужно. Слѣдуетъ, правда, замѣтить, что незадолго передъ тѣмъ, на Сахалинѣ распространился слухъ, будто русскіе хотятъ завладѣть островомъ и перерѣзать ради этого всѣхъ Гиляковъ. Но уже послѣ первой зимы моего пребыванія въ амурскомъ краѣ, когда Гиляки успѣли не разъ убѣдиться, что я не замышляю противъ пихъ ничего худого, — ихъ отношенія ко мнѣ сдѣлались вполнѣ дружелюбными, они охотпо оказывали мнѣ гостепріимство, и я даже пользовался извѣстнымъ довѣріемъ съ ихъ сторопы. Тѣмъ не менѣе, всегда оставалась большая разница въ пріемѣ, который оказывался русскому *(лочъ)* или Гиляку *(нибахъ)*. Стоитъ только раздаться возгласу «*нибахъ причъ*», какъ женщины сильнѣе раздуваютъ на очагѣ пламя, деревяшкой (по гиляцки *варварсъ*) счищаютъ съ вновь прибывшаго снѣгъ и предлагаютъ ему чашку съ рыбьимъ жиромъ и *ма*. Затѣмъ, какъ-бы ни было поздно, готовится обѣдъ. Хозяинъ и

гость садятся у пылающаго огня потолковать о событіяхъ дня, въ чемъ принимаютъ участіе и женщины. Небольшая трубка ходитъ изъ рукъ въ руки, и степенная бесѣда затягивается далеко за полночь. Кромѣ того, правила гостепріимства требуютъ еще, чтобы были накормлены и собаки передъ отправленіемъ на слѣдующій день въ дальнѣйшій путь.

Поэтому Гиляки дѣлаютъ свои поѣздки всегда небольшими однодневными переѣздами отъ деревни до деревни. Иногда Гиляку случается задержаться въ пути изъ-за дальности разстоянія или ненастья и переночевать на открытомъ воздухѣ, такъ что въ ближайшую деревню онъ пріѣзжаетъ уже послѣ обычной утренней кормежки собакъ. Но и въ этомъ случаѣ снова разводятъ огонь подъ котломъ, и кормятъ особо собакъ проѣзжающаго. Само собою разумѣется, онъ остается здѣсь почевать и продолжаетъ свое путешествіе только слѣдующимъ утромъ, снова выкормивъ собакъ.

Собираясь въ путь, Гиляки обыкновенно тщательно соображаются со своими примѣтами, касающимися погоды, въ особенности на морскомъ берегу, гдѣ часто бушуютъ вѣтры и снѣжныя метели, представляющія путешественнику большія опасности. Когда въ февралѣ 1856 года я былъ задержанъ въ деревнѣ Тыкъ, на западномъ берегу Сахалина одною изъ такихъ бурь, свирѣпствовавшей втеченіе нѣсколькихъ дней, мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ колебаній, какія обыкновенно овладѣваютъ Гиляками, когда погода еще не установилась, а имъ нужно ѣхать далѣе. Въ большинствѣ случаевъ всѣ склоняются къ тому, чтобы дать себѣ еще день отдыха. Гиляки вообще не любятъ торопиться и, какъ на сушѣ, такъ и на морѣ, одинаково отличаются даже преувеличенной осторожностью. Съ другой стороны меня всегда удивляла проницательность и опытность Гиляковъ въ предсказаніи погоды. Какъ то разъ я выѣхалъ въ дальнѣйшее путешествіе, не смотря на ихъ предостереженія, и скоро долженъ былъ вернуться обратно въ деревню, гдѣ меня передъ тѣмъ приняли очень негостепріимно. Въ другой разъ мнѣ удалось только доѣхать до морского берега всего верстахъ въ 5—7 отъ деревни, вдоль котораго лежалъ мой путь, и здѣсь выдержать жестокую бурю со снѣжной метелью. Гиляки особенно боятся быть застигнутыми вѣтрами, дующими съ Охотскаго моря — *ады* (сѣвернымъ и сѣверо-западнымъ) или *тхлангн* (восточнымъ и сѣверо-восточнымъ), которые всегда сопровождаются буранами. Наоборотъ, такъ называемый *ладвиланчъ* (юго-восточный) вѣтры, *тунгырчъ* и *нгалувзъ* (западный и юго-западный) и *конгрчъ* (южный) заботятъ ихъ меньше [1]). Зато послѣдніе считаются болѣе опасными для ѣдущихъ съ мыса Дуи въ деревни, лежащія южнѣе на этомъ же берегу, т. к. вѣтеръ этотъ часто ломаетъ ледъ почти что передъ санями. Въ Тыкѣ, гдѣ я былъ задержанъ непогодой, Гиляки на моихъ глазахъ прибѣгали къ разнымъ средствамъ для укрощенія бури. Между прочимъ, они прикрѣпили къ концу длиннаго шеста, воткнутаго въ снѣгъ, четырехугольный кусокъ тюленьей шкуры, который, очевидно, былъ предназначенъ

---

1) На Амурѣ вѣтеръ никогда не бываетъ такъ правиленъ, какъ на морскомъ берегу, и можетъ быть различенъ только по четыремъ главнымъ направленіямъ. Вѣтры эти: *ады, тхлангн, конгрчъ и тунгырчъ* (N, O, S и W).

въ жертву бурѣ. Другой пріемъ былъ гораздо интереснѣе. Гиляки взяли обыкновенной величины стрѣлу съ наконечникомъ въ видѣ двузубой вилки и древкомъ, украшеннымъ двумя обручиками въ видѣ мутовокъ, сдѣланными изъ кудрявыхъ древесныхъ стружекъ. Между зубцами, также украшенными мелкими стружками, зажали средній нервъ табачнаго листа съ кусочкомъ тлѣющаго трута. Снаряженная такимъ образомъ стрѣла была пущена навстрѣчу бушующему вѣтру *ады*. Наконецъ, какъ послѣднее средство, бурѣ приносятъ въ

Волшебная стрѣла для укрощенія бури.

жертву нѣсколько щенятъ. При мнѣ въ Тыкѣ убили для этого трехъ, но предполагалось принести въ жертву еще столько же [1]), еслибы буря не утихла къ слѣдующему дню. Пожалуй это послѣднее средство было наиболѣе цѣлесообразнымъ: съ одной стороны оно увеличивало количество пищи для людей, а съ другой уменьшало число собакъ, запасы корма для которыхъ къ тому времени уже начали истощаться.

Мнѣ никогда не случалось ни слышать, ни видѣть, чтобы Гиляки, входя въ домъ или покидая его, обращались съ привѣтствіемъ къ хозяевамъ и знакомымъ. Изъ предоставленныхъ въ мое распоряженіе рукописныхъ сочиненій Миддендорфа видно, что это обращало на себя также и его вниманіе. Посѣщая меня, Гиляки никогда не здоровались и только въ послѣднее время начали говорить «*здравствуй*» и «*прощай*», заученныя ими отъ русскихъ. Исключеніемъ у нихъ является только посѣщеніе маньчжуровъ и китайцевъ. Какъ и амурскіе инородцы тунгузскаго племени, Гиляки опускаются передъ ними на одно колѣно, наклоняя голову, но это дѣлается единственно съ цѣлью пріобрѣсти расположеніе и избѣжать наказанія, т. к. маньчжурскіе чиновники строго требуютъ такого почета въ Сансинѣ и другихъ торговыхъ центрахъ.

Но еще болѣе удивительно отсутствіе въ гиляцкомъ словарѣ слова «благодарить». Ни въ разговорѣ со мной, ни другъ съ другомъ они ни разу не употребляли этого слова. Тоже самое говорятъ Миддендорфъ и Глэнъ. Я, пожалуй, приписалъ бы этотъ пробѣлъ намъ самимъ, такъ какъ въ собранномъ нами гиляцкомъ словарѣ мало вообще выраженій для отвлеченныхъ понятій и душевныхъ движеній. Едва ли возможно предположить, чтобъ у нихъ вовсе не было слова для обозначенія чувства благодарности, разъ послѣднее можетъ зародиться, и чтобы слово это ускользало постоянно отъ нашего вниманія. Мы часто видали, какъ Гиляки оказываютъ другъ другу самую разнообразную помощь и гостепріимство, иногда даже преувеличенное. Случается, напастье по нѣскольку дней задерживаетъ путешественника подъ чужимъ кровомъ, гдѣ его принимаютъ радушно, не скупясь кормятъ, какъ самого его, такъ и его собакъ, согласно гиляцкому обычаю даже и въ такое время, когда зимніе запасы начинаютъ уже истощаться. Трудно себѣ представить, чтобъ путеше-

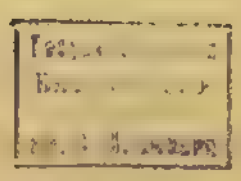
1) См. т. II, стр. 123—124.

ственникъ уѣхалъ прочь, не обмолвившись ни словомъ благодарности. Но, быть можетъ, это дѣлается на основаніи національнаго коммунизма или увѣренности, что каждый изъ нихъ можетъ разсчитывать въ подобныхъ условіяхъ на такой же пріемъ, какой сдѣлаетъ самъ? По отношенію ко мнѣ однако ни то, ни другое не могло имѣть мѣста, и все-таки я никогда не слышалъ благодарности отъ моихъ гостей.

Я не говорю уже о вымогательствахъ, какими Гиляки осаждаютъ путешественниковъ, подсылая къ нимъ за подачками по преимуществу дѣтей. Тутъ можетъ быть дѣти просто еще не научились выражать свою благодарность или могли позабыть объ этомъ при видѣ путешественника. Но мнѣ приходилось не разъ оказывать Гилякамъ и болѣе крупныя услуги, не говоря уже о томъ, что они всегда находили радушный пріемъ въ моемъ домѣ, гдѣ принимались всѣ мѣры для сохранности ихъ имущества, собакъ и упряжи, что давало имъ полную возможность спокойно заняться въ данномъ мѣстѣ своими торговыми дѣлами. Между прочимъ мнѣ удалось однажды добиться, благодаря чувству справедливости тогдашняго губернатора — контръ-адмирала Савойко, судебнаго слѣдствія по дѣлу о кражѣ у Гиляка Юдина повозки съ различнымъ товаромъ. Виновный былъ найденъ, и убытки Юдина возмѣщены извѣстной суммой денегъ. Но и тутъ, хотя я имѣлъ дѣло съ однимъ изъ самыхъ лучшихъ и наиболѣе почтенныхъ изъ Гиляковъ, о благодарности не было и рѣчи.

Зато у Гиляковъ въ большомъ ходу обмѣниваться между собою разнаго рода небольшими подарками. Этимъ у нихъ какъ бы выражается желаніе вступить въ болѣе близкія или просто дѣловыя сношенія. Когда мнѣ въ первый разъ былъ сдѣланъ такой подарокъ, я поспѣшилъ освѣдомиться о его цѣнѣ. Но мнѣ объяснили, что при этомъ было сказано *най*, слѣдовательно, вещь предлагалась даромъ, какъ подарокъ. Однако вслѣдъ затѣмъ знакомый мнѣ Гилякъ Ючинъ поспѣшилъ прибавить, что по гиляцкому обычаю отъ меня ожидаютъ отвѣтнаго подарка съ произнесеніемъ того же самаго слова — *най*. Въ случаѣ, если это слово почему-нибудь не было сказано, подарокъ возвращается обратно, и еще разъ произносится *най*. Иногда мнѣ даже говорили, что̀ именно было бы желательно получить какъ отвѣтный подарокъ — напримѣръ, нѣсколько листьевъ табаку, немного хлѣба, пуговицъ и т. п. Но обычай запрещаетъ считать, при полученіи отвѣтнаго подарка, даримыя вещи. Къ чести Гиляковъ я долженъ сказать, что они никогда не отступали отъ этого правила и что даже тогда, когда отвѣтный подарокъ оказывался имъ не совсѣмъ по вкусу, они все-таки были имъ довольны. Однако это нисколько не мѣшало имъ впослѣдствіи при удобномъ случаѣ заламывать по своему корыстолюбію непомѣрныя цѣны. Этотъ обычай можетъ быть явился у Гиляковъ вслѣдствіе ихъ частыхъ сношеній съ Маньчжуро-Китайцами и Японцами, чиновники и торговые агенты которыхъ въ Сансинѣ и Сиранусѣ всегда требуютъ въ свою пользу и конечно въ ущербъ интересамъ своихъ довѣрителей такого рода captatio benevolentiae.

Кромѣ того Гилякъ при совершеніи торговыхъ сдѣлокъ никогда не упуститъ случая выпросить сверхъ условленной цѣны еще что-нибудь въ подарокъ—*най*. Не отступилъ отъ этого правила и Юдинъ, когда, получая отъ Сѣверо-американской компаніи значительную



сумму денегъ въ вознагражденіе убытковъ, онъ потребовалъ отъ нея еще нѣсколько кусковъ дорогихъ матерій и другихъ предметовъ роскоши.

Съ другой стороны Гиляки, надо отдать имъ справедливость, заслуживаютъ полнаго довѣрія въ тѣхъ случаяхъ напримѣръ, когда дѣло идетъ о своевременной доставкѣ уже оплаченнаго товара. Какъ проводники, они бо́льшею частью оказываются также людьми надежными. Нѣкоторые изъ нихъ до того входили въ мои интересы, что не разъ предостерегали меня противъ воровскихъ наклонностей жителей той или другой деревни, пользовавшейся у нихъ дурной славой. Правда путешественнику иногда не легко заручиться проводникомъ въ особенности въ отдаленныхъ мѣстностяхъ, т. к. Гиляки вообще слишкомъ боязливы и подозрительны, чтобы хотя на время лишиться свободы и связать свою судьбу съ судьбою путешественника. Мнѣ не разъ пришлось потерпѣть неудачу въ этомъ отношеніи. Но зато, найдя проводника, я почти всегда оставался доволенъ его рѣшительностью и знаніемъ мѣстности. А на вечернихъ привалахъ, сидя у пылающаго костра, мнѣ не разъ приходилось убѣждаться въ его общительности и смышлености. Среди многихъ проводниковъ, перебывавшихъ у меня, нашлось только двое, которые меня покинули, и то при обстоятельствахъ, которыя отчасти объясняютъ ихъ невѣрность. Однажды меня застигъ жестокій буранъ на побережьи Охотскаго Моря. Мокрый снѣгъ сильно налипалъ къ широкимъ полозьямъ моихъ русскихъ саней. Измученныя собаки падали на каждомъ шагу, и никакими ударами нельзя было заставить ихъ идти впередъ. Намъ пришлось самимъ втащить сани со всей упряжью на высокій берегъ, поросшій только мелкими кривыми лиственницами, такъ что нечего было и думать развести хорошій огонь. Что же удивительнаго, если нашъ проводникъ, который, благодаря бывшей передъ тѣмъ снѣжной метели, отправился изъ Тэгль только на лыжахъ, рѣшился бросить насъ и идти далѣе одинъ, чтобы добраться къ вечеру до деревни Кулль. Онъ не вернулся къ намъ и на слѣдующій день, лишившись такимъ образомъ своего вознагражденія. Другой проводникъ—Тро-Гилякъ по имени Эоспинъ родомъ изъ деревни Лубъ-во, сопровождавшій меня во время поѣздки по долинѣ рѣки Тымы, поступилъ еще хуже. Когда ему пришлось въ Тафицъ-во переночевать въ маленькой юртѣ-палаткѣ, гдѣ, послѣ того какъ потухъ огонь, дѣло дошло до замерзанія ртути, онъ выползъ изъ юрты, разрѣзалъ ремни у саней съ поклажей, перерылъ всѣ вещи и скрылся, взявъ кое-что изъ одежды, принадлежавшей моимъ людямъ.

Но при всей добросовѣстности Гиляковъ на нихъ нельзя положиться въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о точномъ опредѣленіи какого-нибудь срока или времени, когда, напримѣръ, проводникъ долженъ находиться въ указанномъ мѣстѣ и т. п. Зависитъ это безъ сомнѣнія отъ того, что у нихъ нѣтъ точнаго понятія о времени, которое они поэтому опредѣляютъ и считаютъ весьма приблизительно. За исключеніемъ обычныхъ обозначеній—дня (*мувъ*), ночи (*уркъ*), утра (*тытъ*) и вечера (*падфъ*), время дня опредѣляется у нихъ, смотря по тому, восходитъ или закатывается солнце (*кенгъ мырчъ* или *падничъ* — рождается, *кенгъ ючъ* или *мучъ* — умираетъ), поднимается (*кенгъ тытырахъ-бокирчъ*) или опускается (*кенгъ котречъ*) или стоитъ на высшей точкѣ въ полдень (*кенгъ мугутычъ*). Что касается послѣдо-

вательности дней, то у нихъ существуютъ названія только для двухъ ближайшихъ по отношенію къ «сегодня» (*ныхъ*), а именно вчера (*нымръ*) и завтра (*пытъ* или *патъ*), третьяго дня (*нымрынкъ*) и послѣзавтра (*посьхъ*). Само собой разумѣется, у нихъ не существуетъ названій дней недѣли, а равно не считаются и дни мѣсяца. Желая опредѣлить день, предшествующій вчерашнему или слѣдующій за послѣзавтра, Гиляки довольствуются счетомъ промежуточныхъ ночныхъ отдыховъ. Въ путешествіяхъ къ нимъ на помощь являются въ этомъ случаѣ разстоянія, т. к. они хорошо знаютъ по опыту, какое пространство можно пройти или проплыть въ лодкѣ въ теченіе дня, при нормальныхъ условіяхъ, не слишкомъ утомляя себя и собакъ, чтобы достигнуть къ вечеру знакомыхъ мѣстъ ночныхъ стоянокъ. Мѣста эти, хотя бы и необитаемыя, непремѣнно носятъ у нихъ какое-нибудь названіе. Вообще такія опредѣленія разстояній по дневнымъ переѣздамъ или по числу почевокъ вполнѣ заслуживаютъ довѣрія при нормальной погодѣ. Естественно, что Гиляки въ первую пору своего сближенія съ Русскими, когда послѣдніе обращались къ нимъ съ разспросами, оцѣнивали разстоянія своей страны по этому способу. Вслѣдствіе этого должно быть я и услыхалъ сначала передѣланное на гиляцкій ладъ русское слово «спать» — *еспаныч* съ производными отъ него *еспара*, *еспароръ* и лишь позже узналъ гиляцкое слово — *к(х)очъ* или *к(х)онч*. Въ неблагопріятныхъ условіяхъ, какъ то при дурной погодѣ, сильномъ вѣтрѣ, снѣжной метели и т. п., опредѣленіе разстояній по величинѣ дневного перехода крайне сбивчиво. Много зависитъ тогда отъ того, насколько полагаются на свои силы и выносливость собакъ, хотя Гиляки вообще въ такихъ случаяхъ не охотно двигаются съ мѣста.

Особенно трудно для Гиляковъ опредѣлить давно минувшій чѣмъ-нибудь памятный день, вполнѣ похожій на рядъ такихъ же дней, прожитыхъ на одномъ мѣстѣ среди обычныхъ занятій. Понятно, что въ такомъ случаѣ очень легко сбиться въ счетѣ ночныхъ отдыховъ, въ особенности же легко уменьшить ихъ число. Правда, Гиляки очень внимательно слѣдятъ за фазами луны. У нихъ существуютъ отдѣльныя названія для обозначенія полнолунія и новолунія (*лонгъ чарнчъ* — луна полна и *лонгъ-мучъ* — луна умерла), для нарождающейся и идущей на ущербъ луны (*падыву-лонгъ* и *муивъ-лонгъ*), для полумѣсяца, для четверти (*лонгъ путычъ* и *лонгъ пер(х)кочъ*), а также для различныхъ измѣненій этихъ фазъ — уменьшенія и увеличенія (наростанія — *падыву-лонгъ путычъ* и *муивъ лонгъ путычъ* и уменьшенія — *падыву-лонгъ пер(х)кочъ* и *муивъ-лонгъ пер(х)кочъ*). Но все это служитъ только приблизительнымъ средствомъ для вышеозначенной цѣли, т. е. для опредѣленія какого либо даннаго дня, и вовсе не годится при пасмурномъ небѣ, которое не рѣдкость въ Амурскомъ Краѣ.

Годъ Гиляки дѣлятъ на 12 мѣсяцевъ [1]), но названія мѣсяцевъ у нихъ различны въ различныхъ частяхъ страны. Одни названія въ ходу среди Гиляковъ на Амурѣ и на Амурскомъ Лиманѣ, на Западномъ берегу Сахалина и на Южномъ побережьи Охотскаго моря. Другія напротивъ употребляются во внутреннихъ частяхъ и на восточномъ берегу Саха-

1) Эскимосы дѣлятъ годъ на 13 мѣсяцевъ. Время отъ одного новолунія до другого называется у нихъ какъ и сама луна—*тактужъ*. Klutschak, als Eskimo unter den Eskimos. Wien, Pest, Leipzig. 1881 p. 208.

лина, у Гиляковъ долины рѣки Тымы и у Тро-Гиляковъ. Пока я привожу здѣсь эти названія въ томъ видѣ, какъ я ихъ записалъ послѣ многократныхъ разспросовъ на мѣстѣ. Позднѣе придется къ этому присоединить нѣкоторыя замѣчанія.

Названія мѣсяцевъ у Гиляковъ.

	На материкѣ и на западномъ берегу Сахалина.	Внутри Сахалина и на его восточномъ берегу.
Январь	*Чам-лонгъ*	*Клу-лонгъ.*
Февраль	*Карр-лонгъ*	*Чам-лонгъ.*
Мартъ	*Чрад-лонгъ*	*Карр-лонгъ.*
Апрѣль	*Аркаил-лонгъ*	*Чрад-лонгъ.*
Май	*Валтенъ тенги лонгъ*, также *Копенгва-лонгъ* и *киттэчъ-лонгъ* [1])	*Питтунъ-лонгъ.*
Іюнь	*Тенги-вота-лонгъ* также *Пота-лонгъ*	*Аркаил-лонгъ.*
Іюль	*Мачи-чрар-лонгъ*	*Чо-тайхр-лонгъ.*
Августъ	*Лыги-вота-лонгъ* также *Пилья-чрар-лонгъ* или попросту *Пилья-лонгъ.*	*Мащки-лонгъ.*
Сентябрь	*Нгарви-лонгъ*, также *Чич-нгар-лонгъ*	*Пилья-лонгъ.*
Октябрь	*Они-лами-лонгъ* также *Потчаво-лонгъ.*	*Нгадхо-лонгъ.*
Ноябрь	*Тло-лонгъ*	*Кавекё-лонгъ.*
Декабрь	*Ань-лонгъ*	*Тло-лонгъ.*

Приводимъ также названія мѣсяцевъ, записанныя Глэномъ. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, въ какой именно части страны Гиляковъ онъ собралъ ихъ.

Январь, Февраль, Мартъ	Такъ же, какъ и у меня.
Апрѣль	*Питул-лонгъ.*
Май	*Аркаил-лонгъ.*
Іюнь	*Тинги-лонгъ* и *Тингивата-лонгъ.*
Іюль, Августъ, Сентябрь	Не записаны.
Октябрь	*Игини-лонгъ* и *Мугити-лонгъ.*

1) Два послѣднихъ названія въ словарѣ гиляцкихъ словъ, собранныхъ докторомъ Грубе, ошибочно указаны для апрѣля, а не для мая. См. прибавленіе къ III тому Reisen und Forschungen, стр. 44. 58. 59 и 120. Также ошибочно онъ переноситъ названіе *Традлонгъ* съ марта на іюль (l. c. стр. 108).

Ноябрь . . . . *Клу-лонгъ* и *Ань-лонгъ* (на сѣверѣ).
Декабрь. . . . *Чло-лонгъ.*

Такъ какъ названія первыхъ трехъ мѣсяцевъ у Глэна тождественны съ записанными мною со словъ Гиляковъ на материкѣ и на западномъ берегу Сахалина, то изъ этого можно заключить, что и Глэнъ собиралъ свои свѣдѣнія именно тамъ. То же можно заключить и о мѣсяцѣ іюнѣ, названіе котораго, очевидно, имѣетъ связь съ массовымъ прохожденіемъ по Амуру *тенги-чо* (Salmo Proteus), которую Глэнъ называетъ *тинги-чо*. Что касается остальныхъ мѣсяцевъ, мнѣ кажется, они записаны Глэномъ у Тро-Гиляковъ.

Мои познанія въ гиляцкомъ языкѣ не настолько обширны, чтобы я могъ объяснить происхожденіе названій мѣсяцевъ, кромѣ развѣ только нѣкоторыхъ изъ нихъ. Можно думать, что названія эти находятся въ связи съ наиболѣе замѣтными явленіями мѣстной природы, которыя однако не вездѣ въ странѣ Гиляковъ совпадаютъ по времени. Таково напримѣръ массовое прохожденіе Salmo lagocephalus вверхъ по Амуру и по рѣкѣ Тымѣ на Сахалинѣ. Такъ какъ явленіе это не одновременно на обѣихъ рѣкахъ, то и соотвѣтственное названіе мѣсяца передвигается нѣсколько во времени, т. е. въ одномъ мѣстѣ данный мѣсяцъ начинается нѣсколько ранѣе, чѣмъ въ другомъ, о чемъ впрочемъ я уже имѣлъ случай говорить ранѣе [1]). Точно такъ же Гиляки на Тымѣ перемѣщаютъ на одинъ мѣсяцъ названія мѣсяцевъ января, февраля и марта, употребляемыя на Амурѣ. Но я не нахожу никакого объясненія для этого перемѣщенія. По смыслу слово *Чам-лонгъ* (январь, соотвѣтственно февраль) означаетъ орлиный мѣсяцъ, *Карр-лонгъ* (февраль, соотвѣтственно мартъ)—воронiй; при чемъ подразумѣваются морской орелъ (Haliaëtos Albicilla) и черная ворона (Corvus Corone). Правда, обѣ эти птицы играютъ важную роль [2]) въ суевѣрныхъ представленіяхъ Гиляковъ, а первая кромѣ того и въ ихъ торговлѣ съ японцами, но это все-таки ничуть не объясняетъ, почему именно эти мѣсяцы получили такое названіе. Зимой морской орелъ обыкновенно даже покидаетъ материковую часть страны Гиляковъ, какъ и ея сѣверныя окраины, такъ какъ въ это время года здѣсь не хватаетъ рыбы—его главной пищи. Только на берегахъ Сѣверо-японскаго моря, гдѣ вѣтеръ часто ломаетъ ледъ, да внутри Сахалина, по верхнему теченію рѣки Тымы, не замерзающей при самыхъ сильныхъ морозахъ [3]), можно встрѣтить эту крупную птицу, величественно парящую надъ снѣжными полями иногда при температурѣ, падающей ниже точки замерзанія ртути. Но въ этомъ отношеніи январь и февраль конечно равны, и потому перестановка Тымь-Гиляками названій, употребляемыхъ на Амурѣ, въ сущности остается совершенно необъяснимой. Нельзя ли считать названіе «Орлиный мѣсяцъ» скорѣе иноземнаго происхожденія, можетъ быть китайскаго [4]).

---

1) См. т. II, стр. 214—215.

2) См. т. II, стр. 127. 128 и 251.

3) См. Reisen und Forschungen im Amur-Lande. Band. I стр. 226. 227.

4) У Чулымскихъ татаръ и у жителей Барабы «орлинымъ мѣсяцемъ» (*кучугенъ-аи, кучигаръ-аи*) называется мартъ. (Falk Beytr. zur topograph. Kenntn. des Russ. Reichs, Bd. III, St. Petersb. 1786, стр. (557 и 559), а равно и у Самоѣдовъ въ Большой тундрѣ (*хемби-жирій*), (см. A. G. Schrenk, Reise nach dem Nordosten des Europ. Russlands, Dorpat 1848, Bd. I, p. 537), гдѣ орелъ является первою изъ перелетныхъ птицъ; у Остяковъ же это имя носитъ январь (Falk, l. c., стр. 466).

Я слышалъ, какъ въ долинѣ рѣки Тымы январь называли *клу-лонгъ* — названіе, которое Глэнъ очевидно ошибочно переноситъ на ноябрь, равно какъ и названіе для декабря (*ань-лонгъ*). Наоборотъ, по моимъ изслѣдованіямъ названіе ноября *тло-лонгъ*, употребляемое на материкѣ и на западномъ берегу Сахалина, Гиляками на р. Тымѣ и Тро-Гиляками переносится на декабрь, съ чѣмъ согласенъ и Глэнъ, называющій его *чло-лонгъ* — перестановка названія, вполнѣ аналогичная съ вышеуказанными.

Названіе декабря у Амурскихъ Гиляковъ — *ань-лонгъ*, т. е. годичный мѣсяцъ, или, быть можетъ, послѣдній мѣсяцъ года, легко объясняется тѣмъ, что и отъ ихъ наблюдательности не ускользнулъ фактъ наиболѣе низкаго стоянія солнца надъ горизонтомъ въ это время года, послѣ чего оно снова начинаетъ подниматься. Всего сбивчивѣе и наиболѣе для меня непонятнымъ осталось названіе *аркаилъ* — апрѣль — на материкѣ и на западномъ берегу Сахалина, — іюнь внутри острова и на его восточномъ берегу и наконецъ — май по даннымъ Глэна. Однако оба послѣднихъ названія повидимому ошибочны, такъ какъ стоятъ въ противорѣчіи съ явленіями природы, на которыя Гиляки указывали мнѣ, какъ на характерныя для каждаго мѣсяца. Такъ *аркаилъ-лонгъ* (апрѣль) это мѣсяцъ, когда на Амурѣ ломается ледъ; май — когда рѣка освобождается ото льда; сентябрь, когда улетаютъ гуси — *калхалхъ* (Anser grandis); ноябрь — когда Амуръ опять покрывается ледяной корой, и выпадаетъ много снѣгу. Неясное представленіе Гиляковъ о текущемъ мѣсяцѣ сильно, само собою разумѣется, затрудняетъ опредѣленіе нѣсколько болѣе отдаленныхъ моментовъ времени.

Гиляки очень несоразмѣрно распредѣляютъ 12 мѣсяцевъ по временамъ года, которыхъ, собственно говоря, они различаютъ только два; зиму (*тулфъ* или *тулв-анъ*) и лѣто (*толфъ* или *толфъ-анъ*), руководствуясь временемъ, въ которое они живутъ въ зимникахъ или лѣтникахъ. По этому счету зима имѣетъ 7 мѣсяцевъ — съ октября по апрѣль, лѣто 5 — съ мая по сентябрь. Осень (*тылфъ*, или *тылв-анъ*) и весна (*хонфъ*, или *хонв-анъ*) вовсе не принимаются у нихъ въ расчетъ, и даже слышать о нихъ приходится очень рѣдко. Какъ веснѣ, такъ и осени Гиляки удѣляютъ всего по одному мѣсяцу — апрѣль и октябрь — время переселенія изъ зимниковъ въ лѣтники и обратно.

Въ общемъ слѣдовательно годъ у Гиляковъ распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

Зима	состоитъ	изъ 5	мѣсяцевъ — съ ноября по мартъ.
Весна	»	» 1	мѣсяца — апрѣль.
Лѣто	»	» 5	мѣсяцевъ — съ мая по сентябрь.
Осень	»	» 1	мѣсяца — октябрь.

Здѣсь кстати будетъ сказать нѣсколько словъ и о космическихъ представленіяхъ Гиляковъ. Видя ежедневный восходъ и закатъ солнца, они естественно думаютъ, что земля (*мифъ*) стоитъ неподвижно, а солнце (*кенгъ*) движется вокругъ нея. Затѣмъ кругъ, описываемый горизонтомъ, заставляетъ ихъ представлять себѣ землю въ видѣ диска. Но о томъ,

куда скрывается солнце, когда оно закатилось, и наступила ночь, они не даютъ себѣ никакого отчета. На мои разспросы по этому поводу они со смѣхомъ отвѣчали мнѣ также вопросами, не видалъ ли, быть можетъ, я гдѣ-нибудь закатившееся солнце. Наиболѣе проницательнымъ изъ нихъ, какъ Ючину, Руйгуну и другимъ, невольно задумывавшимся надъ неизмѣнною смѣною дня и ночи, приходила въ голову идея о непрерывномъ движеніи солнца вокругъ земли, о смѣнѣ дня и ночи на другой—нижней сторонѣ земли и, какъ прямое слѣдствіе, о возможности существованія тамъ, какъ и здѣсь, звѣрей и людей. Мнѣ гораздо легче, чѣмъ я ожидалъ, удалось внушить Гилякамъ, что земля имѣетъ видъ не диска, а шара. Также и звѣзды по ихъ мнѣнію подобно солнцу вращаются вокругъ земли. Впрочемъ относительно звѣздъ Гиляки такъ далеко ушли въ своихъ космическихъ представленіяхъ, что считаютъ ихъ такими же міровыми тѣлами, какъ земля, полагая, что лишь только вслѣдствіе громаднаго разстоянія онѣ кажутся такими маленькими. Это видно уже изъ того, что слова *унгхыръ* — «звѣзда» и *унгхыръ мифъ*, т. е. «звѣзда—земля» не имѣютъ у нихъ никакого различія. Для нѣкоторыхъ изъ созвѣздій у нихъ имѣются свои особыя названія. Напримѣръ, три звѣзды въ хвостѣ Большой Медвѣдицы называются *чаро(у)кричъ*, четыре другія — *ньягрньо* [1]), что дословно значитъ «крысья кладовая». Созвѣздіе съ многочисленными звѣздами, лежащее вблизи Большой Медвѣдицы, можетъ быть Плеяды (?), называется на Амурѣ *лумръ* (соболь), на Сахалинѣ — *тагхр-ньо*, т. е. кладовая звѣрка Tamias striatus, или также *таммл-унгхыръ* (много звѣздъ). Мечъ Ориона называется *чехважъ*, млечный путь—*тагихопан-тифъ*, т. е. неизвѣстная дорога и т. д.

Одинъ изъ самыхъ обычныхъ вопросовъ Гиляковъ — о существованіи людей на звѣздахъ. На мой отвѣтъ, что при большой отдаленности звѣздъ люди на нихъ, если и есть, не могутъ быть видимы даже въ телескопъ, мнѣ постоянно возражали, что шаманамъ это все-таки удавалось. Съ ихъ же словъ положительно извѣстно, что тамъ растутъ высокія деревья и цѣлые лѣса, водится много всякихъ звѣрей — соболей, порокъ, лисицъ, медвѣдей, собакъ и, наконецъ, есть и люди, которыхъ Гиляки называютъ безразлично то *унгхыр-нибахъ* (звѣздные люди), то *унгхыр-миф-нибахъ* (люди звѣзды-земли). Люди эти гигантскаго роста, съ густыми бровями, длиннымъ сильнымъ носомъ и т. д. Жители земли иногда встрѣчаются со звѣздными людьми, и шаманы знаютъ, какъ въ такихъ случаяхъ нужно поступать и что дѣлать. При этомъ обыкновенно разсказывается объ одной изъ такихъ встрѣчъ, но къ сожалѣнію я не могъ услѣдить за деталями такого фантастическаго и сложнаго приключенія.

Но оставимъ пока шамановъ съ ихъ фокусами, заклинаніями, танцами и пѣснями. Мы будемъ еще говорить объ этомъ, а теперь скажемъ нѣсколько словъ о тѣхъ подробностяхъ ежедневной общественной жизни Гиляковъ, которыя находятся въ связи съ ихъ увеселеніями — объ ихъ пѣсняхъ, музыкѣ, танцахъ и играхъ.

---

1) На діалектѣ Тымь-Гиляковъ. На материкѣ же говорятъ *ньё*.

Гиляки слишкомъ преданы практическимъ, торговымъ интересамъ, слишкомъ озабочены стремленіемъ къ наживѣ, чтобы удѣлять много времени на пѣніе. Мнѣ, напримѣръ, ни разу не привелось слышать, чтобъ они пѣли на медвѣжьихъ празднествахъ или другихъ сборищахъ съ цѣлью доставить удовольствіе присутствующимъ и самому себѣ. Гилякъ поетъ только въ одиночествѣ, когда думаетъ, что за нимъ не наблюдаютъ. Лицомъ къ лицу съ безмолвной окружающей природой онъ изливаетъ свою грусть въ тихой пѣсни, когда сидитъ въ лѣсной чащѣ передъ потухающимъ костромъ или когда при тихой погодѣ несется въ легкомъ челнокѣ по теченію рѣки, не шевеля весломъ. Однообразна и грустна въ такихъ случаяхъ его пѣсня съ преобладающими гортанными звуками. Зато Гилякъ часто постъ ночью, когда ему не спится, чтобы какъ-нибудь скоротать часы томительной безсонницы. Лежа на нарахъ подъ собачьей шубой, онъ громко затягиваетъ свою пѣсню, нимало не заботясь о покоѣ своихъ сосѣдей. По окончаніи одной строфы иногда раздается изъ какого-нибудь угла юрты гортанный звукъ *га*, указывающій, что у него есть товарищъ по страданію, и что онъ можетъ спокойно пѣть далѣе. За первой строфой слѣдуетъ вторая, потомъ третья и т. д. Поютъ ночью или ододряютъ пѣвца возгласомъ *га* какъ мужчины, такъ и женщины. Когда такое пѣніе продолжалось слишкомъ долго въ нашемъ присутствіи, я, или чаще мои люди спѣшили его прекратить. Сами же Гиляки привыкли къ такому нарушенію своего ночного покоя и никогда не жалуются на него. Точь въ точь то же повторяется и у другихъ туземцевъ Нижне-амурскаго края — Ольчей, Самагирцевъ, Гольдовъ[1]). Только выражающій одобреніе звукъ *га* у нихъ измѣняется въ носовой въ *кэ*, *кэ* [2]). Вообще удивительно, какъ легко и часто Гиляки, Ольчи и другіе туземцы прерываютъ свой сонъ. Помимо ночного пѣнія они, пробудившись, вскакиваютъ съ постели, усаживаются на корточкахъ передъ очагомъ, разводятъ или поправляютъ огонь, курятъ трубку за трубкой и т. д. Но ни днемъ, ни ночью мнѣ не случалось видѣть, чтобъ они ходили взадъ и впередъ по юртѣ. Напротивъ того, если мнѣ случалось заниматься этимъ въ тѣ дни, когда ненастье препятствовало движенію на открытомъ воздухѣ, на меня всегда смотрѣли въ юртѣ съ какимъ-то удивленіемъ, нерѣдко смѣялись и даже спрашивали о цѣли такого хожденія взадъ и впередъ.

---

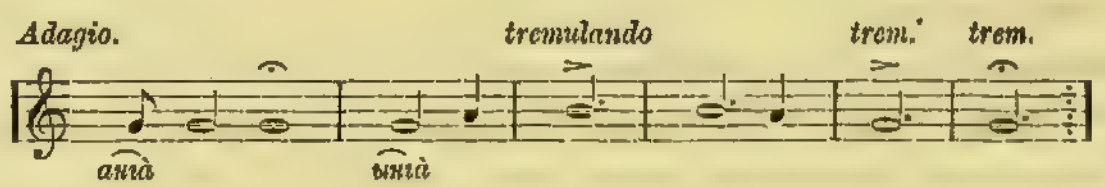
1) Наоборотъ Сибирскіе Тунгусы, сопровождавшіе Эрмана въ его путешествіи изъ Якутска въ Охотскъ, охотно пѣли днемъ. Когда же онъ однажды попросилъ ихъ повторить свои пѣсни вечеромъ у огня, они отказались, заявивъ, что ночью пѣть грѣшно. (Erman, Reise um die Erde, Histor. Bericht., Bd. II, p. 354). Но это могло быть внушено имъ уже русскими, заботившимися о своемъ ночномъ покоѣ.

2) У Брылкина (Письма съ Сахалина—Зап. Сибирск. Отд. Геогр. Общ. Кн. VII, Иркутскъ 1864, стр. 29) мы находимъ разсказъ о томъ, какъ одинъ Анно въ деревнѣ Чикапергунай, напившись саки, затянулъ пѣсню — импровизацію о своемъ путешествіи. Всякій разъ, какъ онъ пріостанавливался, присутствовавшіе Анно заставляли его криками *кэ*, *кэ*, т. е. дальше, дальше, продолжать свою пѣсню, и пѣсня, и эти крики шли безъ конца дальше. Нѣчто подобное разсказываетъ и Гуперъ (Hooper, Ten months among the Tents of the Tuski, London, 1853 p. 137) о Чукчахъ, которые, смотря на пляску и представленія Эскимосовъ, выражали свое одобреніе восклицаніемъ *кахъ! кахъ!* что соотвѣтствуетъ приблизительно итальянскому *da capo*.

Чѣмъ труднѣе и чѣмъ рѣже удается услышать Гиляцкую пѣсню днемъ, тѣмъ бо́льшій интересъ имѣютъ данныя о томъ же предметѣ Миддендорфа, которыя я нашелъ среди его рукописей, предоставленныхъ въ мое распоряженіе. Съ Гиляками [1]) Миддендорфъ ознакомился на Тугурской и Улбанской губахъ, т. е. у крайнихъ сѣверо-западныхъ предѣловъ ихъ страны, куда онъ прибылъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ Якутовъ и Тунгусовъ, которые сообщили ему, что среди жителей мѣстечка есть нѣсколько искусныхъ пѣвцовъ. Миддендорфъ конечно захотѣлъ ихъ послушать. Пѣвцы сначала отнѣкивались, потомъ одинъ запѣлъ, но почти тотчасъ же оборвался, громко разсмѣявшись, быть можетъ, отъ смущенья. Наконецъ пѣвцы рѣшились и стали выступать по очереди. Пѣли они вообще много мелодичнѣе, чѣмъ Якуты, хотя гортанные и посовые звуки преобладаютъ также и у нихъ. Съ обычной точностью и картинностью характеризуетъ Миддендорфъ пѣніе каждаго пѣвца, записавъ при этомъ и мотивы ихъ пѣсенъ. «Сначала, — говоритъ онъ — выступилъ Гилякъ Ламранъ, съ пріятнымъ и хорошо обработаннымъ голосомъ. Въ его пѣсни можно было уловить всего только два слова *анга-ынга*, которыя, повидимому, составляютъ неизбѣжное вступленіе и припѣвъ каждой пѣсни, не имѣя никакого особаго значенія и употребляясь только въ пѣніи.

Вотъ мотивъ его пѣсни:

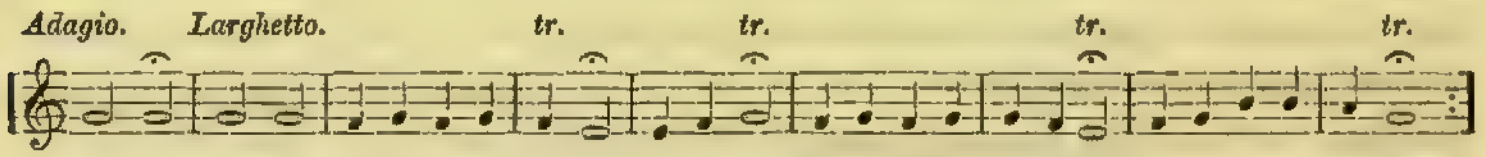
1.



Начальный тонъ онъ тянулъ такъ долго, какъ только хватило дыханія, и это было какъ бы интродукціей. Трель дѣлается горломъ и тянется также долго. Такъ какъ Ламранъ держалъ тонъ очень чисто и весьма порядочно дѣлалъ горловую трель, то его медленное пѣніе производило очень пріятное, хотя довольно таки грустное впечатлѣніе.

Второй пѣвецъ былъ Гилякъ Джейенъ. Вотъ что онъ пѣлъ:

2.



Темпъ его пѣсни былъ значительно быстрѣе, чѣмъ у Ламрана, но общее впечатлѣніе получалось, все-таки, грустное. Хотя и здѣсь продолжительность гортанной трели также играла главную роль, но его исполненіе не было лишено и собственныхъ, виртуозныхъ пріемовъ. При выдерживаніи тона у него вдругъ точно прерывалось дыханіе, какъ будто ему сжимали горло; казалось, вотъ-вотъ онъ задохнется, но въ концѣ концовъ начатое

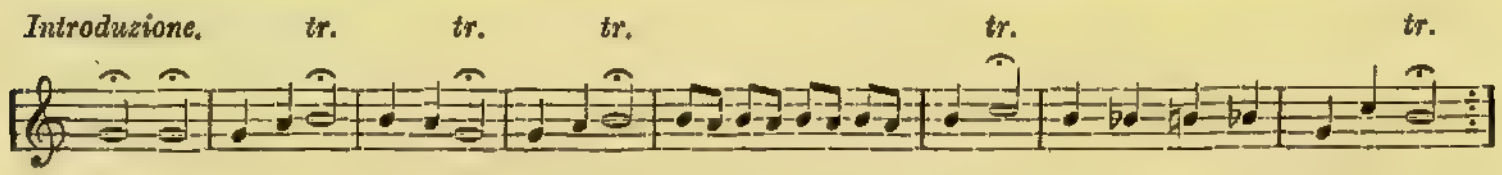
---

1) Миддендорфъ, какъ извѣстно, пересѣкъ сѣверную часть бассейна рѣки Амура, начиная отъ Тугурской губы черезъ Амгунь, Бурею и Зею до Усть-Стрѣлки, гдѣ Шилка и Аргунь сливаются вмѣстѣ, образуя Амуръ. (См. Beitr. zur Kenntn. des Russ. Reiches, Bd. IX, 2 Abth. p. 615—625).

слово вырывалось совсѣмъ ясно и чисто. Затѣмъ слѣдовалъ рядъ всхлипываній, захлебываній, придыханій, пѣвецъ заикался, произнося слово *ай----ангà* съ задержкой на первомъ слогѣ. Затѣмъ опять сдавленное дыханіе, новыя всхлипыванія, повыя захлебыванія, и наконецъ все слово *ангà* произнесено цѣликомъ. И это продѣлывалось не только въ началѣ пѣсни или строфы, но не разъ вставлялось и между отдѣльными словами.

Третьимъ, наконецъ, выступилъ Гилякъ Ньяунгуръ. Онъ пѣлъ слѣдующее:

3.



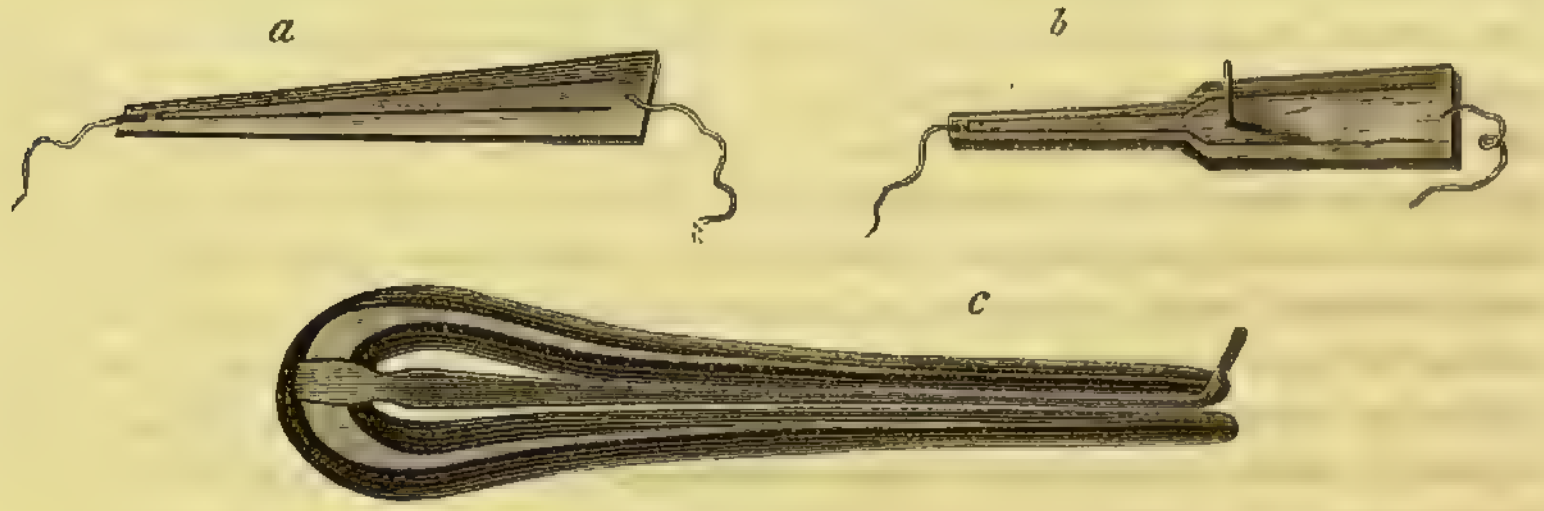
Его пѣніе отличалось особенною виртуозностью, да и самая мелодія была гораздо разнообразнѣе, чѣмъ у первыхъ. Пріемы были тѣ же, но всѣ эти заиканія, захлебыванія, перехваченныя дыханія и т. п. выходили у него еще искуснѣе, чѣмъ у обоихъ предшественниковъ. Кромѣ гортанной трели онъ выдѣлывалъ также трель съ помощью носовой фистулы, удивительно напоминающую по тембру звуки варгана.

«Во всѣхъ этихъ пѣсняхъ — продолжаетъ Миддендорфъ — ясно проглядывала индивидуальность пѣвца: пѣніе Ламрана при хорошемъ голосѣ и чистыхъ треляхъ звучало серьезно и навѣвало тихую, въ своемъ родѣ пріятную грусть. Пѣніе двухъ другихъ напоминало нашихъ виртуозовъ, играющихъ варіаціи на скрипкѣ. Говоря объ этомъ пѣніи, вообще не слѣдуетъ упускать изъ виду всѣхъ трудностей произношенія гиляцкаго языка и уже самое слово *ангà* произносится такъ, какъ еслибы носъ былъ ущемленъ между концами куриной дужки. Произношеніе буквы *р* совершенно дѣтское, какъ еслибъ она стояла между *р. г. л.* При этомъ она еще соединяется съ буквами *г. д. х;* далѣе есть звуки, соотвѣтствующіе французскому *ng*, англійскому *th*, *д* въ соединеніи съ *г* и т. п.».

Миддендорфъ записалъ и слова обѣихъ послѣднихъ пѣсенъ, но я долженъ къ сожалѣнію отказаться привести ихъ здѣсь, такъ какъ не могу, даже и приблизительно, разгадать ихъ смысла. Это и неудивительно: при кратковременномъ пребываніи путешественника среди Гиляковъ, крайне своеобразные звуки ихъ языка звучатъ очень странно и неразборчиво для непривычнаго слуха. Эти трудности увеличиваются въ значительной степени благодаря той свободѣ, съ какой пѣвецъ измѣняетъ по произволу слова, приспособляя ихъ къ ритму и мелодіи своей пѣсни. Онъ сохраняетъ эти измѣненія и при повтореніи словъ своей пѣсни, какъ они запечатлѣлись въ памяти при пѣніи. Къ тому-же весьма сомнительно, чтобы русскій переводчикъ, которые въ то время были вообще очень плохи, могъ съ точностью понять и передать содержаніе гиляцкой пѣсни. Конечно онъ, какъ это замѣтилъ и Миддендорфъ, передавалъ все *praeter propter* — какъ Богъ на душу положитъ. Упомянутыми поэтическими вольностями, допускаемыми Гиляками въ своемъ пѣніи, объясняется, почему для меня, не смотря на двухлѣтнее пребываніе среди нихъ, такъ мало понятно содержаніе пѣсенъ, записанныхъ мною со словъ Гиляковъ Ючина, Тенгхана и другихъ, что я могу узнать въ нихъ только отдѣльныя слова, вмѣстѣ съ названіями лицъ

и мѣстъ. То же случилось и съ докторомъ Грубе, не смотря на то, что онъ кромѣ моего гиляцкаго словаря имѣлъ также въ рукахъ и слова, записанныя Глэномъ. Единственная только пѣсня, записанная со словъ Ючина подъ названіемъ *Валихычъ* [1]), представляетъ особый интересъ, — да и то благодаря его комментаріямъ по поводу воспѣтаго въ ней мѣста Млыгх-во, куда, по сказаніямъ Гиляковъ, отправляются души людей, умершихъ естественной смертью. Впрочемъ объ этомъ позже.

Инструментальная музыка у Гиляковъ еще несовершеннѣе и далеко не такъ своеобразна, какъ пѣніе. За исключеніемъ шаманскаго барабана или бубна, имѣющаго спеціальное назначеніе, Гилякамъ извѣстны всего только два музыкальныхъ инструмента весьма примитивной конструкціи. Одинъ изъ нихъ варганъ (по гиляцки *Канга* или *вучранга*, у Ольчей — *мупхены*), — инструментъ, получаемый ими отъ «Маньчжуровъ» и цѣнимый поэтому очень дорого, хотя онъ настолько незатѣйливъ, что Гиляки и сами, конечно, могли бы его построить. Варганъ существуетъ у нихъ трехъ родовъ: изъ желтой мѣди, дерева и желѣза (см. ниже рисунки a. b. c.). Первый (a) состоитъ изъ узкой латунной пластинки дюйма два длиною. Во всю длину ея вырѣзана узкая языковидная пластинка, составляющая одно цѣлое съ однимъ изъ узкихъ концовъ рамки. Въ дырочки на обоихъ концахъ рамки пропущено по нитянному снурку, посредствомъ которыхъ инструментъ подносятъ ко рту, приводя сильной струею воздуха языкообразную пластинку въ движеніе. Для второго (b) берутъ тонкую деревянную пластинку, нѣсколько болѣе широкую чѣмъ у перваго инструмента (a) на одномъ концѣ, но съуживающуюся съ уступомъ къ другому, съ язычкомъ той же самой формы; передъ съуженіемъ въ язычкѣ аккуратно вдѣланъ небольшой гвоздикъ, назначеніе котораго содѣйствовать вибраціи пластинки и разнообразить



Различные варганы Гиляковъ.

ее по желанію. Третій (c) состоитъ изъ узкой, довольно массивной желѣзной дуги, между вѣтвей которой прикрѣплена тонкая полоска изъ того же металла съ загнутымъ кверху

1) № III въ спискѣ гиляцкихъ словъ, составленномъ докторомъ Грубе. См. прибавленіе къ III тому Reisen und Forschungen, стр. 41.

свободнымъ концомъ. При игрѣ на этомъ варганѣ его прижимаютъ къ губамъ лезвіемъ топора, что содѣйствуетъ чистотѣ звука и усиливаетъ резонансъ.

Гилякъ любитъ въ часы досуга, лежа на нарахъ съ варганомъ въ рукахъ, выводить свои любимыя трели, столь пріятныя для его слуха въ пѣніи, но и здѣсь его мелодіи звучатъ весьма меланхолично. Что же касается умѣнья играть на этомъ инструментѣ, то оно по истинѣ изумительно.

Другой музыкальный инструментъ, также извѣстный Гилякамъ, но далеко не такъ распространенный между ними, представляетъ родъ одностроннной, крайне примитивной скрипки (по гиляцки *тынгриъ*, у Ольчей *танкара*). Онъ состоитъ изъ небольшого, сдѣланнаго изъ бересты, полаго цилиндра (по гиляцки *тынгр-чобрай*), который затянутъ сверху рыбьей кожей (по гиляцки *чобрай-тывръ*). Поперекъ цилиндра проткнута небольшая палочка, выдающаяся лишь немного съ одной стороны и довольно сильно съ другой. Къ короткому концу прикрѣплена кишечная струна, которая идетъ черезъ подставку (по гиляцки *твуа*, какъ у лука) на рыбьей кожѣ къ другому, длинному концу палочки, гдѣ находится приспособленіе для натягиванія струны. Смычокъ (по гиляцки *тынгр-пунчъ*), сдѣланный изъ конскаго волоса (по гиляцки *кихъ*), согнутъ очень сильно. При игрѣ смычкомъ водятъ по струнѣ между подставкой и длиннымъ концомъ палочки, проходящей сквозь берестяный цилиндръ. Инструментъ этотъ, судя даже по названію, мнѣ кажется, заимствованъ у Ольчей или Гольдовъ, и уже во всякомъ случаѣ тунгузскаго происхожденія. Я видѣлъ только однажды, какъ на немъ играли въ Кидзи однообразную и грустную мелодію, которая очень походила на гиляцкую.

Замѣчательно, что въ теченіе моего двухлѣтняго пребыванія среди Гиляковъ я ни разу не видалъ ихъ танцующими, ни на медвѣжьихъ празднествахъ, ни при какомъ другомъ случаѣ. Танцы, очевидно, имъ не по вкусу, что весьма характерно для ихъ серьезнаго, практическаго образа мыслей. Миддендорфъ, правда, видѣлъ однажды, какъ они плясали, но при совершенно исключительныхъ обстоятельствахъ. Это было въ Буруканѣ — мѣстечкѣ, которое Гиляки посѣщаютъ только по торговымъ дѣламъ. Тунгусы, бывшіе тамъ и, вѣроятно, разгоряченные водкой, затѣяли дикій плясъ. Гиляки долго оставались зрителями, но въ заключеніе не вытерпѣли и приняли въ немъ также участіе [1]). Вообще же по ихъ словамъ они никогда этого не дѣлаютъ, какъ замѣчаетъ и Миддендорфъ въ своихъ рукописяхъ. И дѣйствительно, имъ можно повѣрить. Тунгусы въ короткихъ мѣховыхъ кафтанахъ, плотно облегавшихъ ихъ члены, танцевали легко и непринужденно. Гиляки же въ своихъ длинныхъ, собачьихъ шубахъ, стѣснявшихъ всѣ ихъ движенія, мѣшковатые и неуклюжіе, болѣе походили на медвѣдей. Усердно подражая Тунгусамъ, они скоро уставали и бросали танцы, громко смѣясь сами надъ собой: такъ дѣтски легкомысленны казались они себѣ при этой непривычной забавѣ.

Поражаетъ также отсутствіе у Гиляковъ чего-нибудь подобнаго сценическимъ пред-

1) Middendorff, Reise etc. Bd. IV, p. 1486.

ставленіямъ или маскарадамъ, и я никогда не видалъ у нихъ ни фантастическихъ костюмовъ, ни масокъ. Это тѣмъ больше удивительно, что другіе палэазіатскіе народы, напр. Алеуты и Эскимосы сѣверо-западной Америки всего этого имѣютъ въ изобиліи и находятъ столь большое удовольствіе въ такихъ представленіяхъ, что въ ихъ кашимахъ, устроенныхъ спеціально для этой цѣли, можно встрѣтить сложныя приспособленія для устройства сцены, выхода актеровъ и т. п. [1]). Можно, пожалуй, сказать, что Гиляки настолько трезво смотрятъ на вещи, что вовсе не способны къ иллюзіямъ.

Общественныя увеселенія у Гиляковъ сводятся почти исключительно къ тому, чтобы дать ихъ мужчинамъ возможность выказать свою силу, ловкость и неустрашимость въ различнаго рода состязаніяхъ, за которыми обыкновенно слѣдуетъ обильное и сытное угощеніе. Участіе въ этомъ женщинъ ограничивается лишь приготовленіемъ кушаній, изъ которыхъ на ихъ долю едва ли выпадаетъ достаточно, чтобы вознаградить за труды. Въ слѣдующемъ отдѣлѣ, посвященномъ исключительно описанію медвѣжьихъ празднествъ у Гиляковъ и ихъ ближайшихъ сосѣдей, я опишу также и неизбѣжныя по программѣ увеселенія въ томъ порядкѣ, какъ мнѣ ихъ привелось самому видѣть.

Здѣсь можно кстати упомянуть и объ игрѣ въ карты, которая по всѣмъ признакамъ занесена къ Гилякамъ изъ Китая. Играютъ Гиляки маленькими, хорошо извѣстными китайскими картами, которыя заносятъ къ нимъ китайскіе купцы съ Сунгари и съ верховьевъ Уссури черезъ страну Гольдовъ и Ольчей [2]). Для названія карточной игры у Гиляковъ существуетъ только слово *пай*, т. е. даромъ, безвозмездно, что служитъ лучшимъ доказательствомъ невиннаго характера этой игры. Дѣйствительно, въ мое время Гиляки играли только на табакъ — удовольствіе конечно совершенно невинное, т. к. у нихъ каждая трубка табаку выкуривается сообща. Между тѣмъ имъ хорошо извѣстно, что «Маньчжуры» (Китайцы) совсѣмъ иначе играютъ въ карты, рискуя уже значительно бо́льшими ставками. Изъ описанія, которое даетъ Пржевальскій видно, какъ сильно распространена карточная игра среди китайцевъ на верхнемъ Уссури и на примыкающемъ морскомъ побережьѣ, въ особенности въ Цыму-хѣ и въ Сучанѣ. Здѣсь въ зимнюю пору безработный сбродъ, цѣлые дни и ночи проводитъ въ карточной игрѣ, раззоряя и раззоряясь въ пухъ и прахъ [3]). Удивительно, что при такихъ условіяхъ карточная игра еще сравнительно такъ мало распространилась внизъ по Амуру и не нашла себѣ благопріятной почвы у Гиляковъ, несмотря на ихъ корыстолюбіе. Это, конечно, стоитъ въ связи съ энергичнымъ сопротивленіемъ, какое они всегда оказывали стремленію китайцевъ проникнуть въ ихъ страну. Съ другой стороны, однако, карточная игра могла быть къ нимъ занесена и русскими.

---

1) О театральныхъ представленіяхъ Алеутовъ см. Веніаминовъ, Зап. объ остр. Уналашк. отд. С.-Петерб. 1840, ч. II, стр. 85, 93. Объ Эскимосахъ же ср. выше, т. II, стр. 32, 34.

2) Маакъ (Путеш. на Амуръ, стр. 198) видѣлъ эти китайскія карты изъ 120 картъ въ колодѣ въ рукахъ Гольдовъ съ Ыкка.

3) Пржевальскій, Путеш. въ Уссур. краѣ. С.-Петерб. 1870, стр. 90.

Сравнимъ теперь особенности соціальнаго и общественнаго быта Гиляковъ съ тѣмъ, что мы находимъ у ихъ ближайшихъ сосѣдей Ольчей и Гольдовъ.

Во время моего пребыванія на Амурѣ, какъ Гиляки, такъ и **Ольчи** были свободны отъ платежа дани Китаю и Россіи, послѣ того какъ Деренъ лишился въ двадцатыхъ годахъ своего значенія оффиціальнаго Маньчжуро-Китайскаго рынка. Только тѣмъ изъ нихъ, которые отправлялись торговать на Сунгари[1]), приходилось платить чиновникамъ въ Сапсипѣ, чтобы получить нужное для этого разрѣшеніе. Но и тутъ въ отношеніи обоихъ народовъ къ ихъ прежнимъ властителямъ—Маньчжуро-Китайцамъ замѣтна большая разница. Болѣе энергичные Гиляки, избавившись отъ манчжурскаго ига, сразу перестали повиноваться окружнымъ старшинамъ, на обязанности которыхъ лежало взиманіе дани. Мало того, они совсѣмъ закрыли доступъ въ свою страну не только маньчжурскимъ чиновникамъ, но и китайскимъ купцамъ, на что не хватило мужества у болѣе кроткихъ и боязливыхъ Ольчей. Они все еще боялись [2]) возвращенія маньчжуро-китайскаго владычества, а также и тѣхъ событій, которыя казалось могли имѣть мѣсто послѣ раззоренія Дерена, находившагося на землѣ Ольчей.

Страхъ этотъ отчасти можно объяснить и тѣмъ, что сосѣдніе съ ними Гольды и Самогирцы на Горинѣ по прежнему оставались подъ китайскимъ владычествомъ, ихъ бѣглецы, спасаясь отъ притѣсненій, искали нерѣдко убѣжища въ странѣ Ольчей. Не мало также запугивали ихъ и бродячіе китайскіе купцы. Избавившись отъ контроля манчжурскихъ чиновниковъ въ Дерепѣ, которые ихъ всетаки нѣсколько сдерживали, они теперь не знали границъ своему хищничеству, тѣмъ болѣе необузданному, что со стороны Ольчей они встрѣчали полную покорность.

Страхъ передъ возможностью возвращенія притѣснителей и постоянныя опасенія за безопасность своего имущества, естественно заставляютъ Ольчей довольно равнодушно относиться къ бо̀льшей или меньшей степени благосостоянія. Этому конечно помогаютъ и свойства ихъ тунгусской природы, благодаря которымъ они гораздо менѣе трудолюбивы и не такъ жадны до наживы. Поэтому то богатство далеко не играетъ у Ольчей той важной роли, какъ у Гиляковъ, и въ ихъ соціальномъ бытѣ не такъ замѣтны подраздѣленія, основанныя главнымъ образомъ на различныхъ степеняхъ благосостоянія. Конечно, и между ними существуютъ богатые, какъ напримѣръ Тодо въ Чилоѣ, который принадлежалъ къ небольшому числу Ольчей, владѣвшихъ даже рысьими шубами [3]). Во всякомъ случаѣ богатство далеко не даетъ у нихъ своимъ обладателямъ такого почета и популярности, такого нравственнаго вліянія, какъ у Гиляковъ. Это опять таки, главнымъ образомъ, основано на сильно развитомъ у Гиляко̀въ духѣ промышленности и непасытимаго стремленія къ наживѣ. Достигнувъ извѣстной степени богатства, Гилякъ не успокоивается, а неустанно заботится о его увеличиваніи, скупая пушнину въ округѣ и не останавливаясь передъ трудностями

---

1) Сравн. т. II, стр. 292.
2) См. т. II, стр. 308—310.
3) См. т. II, стр. 80.

дальнихъ путешествій, что, конечно, доставляетъ ему широкую извѣстность и почетъ. Ольчи напротивъ мало стараются объ этомъ и охотно довольствуются гораздо меньшимъ.

Другая характерная черта соціальнаго быта Ольчей, отличающая ихъ отъ Гиляковъ, заключается въ томъ, что ихъ коммунизмъ далеко не такъ исключительно вращается въ кругу собственной народности. Это легло объясняется тѣмъ, что хотя по образу жизни, въ нравахъ и обычаяхъ они во многомъ сходны съ Гиляками, но съ другой стороны, ихъ окружаютъ родственныя тунгусскія племена, языкъ которыхъ вполнѣ понятенъ для Ольчей, и съ которыми они вообще имѣютъ много общаго. Благодаря такому ослабленному чувству національзма отдѣльная личность въ случаѣ нужды не находитъ у нихъ такой поддержки среди болѣе зажиточныхъ земляковъ, какъ у Гиляковъ, но зато въ общемъ они гораздо мягче и гуманнѣе послѣднихъ.

Лучшимъ доказательствомъ того, что Ольчи, Гольды, Самагирцы и другія мелкія племена не ограничиваютъ своего коммунизма, какъ Гиляки, лишь узкимъ кругомъ собственнаго рода[1]), служатъ ихъ охотничьи обычаи. Всѣ эти племена имѣютъ на Горинѣ свои охотничьи шалаши, которыми можетъ пользоваться вмѣстѣ со всей находящейся въ нихъ домашней утварью и охотничьими снарядами любой охотникъ, какой бы національности онъ ни былъ, при молчаливомъ соглашеніи, что не будетъ ничего похищено, не исключая и охотничьей добычи. Здѣсь предполагается честность, даже по отношенію къ лицамъ другого племени, т. е. выходящая уже далеко за предѣлы узкаго національзма. Что все это дѣйствительно такъ, показываетъ мой собственный опытъ. Въ одномъ изъ охотничьихъ шалашей, я нашелъ однажды еще не ободранную мускусную кабаргу, которую мнѣ очень захотѣлось купить, но хозяинъ шалаша — какой-то Ольча отсутствовалъ. Мой проводникъ — Гольдъ сказалъ однако, что покупка всетаки можетъ состояться, и что звѣрь стоитъ не дороже связки табаку. Я рѣшилъ повысить цѣну до двухъ связокъ, послѣ чего мы взяли кабаргу, а въ шалашѣ вожакъ поставилъ деревяшку съ зарубинами, изъ которыхъ верхняя сообщала, что было одно животное, а другія двѣ нѣсколько ниже и на обратной сторонѣ палки означали количество предметовъ, заплоченныхъ за него. Тутъ же былъ положенъ и табакъ. Позже, случайно встрѣтилъ на Амурѣ Ольчу — хозяина шалаша, и онъ подтвердилъ мнѣ, что получилъ сполна всю плату за мускусную кабаргу и что вполнѣ доволенъ этой продажей. Не менѣе того уважаютъ Ольчи, Гольды и Самогирцы собственность путешественника; у меня ни разу ничего не пропадало, когда я останавливался въ ихъ деревняхъ, не говоря уже о настоящихъ, завѣдомыхъ кражахъ, какъ то случалось у Гиляковъ. Само собой разумѣется, что не всегда одна честность руководитъ въ такихъ случаяхъ Ольчами. Много значитъ, что они вообще довольствуются меньшимъ и не такъ заботятся объ увеличеніи своего имущества, отчасти же имъ мѣшаетъ природная боязливость и пугливость.

Наконецъ гостепріимство у Ольчей, какъ и у другихъ тунгусскихъ племенъ, также

---

1) См. т. II, стр. 266.

гораздо меньше, чѣмъ у Гиляковъ, носитъ на себѣ характеръ національной исключительности. Оно у нихъ вообще предупредительнѣе, радушнѣе и выражается въ болѣе вѣжливой и дружественной формѣ. Иногда хозяинъ встрѣчаетъ гостя уже у дверей, привѣтствуетъ его поклономъ и словами *соро-де*, добрый день, приглашая войти движеніемъ руки. Случается, что передъ путешественникомъ опускаются на одно колѣно, что у Самагирцевъ и Гольдовъ является общимъ правиломъ. Чѣмъ дальше вверхъ по рѣкѣ, т. е. чѣмъ ближе къ Маньчжурамъ и Китайцамъ, тѣмъ съ бо̀льшею покорностью продѣлывается эта церемонія, и верховскіе Гольды становятся на колѣни въ просящей позѣ, складывая руки вмѣстѣ. Въ домѣ хозяинъ разстилаетъ прежде всего для путешественника коврикъ на нарахъ, ставитъ около маленькій китайскій столикъ и тазикъ съ горящими угольями *(Яхалакко)*, разжигаетъ углемъ свою трубку и подаетъ ее гостю, который обязанъ отвѣтить тѣмъ же самымъ. Все это обычаи, непосредственно заимствованные у Маньчжуровъ и Китайцевъ. Тѣмъ временемъ женщины разгружаютъ сани путешественника и вносятъ въ домъ его вещи.

Въ домахъ Ольчей, Гольдовъ и Самагирцевъ путешественника пріятно поражаетъ полное отсутствіе разныхъ стѣснительныхъ обычаевъ, основанныхъ на суевѣріи. Мнѣ ни разу не приходилось слышать у Ольчей и Гольдовъ выраженія, которое соотвѣтствовало бы гиляцкому *уичъ*, не смотря на частыя сношенія съ ними. Здѣсь и помину нѣтъ о тѣхъ, выражающихъ общее нежеланіе, возгласахъ, которые у Гиляковъ такъ часто слышались со всѣхъ сторонъ юрты[1]), такъ какъ для такихъ энергичныхъ заявленій Ольчи слишкомъ робки и сдержанны. Наконецъ большая гуманность Ольчей и Гольдовъ или, по крайней мѣрѣ, ихъ бо̀льшая деликатность въ обращеніи выражается еще и въ томъ, что здѣсь существуетъ слово — благодарить, совершенно чуждое Гилякамъ. По крайней мѣрѣ, мнѣ кажется, что именно это обозначаетъ часто повторяющееся слово *фодомонеро*.

Политически-административный порядокъ вещей у **Гольдовъ** былъ въ мое время совершенно иной, чѣмъ у Гиляковъ и Ольчей. Вмѣстѣ съ Самогирцами и Орочами они послѣ раззоренія Дерена попрежнему оставались данниками маньчжуро-китайскаго правительства. Такъ продолжалось вплоть до Айгунскаго трактата, заключеннаго между Россіей и Китаемъ въ 1858 году, когда Русскіе окончательно заняли Нижне-Амурскій край. Для собиранія дани (по гольдски *àлба*), Маньчжуро-Китайцы устроили очень сложную организацію; примѣнясь къ тому, что у амурскихъ народовъ издавна существовали подраздѣленія на роды съ отцовской стороны *(хала)*, они во главѣ каждаго рода поставили старшину *(халада)*, на обязанности котораго лежало взимать дань и вести запись умершихъ и новорожденныхъ

---

1) На основаніи многочисленныхъ *уичъ*, какія мнѣ приходилось слышать въ гиляцкихъ юртахъ, я со своей стороны также заставилъ Гиляковъ, посѣщавшихъ меня въ Николаевскомъ Постѣ, соблюдать три слѣдующія *уичъ*. Именно они не должны были: 1) садиться на мою кровать, 2) плевать на полъ, 3) курить свой собственный табакъ. Такъ какъ вмѣсто того я угощалъ ихъ своимъ табакомъ, то они подчинялись особенно охотно послѣднему условію.

въ своемъ родѣ. Эти старшины были обязаны давать подробный отчетъ и передавать собранную дань маньчжурскимъ чиновникамъ, которые объѣзжали время отъ времени страну. Первоначально званіе халады было наслѣдственнымъ. Но съ теченіемъ времени, когда отдѣльные роды сильно разрослись и распространились по сосѣднимъ деревнямъ, перемѣшавшись съ другими родами,—дѣленіе туземцевъ по родамъ само собою превратилось въ дѣленіе по округамъ. Къ округу принадлежало нѣсколько деревень, въ одной изъ которыхъ жилъ халада, назначаемый обыкновенно маньчжуро-китайскимъ правительствомъ. Съ этимъ порядкомъ вещей въ Нижне-Амурскомъ краѣ встрѣтился и Маміа Ринсо, сначала на Сахалинѣ, гдѣ было то же самое, а потомъ въ Деренѣ и на Амурѣ. Но, благодаря тому, что въ устахъ Японцевъ буквы *л* и *д* измѣняются въ *р* и *т*, названіе родового старшины—*халада* превратилось у него въ *харата*[1]). Хотя округъ по прежнему сохранялъ названіе того или другого рода, но это удобное безъ сомнѣнія для административныхъ цѣлей дѣленіе народа и страны неизбѣжно должно было повести къ ослабленію въ отдѣльномъ племени сознанія принадлежности къ опредѣленному отцовскому роду. Такъ, напр., Гольдъ Джинга, на разсказахъ котораго основываются всѣ какъ приведенныя выше, такъ и слѣдующія далѣе рукописныя замѣтки Максимовича, долго не могъ припомнить имени своего рода, но зато перечислялъ безъ малѣйшаго затрудненія деревни, подвѣдомственныя различнымъ халадамъ. Такой перевѣсъ у Гольдовъ чисто административной точки зрѣнія, навязанный имъ маньчжуро-китайскимъ правительствомъ, составляетъ рѣзкую противоположность съ понятіемъ *халлъ* у Гиляковъ[2]), обусловленнымъ исключительно только семейными отношеніями, постановленіями наслѣдственнаго права и правилами кровавой мести. Халады, о которыхъ Джинга могъ разсказать Максимовичу, были слѣдующія: гиляцкій — въ Чоми, ольчскій — въ Ухтрѣ, Касмѣ и Гаувнѣ, хотя ни у Гиляковъ, ни у Ольчей уже давно не существовало званія старшины. Затѣмъ длинный рядъ гольдскихъ халадъ, а именно: въ Кёурми, которому были также подчинены деревни Самагирцевъ на Горинѣ; въ Цоллаци, Дзонгми, Одсхалѣ, Бооланѣ, Эмеро, Катарѣ и Кевурдѣ; на рѣкѣ Кевурѣ, впадающей слѣва ниже р. Уссури и т. д. Джинга зналъ также имена нѣкоторыхъ родовъ и деревень, по которымъ они разселились. Напримѣръ — Туммала-хала, съ деревнями Белхо, Хоме и др.; Сіойгеръ-хала, съ 13 деревнями, въ томъ числѣ Одсхобъ; Бьелде-хала, съ деревнями Даисо, Доле, Джаре, Кьяуре, Сойя, Хула и др.; Посаръ-хала, съ деревнями Маре, Толхо, Адсеко, Дондопъ, Да, Гассіенгъ; Геикаръ—или Опни-хала, съ деревнями Наихс, Дыреrга, Боаца; Дсядс-хор-хала, отчасти также въ деревняхъ — Толхо и Да; Килепгко-хала, занимавшій часть деревни Гассіенгъ; Ахтаръ-хала въ Сюндакѣ; Уди-хала въ Кевурдѣ и т. д.

На обязанности халады, кромѣ всего этого, лежитъ также забота объ устройствѣ въ своемъ округѣ жилища для маньчжурскаго чиновника, являющагося собирать дань. Тѣмъ же старшиною это жилище (*гіаса*) должно было быть достаточно снабжено рыбными запа-

1) См. т. II, стр. 304. Этимологія слова *хазинта*, которое Матія Ринсо употребляетъ для обозначенія помощника родового старшины—мнѣ неизвѣстна.

2) См. выше стр. 23 и сл..

сами, матеріаломъ для починки лодокъ и т. п. Дома эти, какъ напримѣръ тотъ, который я видѣлъ на правомъ берегу Амура противъ мѣстечка Мылки, въ глубинѣ бухты, замкнутой островомъ, напоминаютъ по внѣшнему виду гольдскій дауро, окруженный палисадами. Халада обязанъ извѣстить свой округъ о прибытіи въ гіассу маньчжурскаго чиновника, чтобы тѣ, кто не успѣлъ еще доставить своей дани, поспѣшили это сдѣлать.

Платить дань въ размѣрѣ одной собольей шкуры съ души обязаны всѣ мужчины, достигшіе пятнадцати-лѣтняго возраста. Уплатившій дань получаетъ подарокъ, состоящій изъ нѣсколькихъ кусковъ различныхъ бумажныхъ китайскихъ матерій, извѣстныхъ у Гольдовъ подъ именемъ *самса*, *санъа*, *ходо-* и *амбо-босо* — бѣлаго, синяго или краснаго цвѣтовъ. Кусокъ двухъ первыхъ сортовъ имѣетъ обыкновенно 4 сажени длины, *ходо-босы* 8, а *амбо-босы* 10. Число кусковъ матеріи въ такомъ подаркѣ опредѣляется количествомъ этихъ товаровъ на рынкѣ въ Ича-хотонѣ. Такъ, напримѣръ, въ 1855 году, Маньчжуры въ Ича-хотонѣ дарили своимъ данникамъ за одного соболя только по 4 куска *самсы* и по 2 штуки *ходо-босы*. Въ предшествующіе же годы за одного соболя давали по 4 штуки *самсы*, 8-ми штукъ *саньи* и одной штукѣ *амбо-босы*. Кромѣ того туземецъ, привозящій дань въ Ича-хотонъ самъ, получаетъ за нее болѣе крупный подарокъ, чѣмъ тотъ, который отдаетъ ее на мѣстѣ присланному чиновнику.

Единственное отличіе халады въ томъ, что онъ платитъ дань ежегодно двумя соболями вмѣсто одного, за что ему кромѣ упомянутыхъ выше бумажныхъ матерій дарятъ еще кусокъ шелковой. Всякій вновь назначаемый халада обязательно долженъ съѣздить въ Ича-хотонъ, что ему стоитъ уже очень большаго числа соболей и даетъ право носить шляпу китайскихъ чиновниковъ съ небольшимъ шарикомъ изъ темносиняго стекла.

Халада, въ сущности, не имѣетъ никакого представленія о числѣ жителей въ своемъ округѣ. Тѣ записи, которыя онъ ведетъ по приказу маньчжурскихъ чиновниковъ о лицахъ, подлежащихъ уплатѣ дани, объ умершихъ и новорожденныхъ въ тотъ или другой промежутокъ времени, крайне неточны. Каждый, естественно, старается уклониться по возможности отъ платежа, хотя будучи уличенъ въ этомъ, платитъ въ видѣ штрафа свою подать вдвойнѣ и втройнѣ. Все это ведетъ разумѣется къ страшному произволу, насилію и притѣсненіямъ при собираніи податей. И въ самомъ дѣлѣ трудно себѣ представить маньчжурскаго чиновника, который не воспользовался бы случаемъ разбогатѣть на счетъ туземца. Поэтому-то Гольды такъ боятся и ненавидятъ этихъ чиновниковъ. Относясь къ нимъ съ показной почтительностью, они за спиной прозываютъ ихъ *сингаре*, т. е. крысами, потому что чиновники подобно этимъ животнымъ пожираютъ главное богатство Гольда — собольи шкуры.

Такимъ образомъ Гольды живутъ подъ постояннымъ страхомъ быть ограбленными маньчжурскими чиновниками, чувствуя себя кромѣ того совершенно безсильными противъ китайскихъ купцовъ, которые, навязывая имъ въ долгъ водку, табакъ, матеріи для одежды и тому подобные товары, дѣлаютъ ихъ своими неоплатными должниками. Конечно это убиваетъ въ Гольдахъ ту радость, какую доставляетъ обладаніе имуществомъ, и интересъ къ

его увеличенію. Къ этому присоединяется еще порча чистоты семейныхъ отношеній, которую китайцы вносятъ въ ихъ домашній бытъ. А затѣмъ и сами Гольды, какъ всѣ первобытные народы, особенно тунгусскаго происхожденія, лѣнивы отъ природы и такъ безъзаботны, что принимаются за работу лишь въ случаѣ крайней необходимости. Этими-то условіями жизни и особенностями характера Гольдовъ и объясняется то, что они, не смотря на богатство своей родины рыбными и звѣриными богатствами, пользуются гораздо меньшимъ благосостояніемъ, чѣмъ Ольчи и Гиляки. Вотъ почему это благосостояніе и не можетъ служить у нихъ мѣриломъ для опредѣленія взаимныхъ общественныхъ отношеній.

Тѣ же причины объясняютъ и робкій, всегда приниженный видъ Гольдовъ, представляющій полную противоположность съ свободнымъ, полнымъ чувства собственнаго достоинства образомъ дѣйствій Гиляковъ. Ихъ покорность Маньчжуро-Китайцамъ безгранична. Въ разговорѣ они избѣгаютъ всего, что можетъ придтись тѣмъ не по вкусу, и стараются говорить имъ только угодное; сказавъ что-нибудь неподходящее по ихъ мнѣнію, они тотчасъ же не задумываясь начинаютъ утверждать совершенно противное только что сказанному. Это до того вошло у нихъ въ привычку, что они даже и съ нами считали нужнымъ разговаривать такъ же, какъ со своими властителями. Напримѣръ, если мы спрашивали у нашихъ проводниковъ или гребцовъ, далеко ли еще до слѣдующей деревни, они отвѣчали: «да, еще далеко». Стоило намъ однако выразить хотя бы легкое неудовольствіе или сомнѣніе, и отвѣтъ моментально былъ другой: «нѣтъ, близко». Они охотно старались разузнать заранѣе, что мы думаемъ, чтобы тѣмъ легче попасть въ тонъ. Иногда же они просто отвѣчали — *носа* «не знаю» или еще болѣе наивно: *бихайса, сисаре,* «какъ могу я знать, тебѣ лучше знать»,—отвѣтъ, выводившій насъ иногда изъ терпѣнія, когда дѣло шло о вещахъ, имъ безусловно хорошо извѣстныхъ. Но добродушіе, миролюбіе, честность и жизнерадостность этого народа насъ всегда скоро мирили съ недостатками, привитыми ему Маньчжуро-Китайцами. Ревниво слѣдя за каждымъ шагомъ русскихъ въ Амурскомъ Краю, маньчжурокитайское правительство запрещало Гольдамъ служить проводниками или гребцами на нашихъ лодкахъ. Гольды однако плохо подчинялись такому запрещенію, такъ какъ у нихъ не хватало духа отказаться отъ хорошаго вознагражденія, какое мы имъ давали. Да къ тому же они и не видѣли ничего предосудительнаго въ ослушаніи ненавистнымъ Маньчжурамъ, пока это не грозило имъ непосредственной опасностью. Со страхомъ старались они избѣгать мѣстъ, гдѣ жили эти чиновники, а когда однажды это не удалось, и они попались на глаза чиновнику, ихъ ужасъ былъ такъ великъ, что они готовы были нарушить свои обязательства и покинуть насъ, не получивъ даже своего вознагражденія. Только угрозами мы заставили ихъ бросить этотъ планъ, что однако ни чуть не отразилось на нашихъ добрыхъ отношеніяхъ. Страхъ прошелъ, смѣнившись пріятнымъ сознаніемъ, что заработокъ не потерянъ, и они по прежнему сдѣлались привѣтливы, услужливы и даже веселы. Во время обѣденныхъ приваловъ на берегу рѣки, или когда мы послѣ многодневнаго пути давали себѣ день отдыха, Гольды пѣли свои пѣсни и коротали время, устраивая игры, частью заимствованныя у китайцевъ, частью чисто мѣстнаго происхожденія. Напримѣръ одна изъ такихъ игръ, кото-

рыхъ мы видѣли цѣлый рядъ, была такова: два человѣка беруть за концы веревку отъ лодки и качаютъ ее взадъ и впередъ, а третій продѣлываетъ надъ веревкой разныя штуки, но такъ, чтобы не задѣть ее и не помѣшать ей качаться. Эта игра называется *таббатерé*. Гольдъ бросался на четверинки на землю и, поочереди становясь то на руки, то на ноги, пропускалъ канатъ взадъ и впередъ. Затѣмъ онъ ложился на спину, вскидывалъ кверху ногами и пропускалъ канатъ, послѣ чего пропускалъ его черезъ руки, затѣмъ снова черезъ ноги и т. д. Такъ онъ продѣлывалъ, разнообразя свои эволюціи, три-четыре раза, пока канатъ, наконецъ, не зацѣплялся. Тогда мѣсто играющаго занималъ другой [1]). Иногда наши Гольды состязались въ борьбѣ (по гол. *нгвачé*) и въ прыганьѣ то на одной ногѣ (*тоомендú*), то на обѣихъ. Въ этомъ случаѣ они держатъ ноги вмѣстѣ и дѣлаютъ прыжокъ безъ разбѣга (*дерúндú*), сильно взмахнувъ руками. Побѣдителемъ считается тотъ, кто въ борьбѣ повалитъ другого на землю или прыгнетъ дальше впередъ. Иногда Гольды чертили на сыромъ прибрежномъ пескѣ родъ шахматной доски и съ помощью деревянныхъ палочекъ устраивали игру, похожую на нашу—въ шахматы или, вѣрнѣе, въ шашки. Эту игру, которую мнѣ удалось видѣть, Гольды называютъ маньчжурской по ея происхожденію или же по числу деревянныхъ палочекъ-шашекъ съ каждой стороны — *тонга* (пятокъ) *анакú*. Шахматная доска квадратная дѣлится на 4 × 4 поля. Играющіе получаютъ по пяти палочекъ съ особыми отмѣтками и втыкаютъ ихъ рядомъ на двухъ концахъ доски въ точкахъ пересѣченія линій, образующихъ квадратики.—Ходы палочками дѣлаются безразлично впередъ, въ сторону или назадъ, но по направленію линій, а не по діагонали квадратиковъ. Какъ только двѣ палочки одного изъ игроковъ очудятся рядомъ или одна сзади другой, а непосредственно передъ ними на той же линіи стоитъ палочка противника, послѣднюю убираютъ съ доски, и такъ продолжается до тѣхъ поръ, пока одинъ не потеряетъ всѣхъ своихъ шашекъ. Какъ заставляетъ предполагать названіе этой игры (*тонга-анакá*) у Гольдовъ существуютъ еще вѣроятно и другія сходныя съ ней, частью заимствованныя отъ Маньчжуровъ и Китайцевъ, а частью составленныя и ими самими.

Иногда кто-нибудь изъ нихъ затягивалъ пѣсню; особенно отличался въ этомъ отношеніи молодой Гольдъ Хыккерлокé — котораго я нанялъ выше устья Уссури вожакомъ во время своего обратнаго путешествія внизъ по Амуру. Веселый и общительный онъ обладалъ неистощимымъ запасомъ пѣсенъ, какъ гольдскихъ, такъ, повидимому, маньчжурскихъ и китайскихъ. Въ своемъ челнокѣ изъ древесной коры, онъ подъѣзжалъ вплотную къ моей лодкѣ, закидывалъ на нее ногу, какъ крюкъ и, предоставивъ тащить себя на такомъ импровизированномъ буксирѣ, пѣлъ во время нашего плаванья свои пѣсни. Гольдскія пѣсни большею частью также печальны и унылы съ протяжнымъ напѣвомъ, но безъ гортанныхъ

---

1) Кастренъ сообщаетъ (Castrén, Reiseber. und Briefe aus d. J. 1845—1849, p. 223), что этой игрой занимаются также и Тунгусы на Енисеѣ и притомъ съ необычайной ловкостью. Прыгая черезъ качающійся канатъ, они успѣваютъ поднять съ земли лукъ и стрѣлу и пустить стрѣлу. Среди нихъ есть и такіе смѣльчаки, которые продѣлываютъ тѣ же штуки не съ веревкой, а съ лезвіемъ топора, употребляемаго для медвѣжьей охоты, которымъ съ силою размахиваетъ человѣкъ, лежащій на землѣ.

звуковъ, которые составляютъ такую существенную принадлежность гиляцкаго пѣнія. Да и вообще онѣ много мелодичнѣе и благозвучнѣе. Зато китайскія пѣсни въ гольдской передачѣ показались мнѣ слишкомъ искусственными и даже, пожалуй, обезображенными.

Укажемъ теперь на особенности счета времени у Ольчей и Гольдовъ, и сравнимъ съ тѣмъ, что мы только что видѣли у Гиляковъ. Хотя Ольчи по своимъ обычаямъ и образу жизни уже въ значительной степени ассимилировались съ Гиляками, однако счетъ времени значительно отличается у нихъ отъ гиляцкаго и имѣетъ гораздо больше сходства съ сосѣдними Гольдами и даже, какъ кажется съ Маньчжурами. Въ рукописяхъ Максимовича, который дольше моего прожилъ среди Ольчей и Гольдовъ, мы находимъ слѣдующія данныя: «Если», говоритъ онъ, «спросить у Ольчи или Гольда, какъ они считаютъ время, они непремѣнно отвѣтятъ: «откуда намъ знать, спроси у Маньчжуровъ или Китайцевъ, они тебѣ скажутъ». Хотя каждый изъ нихъ съумѣетъ назвать тотъ или другой мѣсяцъ, а равно и соотвѣтственныя времена года: *обтуа* (зима), *нієнгніа* (весна), *дсхоа* (лѣто) и *боло* (осень), но дальше этого дѣло обыкновенно не идетъ. Въ Мылкѣ, наконецъ, мнѣ удалось встрѣтить Гольда, который назвалъ всѣ 12 мѣсяцевъ, но я всетаки не знаю, были ли всѣ эти названія гольдскаго происхожденія, или отчасти маньчжурскаго, а то, быть можетъ, и китайскаго. Вотъ со словъ этого Гольда названія двѣнадцати мѣсяцевъ (*біе*) года (*айнганіе*): *нгуйренъ* (когда рѣка покрывается льдомъ), *нчіи* (когда рѣка окончательно покрыта толстымъ, прочнымъ льдомъ), *гусе*, *агдзема*, *наудзема*, *ху*, *хіела* (когда ломается ледъ), *нінгунъ-біе* (6-ой мѣсяцъ), *надань-біе* (7-ой), *джакфунъ-біе* (8-ой), *хуйунъ-біе* (9-ый) и *джоанъ-біе* (10-ый). Хотя мой Гольдъ и утверждалъ, что годъ состоитъ изъ 12 мѣсяцевъ (*біе*), однако онъ назвалъ мнѣ еще одинъ—тринадцатый, *потніанко*, т. е. мѣсяцъ, когда въ изобиліи ловится лососевая рыба *дауа* (*Salmo lagocephalus*) и изъ нея приготовляется много юколы». Въ Одсхала Максимовичъ встрѣтилъ другого Гольда, который частью подтвердилъ приведенныя выше свѣдѣнія, частью же пополнилъ ихъ, указавъ на явленія природы или занятія Ольчей и Гольдовъ, составляющія отличительныя черты извѣстныхъ мѣсяцевъ. «Съ наступленіемъ мѣсяца *нгуирсна*—сказалъ онъ—когда замерзаетъ рѣка, мы отправляемся въ горы и лѣса охотиться за соболями. Мы охотимся въ теченіе *нчіа*, *гусе*, *агдзема* и *наудзема* и возвращаемся домой только въ *ху-біе*». Время, которое Гольды проводятъ на охотѣ, Ольчи посвящаютъ поѣздкамъ по торговымъ дѣламъ къ Орочамъ, что они впрочемъ дѣлаютъ также лѣтомъ. Въ мѣсяцѣ *хіела* рѣка вскрывается; тогда же въ изобиліи ловятъ *ади* (*Acipenser orientalis*) и *уя* (*Cyprinus carpio*) и сушатъ въ прокъ, что не могутъ съѣсть немедленно. *Надань-біе* — бѣденъ рыбой. Въ *джакфунъ-біе* ловятъ *уру*, внизъ отъ Кидси также *селке* (*Salmo Lycaodon*), какъ и *уя*, *кунду* (*Acip. Schrenckii*), а изрѣдка и *ади*. Въ мѣсяцахъ *джоанъ-біе* и *потніанко* ловятъ *дауа* и сушатъ изъ нея юколу. Счетъ мѣсяцевъ въ году начинается съ *потніанко*, и счетъ времени (какъ и у Гиляковъ) ведутъ не по днямъ, а по почамъ».

Само собой разумѣется, что 13 гольдскихъ мѣсяцевъ не могутъ вполнѣ совпадать съ нашими 12-тью. Но явленія природы, пріурочиваемыя къ отдѣльнымъ мѣсяцамъ, и занятія

туземцевъ позволяютъ безъ труда разбираться въ гольдскихъ названіяхъ мѣсяцевъ. Гольды, со словъ которыхъ Максимовичъ записалъ всѣ эти названія, не сходятся только въ одномъ: Гольдъ изъ Мылки называлъ *пóткіанко* просто тринадцатымъ мѣсяцемъ, а Гольдъ изъ Одсхала указывалъ на этотъ мѣсяцъ, какъ на тотъ, съ котораго начинается счетъ мѣсяцевъ — т. е. новый годъ. Если мы, взявъ названія, данныя Гольдомъ изъ Мылки, сочтемъ мѣсяцы, обозначенные попросту цифрами въ обратномъ порядкѣ, то первымъ мѣсяцемъ въ году окажется *гýсе-біе*. Въ буквальномъ переводѣ это будетъ *чамлонгъ*, или орлиный мѣсяцъ, слѣдовательно, январь у Гиляковъ. Но я не знаю, начинаютъ ли послѣдніе считать свой годъ съ этого мѣсяца сами, или это, равно какъ и одинаковое по значенію названіе мѣсяца у Гиляковъ и Гольдовъ, должно быть отнесено на долю маньчжуро-китайскаго вліянія. Относительно Гольдовъ мы знаемъ также, что у нихъ новый годъ начинается съ *пóткіанко*, съ мѣсяца, когда происходитъ массовое движеніе *Salmo lagocephalus* вверхъ по Амуру. Это крайне важное для всѣхъ амурскихъ жителей явленіе наступаетъ въ устьѣ Амура въ половинѣ или въ концѣ августа. Въ верхнемъ теченіи рѣки въ области Ольчей и Гольдовъ опо тянется весь сентябрь, а на Уссури, хотя и съ меньшей энергіей, и октябрь вплоть до замерзанія рѣки [1]). Подобно тому, какъ у Гиляковъ на материкѣ названіе *пилья-раръ*,—или короче *пилья-лонгъ*, т. е. «большая рыба» или «Большой Мѣсяцъ» носитъ августъ, а на Сахалинѣ, гдѣ массовое прохожденіе *Salmo lagocephalus*, наступаетъ позднѣе, то же названіе несетъ уже сентябрь, такъ и у Ольчей и Гольдовъ, повидимому, то же самое повторяется съ мѣсяцемъ *пóткіанко*, начинающимся нѣсколько раньше у первыхъ, нѣсколько позже у вторыхъ, но въ общемъ соотвѣтствующимъ періоду времени съ сентября по октябрь. Тогда то наступаетъ здѣсь новый годъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и новый циклъ занятій [2]). Во всякомъ случаѣ это составляетъ отличительную, національную черту календаря Ольчей и Гольдовъ. За мѣсяцемъ *пóткіанко* слѣдуютъ: *нгуýренъ* — ноябрь, *ичіа*—декабрь, *гусе*—январь, *агдзема* — февраль, *наудзема*—мартъ и *ху-біе*—апрѣль: все это мѣсяцы, которые Гольды цѣликомъ, а Ольчи большею частью проводятъ на охотѣ среди дикихъ лѣсовъ и горъ. Если припомнить, какое громадное значеніе имѣетъ для нихъ охота и съ какой любовью они занимаются ею, то является въ высшей степени характернымъ, что именно для этихъ мѣсяцевъ они имѣютъ особыя названія, а не обозначаютъ ихъ просто цифрами. Къ подобнымъ же мѣсяцамъ принадлежитъ также и *хіела-біе*, май, въ теченіе котораго послѣ вскрытія рѣки начинается сезонъ рыбной ловли и спеціально добычи самыхъ крупныхъ мѣстныхъ рыбъ—осетровъ и бѣлугъ, которыхъ бьютъ гарпунами. Лѣтніе мѣсяцы съ іюня по августъ являются у нихъ сравнительно болѣе свободнымъ временемъ, такъ какъ Ольчи и Гольды съ меньшимъ жаромъ занимаются ловлею другихъ не столь крупныхъ рыбъ, представляя этимъ полную противоположность Гиля-

---

1) См. т. II, стр. 212.

2) Я слышалъ у амурскихъ Гиляковъ на ряду съ болѣе употребительнымъ названіемъ октября *онилами-лонгъ* еще и другое, а именно *потчаво-лонгъ*. Не слѣдуетъ ли и это названіе отнести къ мѣсяцу *пóткіанко* и признать, что оно также ольча-гольдскаго происхожденія?

камъ, для которыхъ, какъ для истыхъ ихтіофаговъ, именно это время года, съ мая по августъ, имѣетъ особенно важное значеніе. Понятно поэтому, почему у Ольчей и Гольдовъ лѣтніе мѣсяцы обозначаются лишь номерами по порядку, что порою весьма неудобно, а у Гиляковъ наоборотъ именно эти мѣсяцы имѣютъ строго гиляцкія названія, смыслъ которыхъ связанъ съ рыболовствомъ.

О космическихъ представленіяхъ у Гольдовъ, ни Максимовичу, ни мнѣ не удалось узнать что-нибудь опредѣленное. Однако Маакъ [1]) сообщаетъ со словъ одного Гольда, что земля, по ихъ понятіямъ обращается вокругъ Полярной звѣзды, которую они считаютъ единственною неподвижною на небѣ и называютъ вслѣдствіе этого *хадá-осикта* (неподвижная звѣзда). Тотъ же Гольдъ сообщилъ еще названія нѣкоторыхъ другихъ звѣздъ. Такъ, напримѣръ, Юпитеръ называется у нихъ *хоракта́*, Орелъ—*иланъ-осикта* (трехзвѣздіе), *α lyrae-жáра*, *α aurigae-суенъ жара*, Большая Медвѣдица — *фаулья*. Послѣднее созвѣздіе пользуется въ Китаѣ особеннымъ почетомъ. Потье [2]) разсказываетъ, что въ каждомъ главномъ городѣ восемнадцати провинцій Небесной Имперіи обязательно существуетъ храмъ, посвященный созвѣздію Большой Медвѣдицы (*вен-чанг-ли-кіунъ*). Немудрено, если и въ Амурскомъ краѣ Гольды и Гиляки питаютъ особенное уваженіе къ созвѣздію Большой Медвѣдицы, вѣроятно и тутъ подъ маньчжурско-китайскимъ вліяніемъ. Млечный путь Гольды называютъ *ба-мамчу*, что по мнѣнію Маака стоитъ въ связи съ туземнымъ названіемъ рѣки Амура, хотя это послѣднее будетъ не мамчу, а Мангу [3]). Если дѣйствительно такая связь существуетъ, то развѣ только въ томъ, что по вѣрованіямъ Гольдовъ Млечный путь представляетъ какъ бы отраженіе Амура. Маньчжурецъ Кэхунгъ, встрѣтившійся съ нами на устьѣ Уссури, также говорилъ намъ, указывая на сливающіяся развѣтвленія Млечнаго пути: «*ыи Сахали, ыи Сунгари*». Это напоминаетъ воззрѣніе австралійцевъ, считающихъ Млечный путь отраженіемъ рѣки Дарлингъ, на берегахъ которой занимаются рыбной ловлей просвѣтленныя души умершихъ [4]).

---

1) Путеш. на Амуръ, С.-Петерб. 1859, стр. 164, 189.

2) Chine moderne ou descr. hist. geogr. et litér. de ce vaste emp. 2 Partie, p. 262. (L'Univers).

3) См. т. I, стр. 149.

4) Peschel, Völkerkunde, p. 352.

Глава 13 [1]).

Медвѣжьи праздники. Ихъ религіозно-обрядовый характеръ и соціальное значеніе. Медвѣжьи праздники у амурскихъ Гиляковъ. Празднества и увеселенія до и послѣ умерщвленія медвѣдя, также какъ при съѣденіи его мяса. Погребеніе костей и черепа медвѣдей. Особенности праздниковъ и обрядовъ у Ольчей, Сахалинскихъ Гиляковъ и Аино.

Въ жизни всѣхъ амурскихъ и сибирскихъ инородцевъ до Камчатки включительно медвѣдь играетъ выдающуюся роль, но ни у кого изъ нихъ въ такой степени, какъ у Гиляковъ. Ростъ амурскаго медвѣдя достигаетъ колоссальныхъ размѣровъ и водится онъ здѣсь въ большомъ количествѣ, являясь однимъ изъ самыхъ опасныхъ хищниковъ. Къ тому-же медвѣдь здѣсь свирѣпѣе, чѣмъ гдѣ-либо, и не побоится при случаѣ напасть на человѣка. Впрочемъ это, можетъ быть, зависитъ отъ того, что въ Амурскомъ Краю медвѣдь находитъ вообще меньше пищи, чѣмъ, напримѣръ, въ Камчаткѣ. Нѣтъ ничего удивительнаго, если фантазія Гиляковъ много занимается имъ, связывая съ его жизнью и смертью рядъ суевѣрныхъ и страшныхъ повѣрій. Между прочимъ они вѣрятъ, что душа человѣка, павшаго въ борьбѣ съ медвѣдемъ, переселяется въ этого хищнаго звѣря. Быть можетъ это объясняется тѣмъ, что медвѣдь въ своихъ привычкахъ и образѣ дѣйствій нѣсколько сходенъ съ ними самими. Какъ и они, онъ питается главнымъ образомъ лососевой рыбой, которая поднимается массами по рѣкамъ, ягодами, кореньями и т. п. Подобно имъ медвѣдь устраиваетъ на зиму логовище въ ямѣ, прикрытой валежникомъ и слоемъ снѣга, защищаясь или нападая, поднимается на заднія лапы и т. п. Но все это, однако, не мѣшаетъ Гилякамъ смотрѣть на его мясо и сало, какъ на лучшее лакомство, особенно если медвѣдь прожилъ нѣсколько времени въ неволѣ, гдѣ его въ изобиліи кормили рыбой, вслѣдствіе чего мясо и жиръ пріобрѣтаютъ особый рыбный привкусъ, въ особенности пріятный Гилякамъ. Къ тому же они могутъ въ этомъ случаѣ полакомиться вполнѣ безопасно и безнаказанно, такъ какъ умерщвленію медвѣдя предшествуетъ обыкновенно длин-

---

1) Въ оставшейся послѣ автора рукописи отсутствуетъ указатель содержанія этой главы.

2) См. мои измѣренія медвѣжьихъ череповъ въ I томѣ Reisen und Forschungen, стр. 8 и сл.

ный рядъ разнообразныхъ церемоній и обрядовъ, имѣющихъ исключительную цѣль умилостивить медвѣдя еще при жизни и примирить знаками почета и уваженія съ совершаемымъ надъ нимъ насиліемъ. Убивъ наконецъ дикаго и могучаго звѣря, устраиваютъ новый рядъ жертвоприношеній и обрядовъ, надѣясь укротить тѣмъ его разгнѣванный духъ и утолить въ немъ жажду мести.

Воздаяніе почестей медвѣдю начинается тотчасъ вслѣдъ за его поимкой. Когда звѣрь найденъ въ берлогѣ и послѣ счастливой борьбы крѣпко скованъ охотниками, его везутъ съ тріумфомъ домой на парѣ связанныхъ вмѣстѣ саней [1]). Тамъ на встрѣчу къ нему высыпаютъ съ радостными криками старый и малый. То-же повторяется и при возвращеніи изъ поѣздки на Сахалинъ Гиляка, который привозитъ въ своей лодкѣ купленнаго медвѣженка, а то и пару [2]). Въ гиляцкихъ деревняхъ почти всегда бываетъ готовое помѣщеніе для медвѣдя, если же такого нѣтъ, его сооружаютъ немедленно. Это помѣщеніе состоитъ изъ бревенчатаго, четырехугольнаго сруба, открытаго сверху, съ небольшой, заваленной снаружи дверью и небольшимъ постояннo открытымъ оконнымъ отверстіемъ. Втащивъ туда силою медвѣдя и развязавъ его, срубъ покрываютъ досками, наваливая на послѣдніе еще тяжелые камни, такъ что освободиться узнику нѣтъ никакой возможности. Съ этой минуты онъ переходитъ на попеченіе всей деревни, населеніе которой обязано ходить за нимъ и доставлять кормъ, пріобрѣтая тѣмъ право на участіе въ празднествахъ въ честь медвѣдя, оканчивающихся его смертью. Такимъ образомъ медвѣжій праздникъ въ полномъ смыслѣ этого слова—праздникъ коммунистическій. Онъ соединяетъ вмѣстѣ всѣхъ отдѣльныхъ членовъ деревни и представляетъ тѣмъ самымъ какъ бы центръ, около котораго обращается общественная и соціальная жизнь Гиляковъ. День праздника обыкновенно назначаетъ первоначальный владѣлецъ медвѣдя, т. е. тотъ, который его купилъ въ свое время или былъ иниціаторомъ облавы. Онъ-же является и руководителемъ пира, строго однако придерживаясь освященныхъ временемъ обычаевъ. Кромѣ главнаго лакомства—медвѣжьяго мяса тотъ же распорядитель пира пополняетъ праздничный столъ и другими кулинарными произведеніями во вкусѣ Гиляковъ. Заботясь о большей пышности, онъ созываетъ на пиръ не только своихъ родныхъ и односельчанъ, но и вообще всѣхъ родственниковъ, друзей и знакомыхъ, живущихъ въ сосѣднихъ деревняхъ, не исключая даже лицъ чужого племени. По окончаніи празднествъ медвѣжья шкура достается этому устроителю пира.

Кормленіе заключеннаго медвѣдя производится по строго установленному порядку. Пищу ему даютъ черезъ оконное отверстіе. Она состоитъ изъ рыбы, сырой и вяленой (юколы), *моси*—нѣчто въ родѣ густой похлебки или каши [3]), которая приготовляется изъ мелко накрошенной юколы или растертыхъ рыбьихъ шкурокъ съ тюленьимъ или рыбьимъ жиромъ, вмѣстѣ съ ягодами брусники или empetrum nigrum (по Сибирски—ссиха). Для питья лѣтомъ даютъ воду, а зимой ледъ или снѣгъ. Пищу и именно мось и воду ему подаютъ при

1) См. т. II, стр. 249.
2) См. т. II, стр. 297.
3) О приготовленіи послѣдней см. т. II, стр. 129.

помощи особой длинной ложки (по гил. *нихыръ*). Такая ложка изображена у насъ на таб. LI, фиг. 2. Время отъ времени, однако не часто, медвѣдя выводятъ изъ его тюрьмы, главнымъ образомъ, чтобы ее почистить. Для этого медвѣдя приходится снова связывать, какъ мнѣ самому пришлось увидѣть въ деревнѣ Чоми на Амурскомъ Лиманѣ. Спачала раздвигаютъ осторожно пару досокъ покрышки сруба, пакидываютъ медвѣдю петлю на шею и заковываютъ заднія ноги. Затѣмъ тюрьму раскрываютъ совершенно, и нѣсколько человѣкъ тащатъ медвѣдя въ юрту, откуда на время удаляютъ занимающій обыкновенно ея средину столъ, на которомъ кормятъ собакъ. Ременной петли вокругъ шеи однако недостаточно для обузданія взрослаго медвѣдя, и потому къ нему подскакиваетъ, широко разставивъ ноги, одинъ изъ Гиляковъ и, схвативъ за уши, пригибаетъ голову звѣря къ землѣ. Одновременно двое другихъ съ палками въ рукахъ прижимаютъ къ землѣ его переднія лапы. Наконецъ четвертый, вскакиваетъ звѣрю на спину, садится верхомъ и надѣваетъ ошейникъ, къ которому прикрѣплены справа и слѣва на подвижныхъ кольцахъ длинныя желѣзныя цѣпи и ремни. Затѣмъ медвѣдю расковываютъ заднія лапы, и привязываютъ его этими цѣпями и ремнями къ двумъ среднимъ столбамъ юрты однако такъ, чтобы онъ могъ свободно ложиться и вставать. Затѣмъ, чтобы нѣсколько успокоить раздраженнаго звѣря, ему даютъ кусочки юколы или тюленьяго жира. Прежде чѣмъ отвести медвѣдя въ вычищенную тюрьму, его нѣсколько разъ обводятъ по юртѣ кругомъ и только тогда водворяютъ въ собственное помѣщеніе.

Обычай держать медвѣдей въ неволѣ, вводить ихъ по временамъ въ свои дома и вообще умѣть обращаться съ ними вѣроятно и подалъ поводъ къ весьма распространенному въ Сибири разсказу, будто Гиляки умѣютъ укрощать этого дикаго звѣря и употребляютъ его для ѣзды какъ домашнее животное. Въ одномъ русскомъ сказаніи XVII вѣка объ Амурѣ («Сказаніе о великой рѣкѣ Амурѣ»), которое приводитъ Спасскій, говорится: «на большомъ островѣ (Сахалинѣ), лежащемъ противъ устья этой рѣки, живутъ гиляцкіе народы, которые держатъ въ своихъ деревняхъ отъ 500—1000 собакъ, ѣдятъ всевозможныхъ животныхъ и выкармливаютъ медвѣдей для работъ [2]). Самъ Спасскій отнесся сначала недовѣрчиво къ этому показанію, какъ по его необычайности, такъ и по недостатку какихъ нибудь подтвержденій. Но въ изданномъ имъ въ 1849 году сочиненіи «Списокъ съ чертежа Сибирскія земли» говорится уже категорически: «гилянскіе люди хлѣба не сѣютъ, питаются рыбою, а ѣздятъ на медвѣдяхъ». Та же самая легенда о томъ, что противъ устья рѣки Амура живетъ дикій народъ, называемый Гиляками, который держитъ для своихъ нуждъ много медвѣдей и собакъ, была извѣстно также и Витсену [3]). Наконецъ и Штраленбергъ [4]) говоритъ слѣдующее: «При устьѣ р. Амура живетъ народъ, который русскіе на-

---

1) Въ своей статьѣ «Свѣдѣнія Русск. о рѣкѣ Амурѣ въ XVII стол.» въ Вѣстн. Имп. Русск. Геогр. Общ., ч. VII, 1853 г. Отд. II (Изслѣд.), стр. 20.

2) Въ оригиналѣ это мѣсто будетъ такъ: «и медвѣдей кормятъ въ улусахъ для работы мирно».

3) Witsen, Noord—en Oost Tartarye, 1705, p. 884.

4) Das Nord und Ostliche Theil von Europa und Asia. Stockholm, 1730, p. 386, 387.

зываютъ Киляками; «якутскіе татары» разсказывали мнѣ, что эти люди укрощаютъ медвѣдей и пользуются ими такъ, какъ мы лошадьми [1]).

Срокъ заточенія медвѣдя мѣняется сообразно съ его возрастомъ. Взрослыхъ звѣрей держатъ въ неволѣ всего нѣсколько мѣсяцевъ, медвѣжатъ же и по нѣскольку лѣтъ, пока они не выростутъ. Когда у медвѣдя вслѣдствіе обильнаго питанія и недостатка въ движеніи образуется толстый слой жиру,—для него настаетъ минута разстаться съ жизнью при торжественной обстановкѣ. Медвѣжьи празднества у Гиляковъ устраиваются всегда зимою, такъ какъ въ это время года они живутъ (по крайней мѣрѣ Гиляки на материкѣ) въ просторныхъ жилищахъ китайскаго типа. Къ тому же зимою у нихъ всегда много свободнаго времени, которое они могутъ посвящать сборищамъ и увеселеніямъ, и, можетъ быть, этотъ то избытокъ времени и является главной причиной, почему они такъ охотно растягиваютъ свои пиршества. Большая часть медвѣжьихъ праздниковъ у материковыхъ Гиляковъ падаетъ на мѣсяцъ ань-лопгъ, т. е. на декабрь. Но это во всякомъ случаѣ не обязательно, такъ какъ праздникъ можно устроить также въ январѣ или въ февралѣ, а мнѣ даже пришлось быть на медвѣжьемъ праздникѣ у Ольчей, начавшемся только 22-го марта (3-го апрѣля). Правда это уже самый поздній срокъ, такъ какъ наступаетъ время приготовленій къ лѣтнимъ работамъ, а вскорѣ за тѣмъ въ апрѣлѣ или въ началѣ мая начинается и переѣздъ въ лѣтники. Назначеніе момента начала празднествъ иногда предоставляется шаману, но обыкновенно, какъ указывалось выше, владѣльцу медвѣдя и вмѣстѣ съ тѣмъ и хозяину пира. Въ зависимости отъ занятій послѣдняго праздничные дни бываютъ иногда раздѣлены болѣе или менѣе длинными промежутками. Благодаря этому, а также и большому количеству медвѣдей, которыхъ держатъ въ неволѣ Гиляки и Ольчи, праздники растягиваются надолго, и путешественникъ во время своихъ поѣздокъ натыкается то тутъ, то тамъ на отдѣльные моменты этихъ празднествъ. Но въ этихъ случаяхъ недовѣрчивые и подозрительные Гиляки всѣми силами стараются не допустить подъ разными предлогами чужого въ свои дома, какъ мнѣ пришлось самому испытать на Сахалинѣ.

Покончивъ съ предварительными болѣе общими замѣчаніями о медвѣжьемъ праздникѣ у Гиляковъ, я перехожу къ его подробному описанію. Въ началѣ 1856 года меня посѣтилъ въ Николаевскомъ Постѣ Гиляк'ъ Юдинъ изъ Тебаха, о которомъ я упоминалъ уже не разъ, извѣстный у своихъ соотечественниковъ, какъ неоднократно устраивавшій большія медвѣжьи празднества. Такъ какъ онъ былъ мнѣ многимъ обязанъ, то я попросилъ его доставить мнѣ какъ-нибудь случай видѣть одинъ изъ такихъ праздниковъ въ полномъ объемѣ съ самаго начала. Оказалось, что у самого Юдина черезъ нѣсколько дней долженъ былъ быть медвѣжій праздникъ, и онъ пріѣхалъ теперь въ чорбахъ — такъ называли Гиляки русскій постъ—за различными покупками, и я получилъ отъ него желаемое приглашеніе. Въ то время у меня гостилъ мой другъ и товарищъ по Академіи—Максимовичъ,—между

1) Витсенъ (l. c., p. 686) слышалъ эту басню отъ Юкагировъ въ т. н. «собачьей землѣ» въ Сибири, но самъ онъ придавалъ ей мало вѣры.

прочимъ хорошій рисовальщикъ, съ которымъ мы и рѣшили ѣхать въ Тебахъ 9-го (21-го) января. Переночевавъ въ Аллофѣ, мы на слѣдующій день около полудня пріѣхали въ Вайръ, гдѣ нашли слѣды бывшаго уже здѣсь медвѣжьяго праздника. Намъ невольно бросился въ глаза одинъ изъ домовъ, передъ поперечными стѣнами котораго стояло по обѣимъ сторонамъ по стройной, молодой ели съ ободранною корою и обрубленными вѣтвями, за исключеніемъ лишь небольшой тощей коронки на верху, поднимавшейся надъ конькомъ крыши. Отъ одного дерева къ другому была протянута черезъ крышу веревка съ подвѣшенными пучками кудрявыхъ стружекъ (по гил. *цахъ*). Вблизи входной двери стоялъ воткнутый въ снѣгъ шестъ съ еловой вѣточкой и пучкомъ стружекъ на вершинѣ. Луна сіяла полнымъ блескомъ, когда мы подъѣзжали къ дому Юдина въ Тебахѣ, изукрашенному такимъ же образомъ, какъ домъ въ Вайрѣ. Когда мы ѣхали еще только по длинному, крутому подъему на высокій берегъ, гдѣ лежитъ деревня Тебахъ, до насъ уже издали донеслись веселые клики, и мы увидѣли передъ домомъ Юдина шумную толпу Гиляковъ. Это была молодежь Тебаха вмѣстѣ съ гостями, приглашенными на праздникъ изъ сосѣднихъ деревень. Веселые и возбужденные они занимались играми, составляющими неизбѣжную принадлежность медвѣжьихъ празднествъ. Та игра, которую мы видѣли теперь, напомнила намъ одну изъ фигуръ нашей французской кадрили. Играющіе, взявшись за руки, составляютъ кругъ и вертятся быстро въ одну сторону, пока онъ гдѣ-нибудь не разорвется и не превратится изъ сомкнутаго кольца въ вытянутую линію. Тогда Гилякъ, очутившійся на одномъ изъ концовъ, пускается бѣгомъ, увлекая своихъ сосѣдей подъ приподнятыя руки двухъ танцоровъ противоположнаго конца. Послѣднему въ рядѣ остается только повернуться вокругъ самого себя, послѣ чего онъ мчится во главѣ всего ряда подъ руки двухъ крайнихъ танцоровъ противоположнаго конца и т. д. Игра продолжается безъ перерыва, пока кто-нибудь не поскользнется и не упадетъ, разорвавъ цѣпь. Благодаря скользкому снѣгу это повторялось довольно часто и всякій разъ сопровождалось взрывами громкаго смѣха. Рядомъ въ такомъ же кругу вертѣлись мальчики, подражая во всемъ старшимъ (см. таб. XI). Около играющихъ толпились женщины и маленькія дѣти. Всѣ они выражали свое одобреніе громкими возгласами, топали ногами или хлопали себя по одеждѣ.

По окончаніи игры къ намъ подошелъ Юдинъ и пригласилъ въ домъ. Толпа повалила за нами. Собачій столъ былъ убранъ и на его мѣстѣ мы увидѣли трехъ медвѣдей, крѣпко привязанныхъ къ двумъ среднимъ столбамъ юрты, а также къ колонкамъ, на которыхъ кладется верхняя столовая доска. Шею каждаго звѣря охватывалъ толстый, кожаный ошейникъ, другой такой же ремень шелъ вокругъ тѣла тотчасъ позади переднихъ ногъ и соединялся съ ошейникомъ посредствомъ ремня на спинѣ. Благодаря этому приспособленію ошейникъ не могъ соскользнуть у звѣря черезъ голову. Пространство, занятое ранѣе собачьимъ столомъ, было мало для трехъ медвѣдей, тѣмъ болѣе, что ихъ нельзя было привязать слишкомъ близко другъ къ другу. Поэтому, цѣпи, отъ ошейниковъ были натянуты довольно туго, однако не настолько, чтобы помѣшать животному ложиться, вставать и повертываться въ ту или другую сторону. Все это, естественно,

сильно стѣсняло движеніе въ юртѣ. Чтобы не попасть случайно въ лапы медвѣдямъ, приходилось держаться какъ можно ближе паръ.

Изъ трехъ звѣрей только два—крупная медвѣдица и небольшой, но вполнѣ взрослый, семилѣтній медвѣдь принадлежали Юдину, который купилъ ихъ въ Чильви и въ Дуре—двухъдеревняхъ, наполовину населенныхъ Ольчами. Третій медвѣдь средней величины былъ доставленъ изъ Калма и составлялъ собственность другого Гиляка также изъ Тебаха. Различныя по величинѣ животныя различались и по цвѣту: меньшій медвѣдь былъ свѣтло-бураго цвѣта, самый большой—темнобураго, а средній—почти чернаго. Большой медвѣдь кромѣ своего роста отличался отъ другихъ еще свѣтлымъ пятномъ на шеѣ, впрочемъ не настолько большимъ и бѣлымъ, чтобы дать ему существующее у Гиляковъ названіе *молкъ*—«медвѣдь съ воротникомъ» или манишкой. Наконецъ и поведеніе медвѣдей, въ особенности способъ защищаться отъ нападеній, какъ мы сейчасъ увидимъ, у каждаго изъ нихъ были совершенно различны.

Какъ только мы усѣлись въ юртѣ, на однихъ изъ паръ, толпа, вошедшая вмѣстѣ съ нами, не смотря на тѣсноту, немедленно затѣяла новую игру. Это была та самая, которую я уже видѣлъ у Гольдовъ, и которая заключалась въ прыганьѣ черезъ раскачиваемую за концы веревку. Гиляки называютъ эту игру *тык-тыкъ* [1]), а самое дѣйствіе *тыкырчъ*. Впрочемъ, эта игра продолжалась недолго, и Гиляки оказались въ ней далеко не такъ искусны, какъ Гольды. Но она, очевидно, входила въ программу увеселеній и, судя по шуму, крику и смѣху зрителей, очень имъ нравилась. Никогда въ другое время я не видалъ ея у Гиляковъ, да и то обстоятельство, что они запялись ею въ тѣсномъ, душномъ помѣщеніи юрты, вмѣсто того чтобы остаться на открытомъ воздухѣ, гдѣ при лунномъ освѣщеніи и самая игра могла идти свободнѣе, и зрителямъ было бы несравненно удобное, указываетъ, что все это вѣроятно было устроено въ честь медвѣдей въ юртѣ. Потому же должно-быть игра и продолжалась такъ недолго. Тотчасъ же послѣ этой игры звѣрей начали угощать мосью, которую имъ давали лакать изъ ложекъ съ длинными рукоятками (*нихыръ*).

Затѣмъ началось главное дѣйствіе праздника — хожденіе съ медвѣдями по юртамъ. Первымъ вели самаго маленькаго медвѣдя, за нимъ слѣдовалъ самый большой, и наконецъ послѣднимъ средній. Порядокъ этотъ строго соблюдался все время и обусловливался неравнымъ участіемъ двухъ собственниковъ медвѣдей въ устройствѣ праздника. Юдину принадлежали два звѣря, и потому онъ былъ главнымъ хозяиномъ пира. Итакъ первымъ повели малаго медвѣдя. Веревки, удерживавшія его у столбовъ, были отвязаны, и за каждый конецъ взялось по нѣскольку Гиляковъ. Двое изъ нихъ, ближайшіе къ медвѣдю, вывернули свои шубы на изнанку и надѣли ихъ шерстью кверху. Затѣмъ они обвязали какъ можно туже и глаже вокругъ тѣла свои передники изъ тюленьей шкуры (*коська*) такъ, чтобы медвѣдь не могъ за что-нибудь зацѣпиться своими когтями. Чтобы дразнить медвѣдя, въ

1) *Тыкъ* — значитъ веревка.

рукахъ у нихъ было по короткой палкѣ. Тотъ изъ нихъ, который былъ всего ближе къ звѣрю, подскакиваетъ къ нему спереди, широко разставивъ ноги и расправивъ грудь, и начинаетъ дразнить его своей палкой. Разъяренное животное съ ревомъ бросается впередъ и, поднявшись на заднія лапы, передними старается схватить противника. Но тотъ быстро отскакиваетъ, а Гиляки, въ рукахъ которыхъ этотъ конецъ веревки, дѣлаютъ шагъ къ двери и тянутъ за собой медвѣдя. Такъ повторяется разъ за разомъ. Напрасно старается медвѣдь зацѣпить своего противника; его лапы всякій разъ соскальзываютъ по гладкой поверхности *коськи*. Тѣмъ временемъ и другіе Гиляки подгоняютъ звѣря палками и шестами. Но вотъ животному удается вцѣпиться лапой въ шубу Гиляка, такъ что положеніе становится критическимъ. Тогда на выручку является Гилякъ, стоящій тотчасъ за медвѣдемъ, онъ бьетъ звѣря палкой сзади, тотъ, конечно, оборачивается, бросаетъ схваченнаго было имъ противника и кидается на поваго. Одновременно медвѣдя изо всѣхъ силъ оттягиваютъ за заднюю веревку назадъ. Съ страшнымъ ревомъ раздраженнаго медвѣдя, которому вторятъ его товарищи, дикими криками вожаковъ и зрителей толпа движется то взадъ, то впередъ, подвигаясь тѣмъ не менѣе постепенно къ выходу. Жировыя лампочки слишкомъ тускло освѣщаютъ громадную съ мрачными закоптѣлыми бревнами юрту, между тѣмъ какъ людямъ, занятымъ около медвѣдя, необходимо зорко слѣдить за его движеніями. Поэтому нѣсколько мальчишекъ взбираются на нары съ импровизированными факелами изъ свернутой въ трубку бересты. Дикая сцена то освѣщается яркимъ пламенемъ, то погружается въ прежній мракъ, когда пламя замираетъ, наполняя юрту только удушливымъ дымомъ. Зрѣлище по истинѣ поразительное (см. таб. XLVII).

Тѣмъ же порядкомъ, какъ перваго, изъ юрты вывели и двухъ другихъ медвѣдей. Первый, однако, былъ самымъ упрямымъ и свирѣпымъ. Гиляки приписывали это тому, что при поимкѣ ему сломали ногу, отчего онъ все еще хромалъ. Интересно было видѣть, какъ различно каждый медвѣдь выражалъ свою обиду, и какъ различались ихъ способы защиты. Самый крупный и самый маленькій поднимались на заднія лапы, стараясь схватить передними своего врага. Средній по величинѣ велъ себя совсѣмъ иначе. Онъ не вставалъ на заднія лапы, но закрывалъ голову передними отъ сыпавшихся на нее ударовъ, стараясь въ то же время схватить своихъ обидчиковъ за ноги, а иногда опрокидывался на спину и отражалъ лапами удары лежа на спинѣ. Только онъ одинъ пытался рыть когтями плотно убитый земляной полъ юрты, въ чемъ ему впрочемъ всякій разъ мѣшали Гиляки.

Шествію предстояло обойти всѣ семь юртъ Тебаха. Въ каждой изъ нихъ медвѣдей выставляли все въ томъ же порядкѣ—большого по срединѣ, двухъ другихъ по сторонамъ и какъ желанныхъ гостей всюду угощали въ знакъ почета мосью изъ длинныхъ ложекъ (по гил. *нихыръ*). Всѣ эти церемоніи затянулись до поздней ночи, такъ что медвѣди остались почевать въ одной изъ юртъ, и лишь на слѣдующее утро (11-го янв.) оба, принадлежавшіе Юдину, были снова приведены въ его юрту, гдѣ ихъ по прежнему привязали на старое мѣсто.

Въ это время было уже пора кормить собакъ, которыхъ набралось очень много благо-

даря съѣзду гостей. Кормить было должно, какъ всегда, внутри жилья, но на этотъ разъ за отсутствіемъ собачьяго стола пришлось устроить слѣдующее приспособленіе. Въ отверстіе у одного изъ среднихъ столбовъ, между которыми былъ привязанъ большой медвѣдь, просунули длинную жердь и прикрѣпили ея концы къ двумъ боковымъ ножкамъ отъ отсутствующаго собачьяго стола. Къ жерди привязали собакъ, сильно возбужденныхъ присутствіемъ медвѣдей, а передъ собаками положили доску, на которой стояли корытца съ дымящейся рыбной похлебкой. Кормили на этотъ разъ съ особой заботливостью, такъ какъ на слѣдующій день были назначены бѣга на собакахъ. Юдинъ много хлопоталъ и старался сдѣлать все какъ можно лучше для своихъ гостей.

Послѣ кормежки собакъ жердь и доску убрали, а медвѣдей снова начали выводить изъ юрты и приводить обратно, но для чего это дѣлалось, я такъ и не могъ уяснить. Меньшій медвѣдь былъ отведенъ въ другую юрту; большого же четыре раза подрядъ выводили за дверь и черезъ нѣсколько минутъ приводили обратно. Вслѣдствіе ли этихъ безконечныхъ странствованій или отъ какой-нибудь другой причины, но только ошейникъ на животномъ ослабъ, и Гиляки сочли нужнымъ укрѣплять его еще нѣсколькими ремнями и веревками. При этомъ они обнаружили такую смѣлость и ловкость, такую привычку обращаться съ медвѣдями, что я не могъ на нихъ достаточно надивиться. Это, конечно, еще труднѣе и сложнѣе, чѣмъ надѣваніе ошейника и пояса на медвѣдя въ его темницѣ, когда заднія ноги животнаго крѣпко связаны. Теперь же медвѣдь могъ свободно распоряжаться своими лапами и зубами. Выждавъ время, когда звѣря увели изъ юрты, приготовили всѣ нужныя для предстоящей операціи ремни и веревки. Затѣмъ воспользовавшись минутой, когда страшный звѣрь поднялся на заднія ноги, одинъ Гилякъ бросается къ нему спереди и изо всѣхъ силъ стискиваетъ шею руками. Въ тотъ же самый моментъ другой связываетъ морду. Одновременно нѣсколько Гиляковъ кидаются на звѣря сзади, опутываютъ ему петлями заднія ноги, оттягиваютъ ихъ назадъ и крѣпко держатъ, прижимая къ землѣ. Медвѣдь падаетъ на переднія лапы, но и ихъ моментально притискиваютъ жердью къ землѣ и также опутываютъ веревками. Благодаря такому быстрому и единодушному образу дѣйствій медвѣдь во мгновеніе ока оказывается совершенно обезоруженнымъ. Тогда уже безъ всякаго труда и опасности укрѣпляютъ ошейникъ новыми веревками. Окончивъ все это, Гиляки разомъ отскакиваютъ отъ медвѣдя и въ одинъ мигъ распускаютъ всѣ узлы и петли, которыми они съ такимъ искусствомъ опутали его лапы и морду. Медвѣдь, усиленно съ громкимъ ревомъ отряхиваясь, снова оказывается привязаннымъ только за цѣпи, прикрѣпленныя къ ошейнику и поясу у переднихъ ногъ. Теперь его снова привели въ юрту, угостили вмѣстѣ съ другимъ кусочками льда съ брусникой и опять повели обоихъ по юртамъ, при чемъ большой медвѣдь былъ предварительно еще дважды выведенъ и введенъ въ юрту Юдина.

Какъ только медвѣдей увели прочь, молодые Гиляки начали носить въ домъ ольховыя и рябиновыя палки разной величины, складывая ихъ въ кучу на мѣстѣ, гдѣ передъ этимъ были медвѣди. Всѣ, у кого оказался въ рукахъ ножъ, за исключеніемъ женщинъ и дѣву-

шекъ принялись стругать эти палки, чтобы приготовить изъ нихъ такъ называемый *наувзъ*. Для этого палки стругались—нѣкоторыя только съ одного конца, другія съ обоихъ, а третьи, наконецъ, и посрединѣ, но такъ, чтобы тонкія стружки не удалялись совсѣмъ прочь съ палки, а оставались на ней въ видѣ разнообразныхъ и довольно красивыхъ завитковъ, образуя такъ называемый *цахъ*, о которомъ мы упоминали уже много разъ. Эта неизбѣжная принадлежность при совершеніи Гиляками тѣхъ религіозныхъ обрядовъ, которые связаны у нихъ со страхомъ передъ дурнымъ вліяніемъ злыхъ духовъ, напримѣръ, при жертвоприношеніяхъ на рѣкѣ [1]), при усмиреніи бури [2]) и т. д., не могла, само собою разумѣется, отсутствовать и на медвѣжьемъ празднествѣ. И дѣйствительно мы видимъ, что *цахъ* красуется надъ крышей дома, гдѣ совершается праздникъ и идетъ служеніе культу медвѣдя. Далѣе мы увидимъ еще лучше, какую важную роль играетъ *цахъ* въ общемъ ходѣ медвѣжьихъ празднествъ. Надѣлавъ изъ принесенныхъ палокъ *наувзъ*, ихъ вынесли изъ дома, т. к. все это было нужно только на слѣдующій день. Тѣмъ временемъ женщины приготовили новый запасъ *моси*, прибавивъ къ ней теперь размельченной хвои ели (*Picea ajanensis* Fisch., по гил. *твискъ*), что заняло ихъ до вечера.

Медвѣдей же все время водили по домамъ. Кажется, что эта часть празднества доставляетъ особенное удовольствіе Гилякамъ и совершенно не можетъ имъ надоѣсть. Самыя маленькія случайности, возникающія при этомъ, служатъ для нихъ предметомъ неистощимыхъ толковъ и возбуждаютъ въ нихъ такой же интересъ, какъ напримѣръ у другихъ народовъ, борьба или танцы подъ звуки веселой музыки, которую тутъ замѣняетъ ревъ медвѣдей. Каждый можетъ найти случай выказать здѣсь свою ловкость, неустрашимость, присутствіе духа. Чѣмъ ближе подпускаетъ онъ къ себѣ разъяренное животное, чѣмъ бо̀льшей опасности подвергаетъ себя, тѣмъ громче толпа выражаетъ ему свое одобреніе, тѣмъ большую пріобрѣтаетъ онъ себѣ славу и почетъ. Малѣйшія подробности подмѣчаются, схватываются на лету, служа потомъ темой оживленныхъ споровъ. Слушая оживленные разговоры этихъ людей, трудно узнать въ нихъ серьезныхъ, сдержанныхъ, осторожныхъ и бо̀льшею частью скупыхъ на слова Гиляковъ. Подъ вечеръ медвѣдя средней величины еще разъ привели къ Юдину, но ночевали въ юртѣ опять-таки только звѣри, принадлежащіе нашему хозяину. И люди и животныя устали достаточно, чтобы не почувствовать необходимости въ отдыхѣ, и ночь прошла спокойнѣе, чѣмъ можно было ожидать отъ сообщества съ двумя медвѣдями.

На утро 12 января я былъ разбуженъ громкимъ ревомъ медвѣдей, которыхъ снова начали водить взадъ и впередъ—изъ юрты и обратно. Сначала увели нашихъ ночныхъ товарищей, а назадъ вмѣстѣ съ ними привели и третьяго медвѣдя. Здѣсь ихъ опять помѣстили на прежнихъ мѣстахъ въ томъ же самомъ порядкѣ, какъ въ началѣ и покормили съ трехъ ложекъ мосью, приготовленной наканунѣ, которую ѣли также и люди. Затѣмъ чужого медвѣдя увели снова, и въ юртѣ остались только оба свои. Теперь приступили къ подготовленію

---

1) См. т. II, стр. 205—206.

2) См. выше стр. 40.

мѣста, гдѣ на слѣдующій день медвѣди должны были быть убиты, ободраны и раздѣлены на части. Для этого вблизи дома отгородили небольшую, продолговатую, четырехугольную площадку, обставивъ ее приготовленными уже съ вечера палками (*наувзъ*). Посреди огороженнаго мѣста, вдоль его въ четырехъ мѣстахъ вколотили въ землю на разстояніи саженн другъ отъ друга по парѣ толстыхъ столбовъ съ заостренными головками на верхнемъ концѣ. Столбы эти были далеко не новы и очевидно уже не разъ служили для той же цѣли. Ихъ также окружили палками со стружками. На длинной сторонѣ четырехугольника, обнесеннаго *наувзами* (по гил. *кадхра*), передъ столбами было оставлено открытымъ мѣсто для входа, противъ котораго на четырехъ вкопанныхъ въ землю столбахъ стояла небольшая, невысокая постройка (по гил. *лэзнгъ*), сколоченная изъ досокъ въ видѣ большого ящика. Съ задней стороны этотъ ящикъ былъ закрытъ, но сторона, повернутая къ столбамъ, оставалась открытой, если не считать двухъ горизонтальныхъ жердей, изъ которыхъ одна поддерживала крышу, а другая дѣлила отверстіе этого ящика на двѣ почти равныя части. Путь отъ дома Юдина на эту площадку былъ также обозначенъ нѣсколькими палками со стружками.

Тѣмъ временемъ въ домѣ шла кормежка собакъ по тому же способу, какъ и наканунѣ, съ тою, однако, разницею, что тѣ изъ нихъ, которымъ предстояло черезъ часъ участвовать въ бѣгѣ, не получили ничего. Этихъ собакъ можно было покормить лишь только послѣ бѣга, а пока имъ приходилось смотрѣть, какъ ѣдятъ другія. Затѣмъ, всѣ направились къ рѣкѣ, гдѣ для бѣга очистили на льду отъ снѣга пространство версты двѣ длиною и около двухъ саженей шириною, выравнявъ также нѣсколько поверхность льда. Здѣсь стояло двое саней, изъ которыхъ одни были запряжены 14-ью, а другія 10-ью собаками; на трехъ передовыхъ собакахъ были надѣты парадные маньчжурскіе ошейники (*рюскъ*) [1]). Передъ запряженными санями держали на длинныхъ ремняхъ еще пару собакъ. Многочисленные зрители расположились на снѣжномъ валу по обѣ стороны ристалища. Прежде всего спустили съ привязи обѣихъ незапряженныхъ собакъ, которыя тащили за собой длинные ремни съ привязанными къ нимъ лисьими или просто собачьими хвостами. Съ этимъ легкимъ грузомъ собаки стрѣлой промчались по льду и взлетѣли на гору — прямо къ дому, гдѣ ихъ поймали женщины и дѣти. Собаки эти, въ особенности одна, носившая у Гиляковъ названіе *кылâ* или *кылâ-канъ*, отличались необыкновенно быстрымъ бѣгомъ, чѣмъ сильно гордился ихъ хозяинъ Юдинъ, который говорилъ, что кромѣ него во всемъ Амурскомъ краѣ только два или три человѣка имѣютъ такихъ собакъ, и онъ могъ даже назвать этихъ лицъ по именамъ. Отличаются-ли эти собаки (*кылâ-канъ*) кромѣ скораго бѣга еще и чѣмъ-нибудь другимъ— я не знаю. Собакамъ, запряженнымъ въ сани, побѣда досталась труднѣе. Правда, въ саняхъ не лежало ничего кромѣ пары заткнутыхъ въ циновку тормазныхъ палокъ, но зато во время самаго бѣга имъ приходилось бороться съ разными препятствіями. Въ то время какъ собаки мчатся во весь махъ по ристалищу, кто-нибудь изъ зрителей стоящихъ на

1) См. т. II, стр. 173 и рисунокъ, а также таб. XXXVI, фиг. 4 и 5.

валу, кидается къ санямъ, стараясь вскочить на нихъ на полномъ ходу и выхвативъ тормазныя палки, забрать собакъ въ свои руки, что, конечно, удается не сразу. Не удается первому, пытаетъ счастія другой, третій. Наконецъ одинъ Гилякъ, бросившись на сани, удержался на нихъ и тогда, когда онѣ перевернулись два или три раза, и, усѣвшись послѣ большихъ усилій верхомъ, схватилъ тормазныя палки и съ торжествомъ въѣхалъ на гору. Во все время бѣга женщины стучали изо всей силы палками и колотушками по бревну, подвѣшенному близъ дома на особой подставкѣ. Чтобы получить нѣкоторое подобіе барабаннаго боя, нужно бить палками извѣстнымъ образомъ и съ извѣстной сноровкой. Каждая изъ женщинъ беретъ по двѣ палки или одинаковыхъ, или различныхъ. Она ударяетъ ими два — три раза по бревну одновременно, или по очереди, затѣмъ палкой о палку, снова по бревну и т. д. съ разной скоростью и съ разной силой, смотря по обстоятельствамъ. (См. таб. XLVIII). Когда всѣ собаки прибѣжали назадъ, женщины кормятъ ихъ въ юртѣ. Тѣмъ временемъ мужчины, собравшись въ кружокъ, оживленно толкуютъ о бѣгѣ, разбирая въ деталяхъ достоинства собакъ, восхваляя однѣхъ, браня другихъ. Главное же ихъ вниманіе обращено на земляковъ, участвовавшихъ въ бѣгѣ. Они восхищаются смѣлостью и ловкостью однихъ или насмѣхаются надъ неудачными попытками другихъ. Изъ этого слѣдуетъ, что собачьи бѣга у Гиляковъ устраиваются не только для испытанія рѣзвости собакъ, но и для того, чтобы и людямъ доставить случай выказать свою силу, ловкость, умѣніе и т. п. То же самое, впрочемъ, относится ко всѣмъ другимъ играмъ и увеселеніямъ, сопровождающимъ у Гиляковъ медвѣжьи празднества.

Послѣ бѣговъ Гиляки снова вернулись къ прерванному занятію и снова начали водить медвѣдей по деревнѣ опять въ томъ же порядкѣ, какъ наканунѣ, т. ч. напримѣръ, большой медвѣдь покидалъ домъ Юдина не иначе, какъ выйдя четыре раза за дверь юрты и столько же разъ возвратившись обратно. Животныхъ снова угощали въ каждомъ домѣ мосью и кусочками льда, и то же самое ожидало ихъ и по возвращеніи въ домъ нашего хозяина. Гилякамъ особенно пріятно, если въ кормленіи медвѣдей принимаютъ участіе ихъ маленькіе сыновья. Дѣти храбро подходятъ къ звѣрю и подаютъ ему мось на ложкѣ, которую иногда держатъ нѣсколько паръ маленькихъ ручекъ. Иногда крошка еще плохо стоитъ на ногахъ и не можетъ даже приподнять ложки; тогда отецъ или старшій братъ берутъ его на руки и помогаютъ подать угощеніе медвѣдю. Можетъ быть, тутъ имѣются въ виду воспитательныя цѣли. Вѣроятнѣе же, что это дѣлается благодаря суевѣрному повѣрью, такъ какъ родители думаютъ, что дѣти, покормивъ медвѣдя пріобрѣтаютъ на всю жизнь расположеніе этого звѣря. Когда медвѣдей выводятъ изъ юрты, дѣти, воспользовавшись очистившимся мѣстомъ, начинаютъ здѣсь рѣзвиться, показывать, какъ водятъ медвѣдя, какъ накладываютъ на него и снимаютъ путы и т. п. Во всемъ этомъ они съ удивительной точностью подражаютъ старшимъ, не забывая ни одного движенія, ни одной позы. Такимъ образомъ Гиляки учатся обращаться съ медвѣдемъ значительно ранѣе, чѣмъ они будутъ въ состояніи къ нему подступиться.

Вечеромъ медвѣдей повели при лунномъ свѣтѣ изъ деревни по льду рѣки вокругъ Те-

бахскаго мыса. Къ шествію, кромѣ трехъ животныхъ съ ихъ вожаками, строго соблюдавшими прежній порядокъ, присоединилось много мальчиковъ. Высокій берегъ здѣсь круто спускается къ рѣкѣ, и мы съ живымъ интересомъ слѣдили за движеніемъ процессіи, въ которой не замѣчалось ни малѣйшаго замѣшательства, несмотря на всѣ трудности пути. Между тѣмъ было совсѣмъ не легко спустить медвѣдей на рѣку. Вожакамъ у передней веревки приходилось стремглавъ бѣжать внизъ по гладкой горѣ, въ то время какъ тѣ, которые держали звѣрей за заднюю веревку, изо всѣхъ силъ тянули ее къ себѣ, чтобы задержать медвѣдя на крутомъ склонѣ и не дать скатиться внизъ, гдѣ онъ могъ бы надѣлать много бѣдъ. Общими усиліями однако удалось спустить благополучно всѣхъ трехъ медвѣдей. Зато обратный путь былъ гораздо легче, такъ какъ медвѣдь, какъ на буксирѣ, тянулъ вверхъ своихъ вожатыхъ. Все это время женщины безъ устали барабанили по бревну, а молодежь, воспользовавшись короткой паузой, снова принялась за прежнія игры. Начались описанные уже выше хороводы, состязанія на пари въ прыганьѣ на одной и на обѣихъ ногахъ, что мнѣ пришлось уже ранѣе видать у Гольдовъ. Но это продолжалось недолго, и Гиляки не замедлили вернуться къ своему любимому занятію во время этихъ празднествъ, а именно опять начали водить медвѣдей по юртамъ, что продолжалось до поздней ночи. Въ эту послѣднюю для медвѣдей ночь никто не могъ спать: мужчины продолжали водить и кормить медвѣдей, а женщины занимались приготовленіями кушаній къ предстоящему на слѣдующій день праздничному пиру. Скажемъ кстати нѣсколько словъ и о этихъ кушаньяхъ.

Говоря о пищѣ амурскихъ инородцевъ [1]), мы уже упоминали, что на медвѣжьихъ празднествахъ идутъ въ дѣло по преимуществу растительные продукты — овощи и хлѣбныя растенія маньчжуро-китайскаго, японскаго и русскаго происхожденія. Это, впрочемъ, относится только къ большому пиру, предшествующему умерщвленію медвѣдя, да еще къ тому, который слѣдуетъ тотчасъ за тѣмъ, когда прибавляется и медвѣжье мясо. Это, такъ сказать, два оффиціальныхъ пира, которые однако повторяются съ большей или меньшей пышностью почти во всѣхъ юртахъ деревни, устроившей медвѣжій праздникъ. Помимо же того во все время празднествъ Гиляки не перестаютъ питаться и своей обычной рыбной пищей. Только теперь они ѣдятъ ее не такъ регулярно какъ въ обычное время, а въ промежуткахъ между процессіями или просто по желанію отдѣльнаго лица. При большомъ числѣ гостей рыба поглощается въ огромныхъ количествахъ, и я прямо не могъ надивиться тому, въ какихъ массахъ исчезали въ домѣ Юдина осетры и бѣлуги нерѣдко колоссальныхъ размѣровъ, не говоря уже о юколѣ. Не мудрено, значитъ, если во время этихъ празднествъ, а особенно въ ночь наканунѣ умерщвленія медвѣдя, на долю женщинъ выпадаетъ немало хлопотъ, такъ какъ въ числѣ гиляцкихъ яствъ нѣкоторыя отличаются большою сложностью приготовленія [2]). Кушанья эти постоянно готовятъ на очагѣ у поперечной стѣны юрты. Расположенный прямо противъ мѣста, гдѣ привязаны медвѣди, очагъ этотъ по-

1) См. т. II, стр. 132. 2) См. т. II, стр. 133.

стоянно у нихъ на глазахъ, почему я и назову его медвѣжьимъ. На немъ же и нигдѣ болѣе женщины жгутъ какъ въ эту ночь, такъ и вообще во все время празднествъ, свѣжія еловыя иглы (отъ Picea ajanensis, по гил. *твиски*). Вѣроятно, это также дѣлается въ честь медвѣдя или входитъ въ число приносимыхъ ему жертвъ. Запахъ жженыхъ иголъ не только наполняетъ юрты, но и разносится на далекое пространство вокругъ, какъ бы возвѣщая о происходящихъ здѣсь торжествахъ.

Наконецъ 13-го января около 6 часовъ утра медвѣдей въ послѣдній разъ обвели по деревнѣ и затѣмъ привели на мѣсто (*кадхра*), гдѣ имъ предстояло быть убитыми. Здѣсь животныхъ крѣпко привязали между столбами каждаго на свое мѣсто все въ томъ же неизмѣнномъ порядкѣ. Самый маленькій — передній медвѣдь былъ привязанъ всего ближе къ постройкѣ (*лэзнгэ*) въ глубинѣ *кадхры*, самый большой въ серединѣ *кадхры*, и наконецъ средній — у самаго входа. Затѣмъ всѣ вернулись въ домъ Юдина, гдѣ женщины тѣмъ временемъ разставили на полу, на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ передъ тѣмъ были привязаны медвѣди, изготовленныя ими кушанья въ корытцахъ, круглыхъ деревянныхъ чашкахъ и четырехугольныхъ берестяныхъ буракахъ. Гости, приглашенные къ обѣду, расположились преимущественно на нарахъ у поперечной стѣны юрты, какъ разъ противъ медвѣжьяго очага, гдѣ, очевидно, для настоящаго случая было почетное мѣсто, хотя тамъ и не было такъ свѣтло и тепло, какъ на продольныхъ нарахъ по сосѣдству съ другимъ очагомъ, гдѣ сѣли хозяева и кое-кто изъ гостей. Все преимущество первыхъ паръ заключалось лишь въ томъ, что онѣ были ближе къ мѣсту, гдѣ передъ тѣмъ были привязаны медвѣди и такимъ образомъ какъ бы находились у нихъ постоянно на виду. Зато, какъ намъ сообщилъ Юдинъ, на этихъ нарахъ приходилось соблюдать значительно болѣе *учтей*, чѣмъ вообще въ домѣ. Такъ, напримѣръ, когда мы, сидя на нихъ, вздумали занести въ наши записныя книжки кое-какіе замѣтки и рисунки, къ намъ тотчасъ подошелъ хозяинъ и вѣжливо попросилъ перейти на одинъ изъ продольныхъ наръ, «такъ какъ иначе насъ могъ бы замѣтить здѣсь медвѣдь и чего добраго обидѣться на наши занятія». Гости, поджавъ крестообразно ноги, разсѣлись по нарамъ въ два ряда: болѣе старые и почетные позади вдоль стѣнъ, а молодые — по краямъ паръ. Между обоими рядами оставалось пустое пространство, гдѣ безпрепятственно двигались блюда съ яствами. Кушанья поднимались съ полу на лавки съ лѣвой стороны, совершали свой путь по нимъ и принимались обратно справа. Лишь только одно блюдо нѣсколько передвигалось отъ края, тотчасъ слѣдовало другое, третье и т. д. Кушаній однако было менѣе, чѣмъ сосудовъ, такъ какъ многія изъ нихъ подавались по нѣсколько разъ. Страннымъ образомъ самъ хозяинъ не принималъ участія въ пирѣ, равно какъ и всѣ его родственники со стороны отца (*нгафки*), родственники же его со стороны матери (*амали* или *армали*) угощались вмѣстѣ съ друзьями и знакомыми. Судя по множеству блюдъ, безъ устали сновавшихъ взадъ и впередъ, обѣдъ, данный Юдинымъ, былъ изъ роскошныхъ, но тѣмъ не менѣе большинство гостей, вставъ изъ-за стола, отправилось по другимъ домамъ, гдѣ ихъ ожидало новое угощеніе — и такъ безъ конца. Благодаря этому и нгафки различныхъ хозяевъ въ концѣ концовъ также не остались въ убыткѣ.

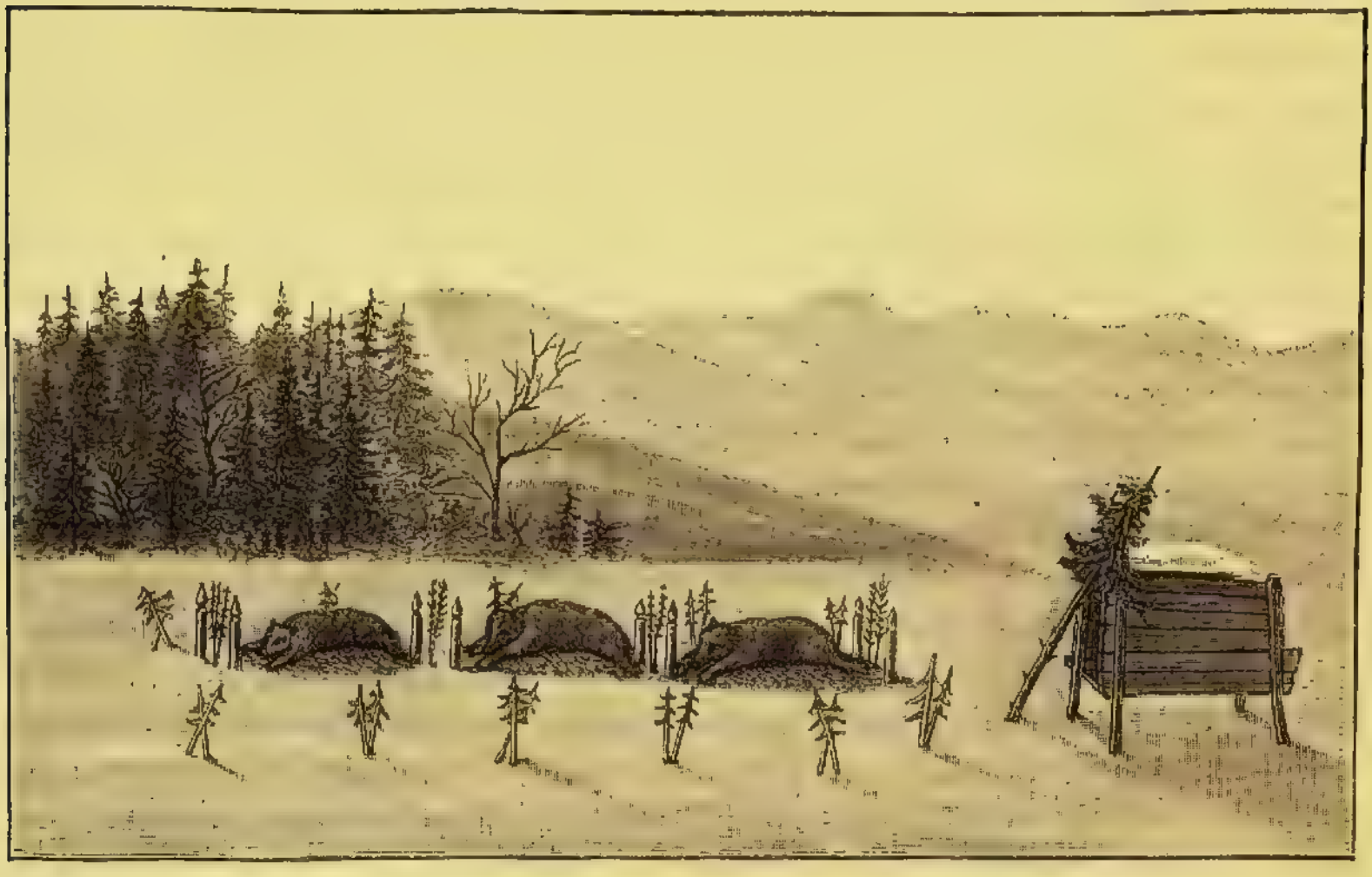
Но не всѣ гости Юдина ушли однако на новые пиры. Молодые люди, всю ночь водившіе медвѣдей, сильно устали и теперь пользовались минутой относительнаго затишья, чтобы подкрѣпиться сномъ. Недолго однако длился ихъ покой. Женщины начали день, какъ всегда, кормежкою собакъ, а затѣмъ снова принялись барабанить по бревну, такъ какъ повторилась часть вчерашнихъ собачьихъ бѣговъ—именно бѣгъ двухъ свободныхъ собакъ. Вслѣдъ затѣмъ послѣ легкаго завтрака изъ остатковъ вчерашняго обѣда начали готовиться къ главному дѣйствію въ программѣ празднествъ наступающаго дня.

Изо всѣхъ домовъ началъ собираться народъ къ мѣсту, гдѣ находились привязанные къ столбамъ медвѣди. Трое Гиляковъ несли въ рукахъ своеобразные значки, сдѣланные изъ небольшихъ, стройныхъ елокъ (*Picea ajanensis*), вѣтви которыхъ были обрублены за исключеніемъ верхушки, гдѣ онѣ были связаны вмѣстѣ въ пучекъ. Кромѣ того верхушки двухъ деревьевъ были обвиты тѣмъ боа (по гил. *толпъ*) изъ бѣличьихъ хвостовъ, какое Гиляки обыкновенно носятъ вокругъ шеи. На третьей же елкѣ вмѣсто бѣличьяго боа вился лисій хвостъ. Вмѣстѣ съ этими Гиляками шелъ четвертый, насколько я могъ видѣть, съ простою, длинною палкою, которую онъ однако несъ, поднявъ высоко кверху какъ знамя. Когда вокругъ медвѣдей собралась толпа, три человѣка со значками вошли за ограду *кадхры*, обошли нѣсколько разъ вокругъ медвѣдей, начиная свой обходъ въ ту и другую сторону всегда отъ дорожки, идущей въ кадхру, и наконецъ воткнули въ землю по значку передъ каждымъ звѣремъ, что было какъ бы сигналомъ, послѣ котораго медвѣдей отвязали отъ столбовъ и вывели изъ *кадхры*.

Но, прежде чѣмъ идти далѣе, нужно было удостовѣриться, въ порядкѣ-ли на медвѣдяхъ ихъ ошейники и пояса. На большомъ звѣрѣ ихъ поправили еще наканунѣ. У средняго все также оказалось въ надлежащемъ видѣ. Но путы на маломъ медвѣдѣ, самомъ свирѣпомъ и упрямомъ, сильно нуждались въ исправленіи. За это опасное дѣло взялся единственный сынъ Юдина, Хузизинъ — молодой и сильный парень, который съ неизмѣннымъ удовольствіемъ цѣлый день возился съ медвѣдями. Еще наканунѣ ему удалось блестящимъ образомъ выказать свою удаль, когда большой медвѣдь, котораго выводили изъ юрты, такъ крѣпко схватилъ лапами Гиляка, дразнившаго его спереди, что притянулъ его къ себѣ. Въ эту то минуту и явился на выручку Хузизинъ, который стоялъ тотчасъ позади медвѣдя. При видѣ опасности онъ быстро перескочилъ звѣрю черезъ голову и очутился прямо передъ самой мордой разъяреннаго медвѣдя. Пораженное неожиданностью животное выпустило изъ когтей свою добычу и съ еще большею яростью кинулось на новаго врага, но къ счастью безуспѣшно. Теперь же, чтобы удобнѣе справиться съ медвѣдемъ, Хузизинъ надѣлъ сначала свою собачью шубу, вывернувъ ее на изнанку, шерстью внутрь, затѣмъ поверхъ ея еще другую, оленью, задомъ на передъ. Опоясавшись кушакомъ, онъ сильно напустилъ эту шубу на груди такъ, что она далеко выдавалась спереди. Выждавъ минуту, когда разъяренный звѣрь, котораго со всѣхъ сторонъ дразнили палками, оскалилъ зубы, Хузизинъ подскочилъ къ нему совсѣмъ близко и, выпятивъ грудь, позволилъ ему вцѣпиться зубами въ шубу. Въ тотъ же моментъ онъ кинулся медвѣдю на шею, схватилъ его

за уши и пригнулъ голову къ землѣ. Гиляки, стоявшіе наготовѣ кругомъ, тотчасъ завязали звѣрю морду, прижали къ землѣ лапы и т. д., какъ это уже было описано выше.

Наконецъ, медвѣдей въ послѣдній разъ повели на рѣку, въ то время какъ женщины усердно барабанили палками по бревну. Процессія нѣсколько разъ обошла прорубь, изъ которой женщины берутъ воду (см. таб. XLVIII) и вернулась снова на гору. Медвѣдей вели мимо юртъ ихъ владѣльцевъ около самыхъ дверей, раскрытыхъ настежъ, куда животныя непремѣнно хотѣли войти, а такъ какъ имъ этого не позволили, то въ процессіи произошла невольная задержка. Шествіе остановилось наконецъ у входа въ *кадхру*. Со всѣхъ



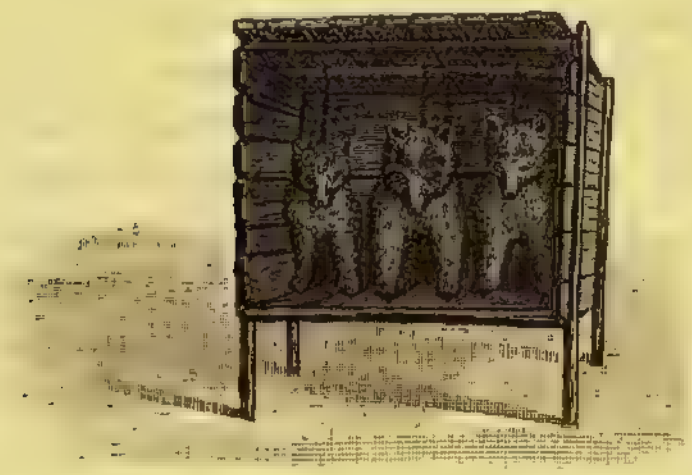
Мѣсто умерщвленія медвѣдей.

сторонъ сбѣжались мальчики, вооруженные луками и маленькими, дѣтскими, но далеко не всегда безвредными стрѣлами, чтобы пострѣлять въ медвѣдей, что имъ охотно позволяли взрослые. Но послѣдній, смертельный ударъ животному долженъ былъ нанести стрѣлокъ, котораго въ знакъ особаго почета выбираетъ хозяинъ медвѣдя. Юдинъ избралъ для своихъ звѣрей двухъ молодыхъ людей, въ томъ числѣ одного Ольчу изъ Чилви, у отца котораго—его большого пріятеля—онъ купилъ одного изъ своихъ медвѣдей. Оба звѣря Юдина упали мгновенно, сраженные первой же стрѣлой, пущенной въ нихъ на разстояніи пяти шаговъ и попавшей въ правое легкое. Съ третьимъ медвѣдемъ покончили не такъ быстро, и въ него пришлось пустить двѣ стрѣлы. Кровь, обагрившую землю, тотчасъ забросали снѣгомъ,

чтобы никто изъ присутствующихъ не могъ наступить на нее даже нечаянно, такъ какъ это было безусловно *уичъ*.

Затѣмъ убитыхъ звѣрей уволокли за ремень, обвязанный вокругъ морды, въ *кадхру* и уложили на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ привязывали живыми, на особо приготовленныя ложа изъ прутиковъ съ ободранной корой. Всѣ три звѣря лежали въ одинаковыхъ позахъ съ мордами и передними ногами, обращенными ко входу въ *кадхру*, и задними ногами, вытянутыми по направленію къ *лэзнгу*. Теперь съ нихъ сняли ошейники и пояса и сбили палками снѣгъ, успѣвшій набиться въ шерсть, послѣ чего можно было освѣжевать медвѣдей и разнять ихъ на части. Каждому медвѣдю обмотали вокругъ шеи ремень, копецъ котораго привязали къ столбу напротивъ. Никто не смѣлъ перелѣзть черезъ этотъ ремень — это было опять *уичъ*, а можно было только обойти его кругомъ съ той или другой стороны. Затѣмъ медвѣдя повернули на спину и сдѣлали разрѣзъ по серединѣ брюха, начиная отъ глотки, и вдоль всѣхъ четырехъ лапъ. Снявъ шкуру съ живота и лапъ, гдѣ ее обрѣзали у самаго конца, такъ что осталось лишь по узенькой мѣховой бахромкѣ у когтей, медвѣдя снова поворотили на брюхо и сняли шкуру вплоть до головы. Гилякъ, стоявшій у заднихъ лапъ, нѣсколько разъ поднялъ и опустилъ надъ животнымъ его шкуру и перебросилъ ее наконецъ своему товарищу, стоявшему у головы звѣря. Тотъ тотчасъ же перебросилъ шкуру обратно, и эта церемонія повторилась нѣсколько разъ, послѣ чего животное опять положили на спину и начали разнимать на части. Прежде всего слѣдовало снять съ него слой жира до двухъ дюймовъ толщиною. Для этого вырѣзали узкую полоску жира на брюшной сторонѣ во всю ея длину, на одномъ концѣ полоски сдѣлали прорѣзь въ видѣ ушка и надѣли на воткнутую въ землю палку, затѣмъ повернули медвѣдя на брюхо и вырѣзали такую же полосу жира вдоль всей спины отъ головы до хвоста. Между этими двумя продольными полосами на бокахъ съ каждой стороны животнаго вырѣзали еще по двѣ узенькихъ поперечныхъ полоски — по одной тотчасъ за передними ногами и по одной тотчасъ передъ задними. Эти полоски были также повѣшены на палки. Очевидно, это былъ своего рода жертвенный обрядъ, быть можетъ, имѣвшій цѣлью умилостивить духъ убитаго звѣря и отклонить его месть. Этими вырѣзанными полосками весь жиръ на медвѣдѣ былъ раздѣленъ на шесть участковъ, которые теперь снимали по очереди, немедленно клали между двумя свѣжими еловыми вѣтками и уносили въ кладовую. Во время этой работы Гиляки не могли удержаться, чтобы не полакомиться кусочками жира. Затѣмъ отъ туши отняли ноги, вскрыли грудь и животъ, вынули и очистили кишки, и, наконецъ, отрѣзавъ голову, разрубили тушу пополамъ вдоль позвоночнаго хребта. Послѣ этой операціи, вполнѣ одинаковой для всѣхъ трехъ медвѣдей, голова осталась вмѣстѣ со шкурой. Наконецъ, когда все мясо и кости были перетащены въ кладовую вмѣстѣ съ наполовину замерзшими полосками жиру, которыя до тѣхъ поръ висѣли на палкахъ, медвѣжьи головы со шкурами были перенесены въ *лэзнгъ* и выставлены тамъ такимъ образомъ, что голова каждаго звѣря при помощи ремня, прикрѣпленнаго къ верхней поперечной жерди, лежала на нижней жерди, шкуры же помѣщались въ глубинѣ постройки. Все вмѣстѣ имѣло видъ, какъ будто медвѣди

вошли въ *лэзнгъ* и выглядываютъ оттуда. Самый большой медвѣдь былъ опять посрединѣ, налѣво отъ него находился самый маленькій медвѣдь, а направо — средній, — значитъ и теперь они были выставлены въ томъ же порядкѣ, какъ ранѣе въ юртѣ. Передъ *лэзнгомъ* была еще воткнута въ снѣгъ большая еловая вѣтвь, какъ бы осѣнявшая головы медвѣдей.



Выставка въ лэзнгѣ головъ и шкуръ медвѣдей.

Этимъ окончилось первое самое главное отдѣленіе медвѣжьяго праздника. Головы и шкуры медвѣдей, выставленныя въ *лэзнгѣ*, также какъ и ихъ мясо и жиръ, сложенные въ кладовыя, должны были сохраняться до возобновленія пиршествъ, съ чѣмъ Юдинъ, повидимому, не особенно торопился, такъ какъ теперь онъ разсчитывалъ еще до конца празднествъ съѣздить по торговымъ дѣламъ на Сахалинъ. Такая отсрочка, конечно, не могла быть мнѣ пріятна, хотя нѣкоторымъ утѣшеніемъ служило то, что я уже отчасти былъ знакомъ съ дальнѣйшимъ ходомъ медвѣжьихъ празднествъ, которыя видѣлъ въ прошломъ году въ деревнѣ Удѣ. Правда, деревня эта лежитъ уже въ странѣ Ольчей, а не въ области Гиляковъ, но это едва ли можетъ повести къ существеннымъ различіямъ въ общемъ ходѣ празднествъ, такъ какъ Ольчи безъ сомнѣнія заимствовали всю обрядность празднествъ у своихъ сосѣдей Гиляковъ и, благодаря консервативному духу первобытныхъ народовъ, врядъ ли могли внести въ нихъ существенныя измѣненія. Въ домѣ Юдина теперь снова водворился обычный порядокъ. Гости разъѣхались, собачій столъ стоялъ на своемъ обычномъ мѣстѣ, въ домѣ сдѣлалось свободнѣе, такъ какъ и число *ушей* значительно сократилось. Мы, впрочемъ, остались тамъ еще на одинъ день. Мнѣ хотѣлось привести въ порядокъ и пополнить свои замѣтки, а Максимовичъ желалъ еще нарисовать кромѣ уже сдѣланныхъ имъ съ натуры набросковъ общій видъ Тебаха. Эти эскизы моего, къ сожалѣнію, теперь уже покойнаго товарища воспроизведены на табл. XI, XLVII и XLVIII и на рисункахъ на стр. 78 и 80 настоящаго труда. Окончательную художественную форму эти наброски получили уже здѣсь въ Петербургѣ — отъ руки художника Дмитріева-Оренбургскаго и Ѳ. К. Руссова — хранителя нашего музея, съ соблюденіемъ всѣхъ мельчайшихъ подробностей первоначальныхъ рисунковъ.

Вечеромъ 15-го января мы были снова въ Николаевскѣ, гдѣ я немедленно занялся приготовленіями къ моему второму путешествію на Сахалинъ. Былъ назначенъ уже и день моего отъѣзда, когда вдругъ ко мнѣ опять явился Юдинъ. Оказывается, что онъ обратился за совѣтомъ къ старѣйшимъ односельчанамъ, между которыми былъ и шаманъ, относительно того, слѣдуетъ ли теперь довести до конца начатыя медвѣжьи празднества или отложить ихъ до возвращенія изъ предположеннаго торговаго путешествія на Сахалинъ. Всѣ оказались того мнѣнія, что лучше все окончить теперь же, благодаря чему Юдину при-

шлось опять ѣхать въ Николаевскъ за покупками. Онъ снова усердно приглашалъ меня на свой пиръ, но я предложилъ ему принять вмѣсто меня моего друга («*амаль*», какъ говорятъ Гиляки) Дитмара и нашего хорошаго знакомаго Бреверна. Первый мнѣ пообѣщался вести подробный дневникъ о дальнѣйшемъ ходѣ медвѣжьихъ празднествъ въ Тебахѣ, а второй — сдѣлать необходимые наброски. Оба исполнили свои обѣщанія и привезли мнѣ изъ Тебаха въ высшей степени интересный матеріалъ [1]).

Дитмаръ и Бревернъ пріѣхали въ Тебахъ 27 января (7 февраля) въ 8 часовъ утра. Въ домѣ Юдина собачій столъ былъ опять удаленъ, и весь полъ юрты густо покрытъ еловыми вѣтками (*Picea ajanensis*, по гил. *твиск*). У одного изъ среднихъ столбовъ юрты прямо противъ медвѣжьяго очага вблизи почетной нары стояло большое, четырехугольное, украшенное еловыми вѣтками и *цах'омъ* сооруженіе изъ ольховыхъ жердей и стволовъ молодыхъ деревьевъ, оставленныхъ согласно старинному обычаю съ неободранною корою и въ силу того же обычая связанныхъ въ мѣстахъ своего соединенія только лыкомъ или веревками, сдѣланными изъ мережи старыхъ рыбачьихъ сѣтей. Сооруженіе имѣло видъ этажерки и было въ изобиліи украшено ельникомъ и цахомъ. Съ верхней полки этой этажерки смотрѣли на собравшихся въ юртѣ гостей головы двухъ медвѣдей, принадлежавшихъ Юдину [2]). Шкуры же звѣрей опускались позади этого сооруженія до самаго пола, касаясь земли своими когтями. На второй полкѣ этажерки подъ каждымъ медвѣдемъ лежала часть его таза и двѣ рыбы (Cyprinus carpio по гил. *пиленгатъ*), какъ бы предлагаемыя ему въ пищу. По сторонамъ этажерки, на поставленныхъ въ видѣ украшенія, обильно увѣшанныхъ цахомъ елкахъвисѣли обрѣзки мѣха отъ ранѣе съѣденныхъ медвѣдей, деревянныя ложки и чаши съ разнообразной рѣзьбой, — о которыхъ еще будетъ рѣчь впереди. Въ юртѣ владѣльца третьяго (средней величины) медвѣдя стояло точно такое же сооруженіе, хотя меньшихъ размѣровъ, но разукрашенное зато еще богаче, и конечно съ однимъ только медвѣдемъ. Слѣдуетъ сказать, что когда хозяинъ пира имѣетъ двухъ или болѣе медвѣдей, онъ можетъ построить или для каждаго изъ нихъ особую этажерку или одну, общую для всѣхъ, но только тогда соотвѣтственно большихъ размѣровъ.

Дитмаръ и Бреверн, къ сожалѣнію, пріѣхали въ Тебахъ уже послѣ того какъ въ юрту, убранную согласно требованіямъ обычая, перенесли изъ *лэзнга* медвѣжьи головы. Но по свѣдѣніямъ, собраннымъ позже какъ ими такъ и мною лично это происходитъ такъ: къ лэзнгу отправляются нѣсколько человѣкъ изъ числа наиболѣе почтенныхъ жителей деревни — «*хеймары*», т. е. сѣдые, и вынимаютъ оттуда медвѣжьи головы со шкурами. Затѣмъ, они трижды обходятъ вмѣстѣ со своей ношей вокругъ дома по дорогѣ, расчищенной отъ

---

1) Дитмаръ, извѣстный, къ сожалѣнію, теперь уже (съ апрѣля 1892 г.) умершій путешественникъ по Камчаткѣ и авторъ труда «Reisen und Aufenthalt in Kamtschatka» (см. Beiträge zur Kennt. des Russ. Reiches, 3 Folge, Bd. VII).

2) См. таб. XLIX. Гиляки, какъ мы видѣли, неохотно позволяли намъ рисовать на медвѣжьихъ праздненствахъ. Поэтому на нашемъ рисункѣ изображенъ только одинъ медвѣдь, тогда какъ у Юдина ихъ было два. Но этого вполнѣ достаточно, чтобы дать понятіе объ общей картинѣ.

снѣга, обставленной обструганными палочками и украшенной стружками и ельникомъ, и останавливаются наконецъ у окна въ поперечной стѣнѣ юрты, какъ разъ противъ медвѣжьяго очага. Черезъ это то окно, а не черезъ входную дверь, медвѣжьи головы со шкурами попадаютъ въ юрту. Медвѣдя прежде всего подносятъ къ посвященному ему очагу нѣсколько отогрѣться, а затѣмъ уже помѣщаютъ на почетное мѣсто вверху только что описанной этажерки. Окно закрываютъ и наклеиваютъ снаружи на рыбью шкуру, замѣняющую здѣсь стекла, изображеніе жабы (по гил. *мипичъ*, см. рисунокъ, стр. 82), вырѣзанное изъ бересты. Въ домѣ же на почетныя нары подъ тѣмъ же окномъ садятъ фигуру, которая должна изображать медвѣдя, одѣтаго въ гиляцкій костюмъ (таб. LVIII, фиг. 3) [1]). Смыслъ всѣхъ этихъ символическихъ обрядовъ, по моему мнѣнію, слѣдующій. Жаба, часто изображаемая какъ сама по себѣ такъ и вмѣстѣ съ медвѣдемъ, пользуется среди Гиляковъ очень дурной славой — злого духа, который и является виновникомъ всѣхъ бѣдъ, обрушивающихся на медвѣдя [2]), начиная его поимкою и кончая его смертью и съѣденіемъ. Это — козелъ отпущенія, на котораго Гиляки взваливаютъ всю вину и отвѣтственность за свои поступки съ медвѣдемъ. Поэтому она не допускается въ убранный по праздничному домъ, но остается снаружи, прикрѣпленная къ окну, являясь невольнымъ свидѣтелемъ собственныхъ преступленій. Медвѣдя же, напротивъ, всѣ встрѣчаютъ радостно какъ желаннаго гостя и какъ равнаго (что указывается одеждой) усаживаютъ на почетное мѣсто. Объясненіе это, правда, основано на догадкѣ, но далѣе мы встрѣтимъ нѣкоторыя подтвержденія. Послѣ кормежки собакъ, которая и теперь несмотря на праздничное убранство, какъ всегда, происходила въ юртѣ, приступили къ исполненію главной задачи настоящаго дня—именно къ приготовленію медвѣжьяго мяса, которое варили опять таки на томъ же самомъ очагѣ. Работа эта принадлежитъ самымъ старымъ Гилякамъ и считается очень почетной: женщины, дѣвушки, юноши и мальчики не допускаются до нея совсѣмъ. Работа эта производится очень медленно, съ особой торжественностью и серьезностью. Прежде всего котелъ на очагѣ плотно обложили кучей стружекъ, уложивъ ихъ также полукругомъ и передъ дверцами печи, и наполнили его снѣгомъ, такъ какъ употребленіе воды для варки медвѣжьяго мяса считается *ушъ*. Затѣмъ подъ котломъ развели огонь изъ стружекъ и еловыхъ вѣтокъ, которыми курили время отъ

Берестяная жаба.

1) Для того, чтобы эта фигура могла свободно принимать сидячее положеніе, у ней дѣлаются подвижныя колѣнныя и бедреныя сочлененія. Одежда на ней грубая и сдѣланная самымъ примитивнымъ образомъ.

2) См. таб. LI, LIX, LX, LXI.

времени. Вмѣстѣ съ тѣмъ подъ мордой медвѣдя подвѣсили на ремняхъ деревянное корыто на разстояніи приблизительно трехъ футовъ отъ пола. Корыто было украшено различными арабесками и фигурами, между которыми съ одной стороны было вырѣзано изображеніе медвѣдя, а съ другой — жабы.

Работа старцевъ подвигалась такъ медленно, что лишь къ вечеру они начали рѣзать мясо медвѣдей на куски. Каждую ногу клали сначала на ельникъ передъ медвѣдями, точно прося у нихъ позволенія приготовить ее въ пищу, и затѣмъ только ее дѣлили на части и клали въ котелъ. Сварившіеся уже куски вытаскивали изъ котла желѣзнымъ крюкомъ и клали въ корыто, висѣвшее передъ медвѣдемъ, какъ бы приглашая его отвѣдать первымъ собственнаго мяса. Вмѣстѣ со стариками въ юртѣ оставили собаку, какъ кажется для того, чтобы облизывать посуду, которую употребляли при варкѣ мяса и переноскѣ его въ корыто.

На слѣдующій день (28 января) съ ранняго утра старики опять принялись за свою работу съ перерывомъ лишь на время обычной кормежки собакъ, которой предшествовалъ бѣгъ незапряженныхъ собакъ, тащившихъ за собою веревку съ лисьимъ или собачьимъ хвостомъ. Тѣмъ временемъ изъ кладовыхъ принесли много различныхъ вещей, которыя вѣшали или просто клали на подставку для медвѣжьихъ головъ. Тутъ были кусочки мѣха и шкурки съ лапъ прежде убитыхъ медвѣдей, цѣпь, на которой ихъ водили при жизни, высушенный и завернутый въ березовую кору медвѣжій penis, пожъ съ пучкомъ волосъ отъ половыхъ органовъ медвѣдя, прикрѣпленныхъ у начала клинка. Ножомъ этимъ—по гиляцки *унгъ-джакко*, строго запрещается (*унчъ*) рѣзать что либо другое кромѣ медвѣжьяго мяса или жира (таб. LI, фиг. 3). Особенно много было принесено ложекъ съ красивой рѣзьбой и различныхъ чашекъ весьма своеобразной формы, напоминающей ковшъ. Послѣднія тотчасъ же пошли въ дѣло, такъ какъ ихъ наполняли медвѣжьимъ супомъ, который ѣли какъ съ помощью ложекъ, такъ и прямо изъ чашекъ. Вся эта посуда употребляется у Гиляковъ только во время медвѣжьяго пира и заслуживаетъ спеціальнаго описанія.

Эти чаши у Гиляковъ называются *нихыры-нгиръ* или *нихыры-нгитхъ*, т. е. медвѣжьи чаши-ложки — названіе, происходящее отъ *нихыръ*—медвѣжья ложка, и дѣлаются всегда изъ одного, часто очень длиннаго куска дерева, посерединѣ котораго или ближе къ одному концу вырѣзается овальное углубленіе, то болѣе глубокое, то болѣе мелкое. (Таб. L, фиг. 1, 2 и 3). Первыя представляютъ миски для медвѣжьяго супа (фиг. 1 и 2), вторыя (фиг. 3) употребляются какъ блюда для медвѣжьяго мяса и жира. Самое любопытное въ этихъ сосудахъ, это—рѣзныя украшенія на концахъ подставки, на которой укрѣплена чаша—украшенія, имѣющія отношеніе къ медвѣдю и медвѣжьему празднику. Такая же рѣзьба въ изобиліи находится и на рукоятяхъ (а иногда и на самыхъ ложкахъ) ложекъ, употребляемыхъ Гиляками въ это время. Я привезъ въ нашъ музей большую коллекцію такихъ сосудовъ и ложекъ, которую мнѣ удалось добыть отъ Согина, одного изъ наиболѣе уважаемыхъ Гиляковъ въ Куикѣ только благодаря счастливой случайности, такъ какъ въ мое время Гиляки отказывались продавать за какую бы то ни было цѣну въ чужія руки обстановку

медвѣжьихъ празднествъ, считая это въ высокой степени *уич*'емъ. Рѣзьба на сосудахъ стремится передать различныя положенія медвѣдя въ теченіе всего времени празднествъ. Такъ фиг. 1, на таб. L, изображаетъ медвѣдя въ ошейникѣ и поясѣ; фигура 3-я той же таблицы и фигуры 3 и 5 на таб. LII обращаютъ особое вниманіе на подвижное кольцо, прикрѣпленное къ ошейнику. На фиг. 4, таб. LII мы опять видимъ звѣря, когда онъ ѣстъ изъ медвѣжьей ложки, а на фиг. 6 таб. LI, когда его ведутъ на цѣпи, и онъ защищается отъ нападенія. Та же самая фигура, а равно и фиг. 5 на таб. LII изображаютъ медвѣжью голову сначала въ *лэзнгъ*, а потомъ въ юртѣ, когда она смотритъ внизъ съ этажерки. Но всего больше заслуживаетъ вниманія ложка, изображенная на фиг. 6 таб. LI, которая является поистинѣ образцовымъ произведеніемъ гиляцкаго искусства въ рѣзьбѣ по дереву. Рѣзьба на ней не только передаетъ медвѣдя въ различныхъ положеніяхъ на праздникѣ, но связывая цѣпью изображеніе медвѣдя или точнѣе уже только его головы съ изображеніемъ жабы, указываетъ на послѣднюю, какъ на основную причину всего медвѣжьяго праздника. Всѣ эти ложки и чашки изготовляются исключительно во время медвѣжьихъ празднествъ, и здѣсь въ Тебахѣ два Гиляка, сидя на полу передъ медвѣдями, усердно занимались вырѣзываніемъ этихъ предметовъ.

Послѣ обѣда изъ кладовыхъ принесли еще медвѣжьяго мяса. Снова клали его передъ медвѣдями на полъ, покрытый ельникомъ, снова, какъ и въ первый разъ, наполняли котлы снѣгомъ и т. д., только теперь работа шла живѣе. При этомъ какъ медвѣжье мясо, такъ и всѣ остальныя кушанья варились все это время совсѣмъ безъ соли, употребленіе которой во время медвѣжьихъ празднествъ больше, чѣмъ когда либо, считается *уичъ*. Кромѣ того строго запрещается жарить какое бы то ни было мясо не только на медвѣжьемъ, но и на всякомъ другомъ очагѣ въ юртѣ, такъ какъ шипѣніе мяса на огнѣ, дойдя до слуха медвѣдей, можетъ разсердить ихъ. По мѣрѣ того, какъ мясо варилось, наваръ отъ него разливался по чашамъ и тутъ же съѣдался, а куски готоваго мяса раскладывали на ельникѣ подъ медвѣжьими головами, накрывая ихъ еловыми же вѣтками; а вечеромъ всѣ эти куски были переложены въ корыто передъ медвѣжьими мордами. Вечеромъ же въ юрту внесли шесть огромныхъ осетровъ и бѣлугъ, изъ числа которыхъ одинъ осетръ былъ не менѣе восьми футъ длиною, и сложили передъ медвѣдями, какъ бы принося имъ жертву. Рыба эта также предназначалась для будущаго пира.

На слѣдующее утро (29 января) старики снова принялись за свою работу у медвѣжьяго очага. У молодыхъ людей тоже не было недостатка въ работѣ. Одни носили дрова, другіе отправились въ ближайшій лѣсъ за брусникой, запасы которой были сложены тамъ осенью женщинами. Между дѣломъ покормили и собакъ, кромѣ 14-ти, выбранныхъ Юдинымъ для ухарской поѣздки по рѣкѣ. Эти собаки въ щегольскихъ ошейникахъ съ красными кистями были запряжены въ маленькія, нарядныя сани, которыми правилъ самъ хозяинъ. Женщины опять забарабанили быстрымъ темпомъ по бревну, и подъ эту музыку сани помчались внизъ съ крутого берега къ рѣкѣ, дальше вдоль берега по рѣкѣ по спеціально расчищенной дорогѣ, и наконецъ благополучно вернулись домой при бурныхъ изъявленіяхъ восторга и

одобренія собравшейся толпы. Только послѣ этого участвовавшія въ бѣгѣ собаки получили свой кормъ, въ то время какъ люди наслаждались медвѣжьимъ супомъ.

Послѣ обѣда старики начали рѣзать медвѣжье сало на длинныя узкія полоски и, украсивъ *цахомъ* и еловыми вѣточками, развѣшивали передъ медвѣжьими головами. Здѣсь сало оставалось до наступленія сумерокъ, а затѣмъ его сложили въ маленькое, также убранное цахомъ и ельникомъ корыто, поставленное на полу передъ медвѣдями. Теперь въ юртѣ было, вообще, больше жизни и движенія, чѣмъ передъ тѣмъ — при варкѣ медвѣжьяго мяса. Молодые люди принялись тутъ же разнимать осетровъ на части. Нѣсколько поодаль, въ той части юрты, которая считалась менѣе важной, такъ какъ туда не проникалъ взоръ медвѣдя, женщины готовили мось и различныя каши, бобы съ рыбьимъ или тюленьимъ жиромъ и т. п. — обычная работа, которая буквально кипѣла у нихъ въ рукахъ.

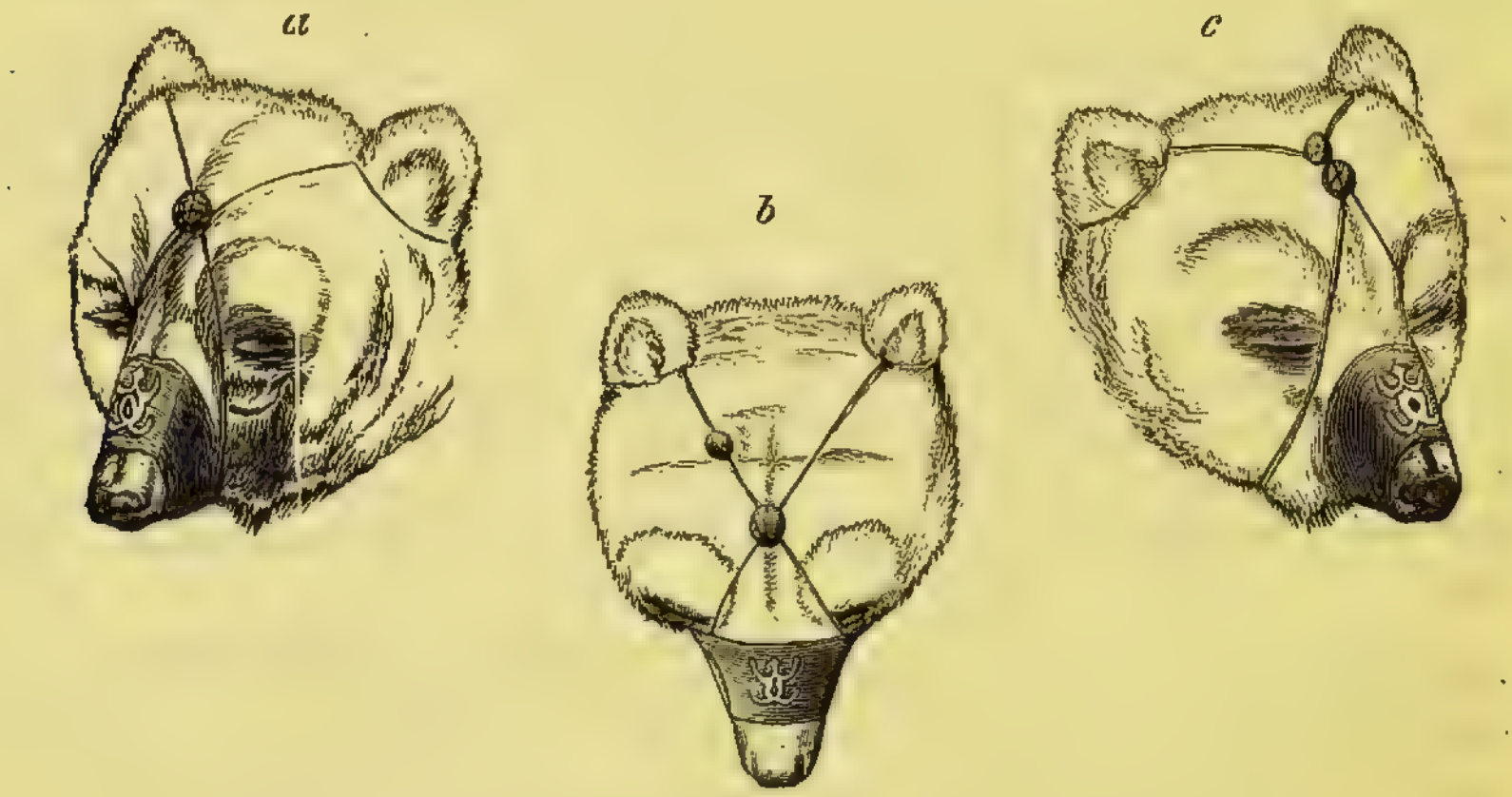
Утро 30 января началось тѣмъ, что прежде всего на медвѣжью подставку поставили въ берестяной посудѣ куски таза отъ обоихъ медвѣдей, три штуки рыбъ изъ породы карповъ (Сург. сагріо, по гил. *пиленгатъ*) и часть изготовленныхъ наканунѣ кушаній. Затѣмъ одинъ изъ стариковъ сѣлъ передъ медвѣжьими головами и началъ ѣсть свѣжую мось одновременно изъ двухъ сосудовъ, предназначенныхъ для медвѣдей.

Затѣмъ слѣдовала, какъ и въ предшествующіе дни, кормежка собакъ и парадные бѣга, во время которыхъ женщины опять усердно барабанили по бревну. Потомъ на подставку для медвѣдей снова навѣсили полосками медвѣжій жиръ, въ юртѣ сильно накурили еловыми иглами и начали рѣзать на куски внутренности медвѣдя, раскладывая ихъ по маленькимъ медвѣжьимъ чашкамъ. Внутренности ѣдятъ, какъ кажется, сырыми, подобно медвѣжьему салу.

Въ то же время женщины ушли въ дальній уголъ юрты, усѣлись тамъ вокругъ одной старушки и принялись сшивать изъ пестраго тряпья полоски дюймовъ 10 длиною и около трехъ шириною. Изъ этихъ лентъ (по гил. *чудбасг*) дѣлаютъ особую повязку, которую къ концу дня надѣваютъ медвѣдю на морду тотчасъ подъ глазами, чтобы она могла вбирать въ себя слезы, струящіяся будто-бы изъ глазъ животнаго. На повязкѣ у середины морды пришито вырѣзанное изъ березовой коры изображеніе жабы [1]). Все это имѣетъ, очевидно, символическое значеніе, которое, мнѣ кажется, можно объяснить такъ. Съ момента, когда внутреннія органы медвѣдя, его сердце, печень и т. п. разрѣзаны на куски, онъ считаетъ свою судьбу окончательно рѣшенной. Это вызываетъ слезы изъ его глазъ, и онъ горько плачетъ при видѣ злаго духа — жабы, виновника его горькой участи, которую такимъ образомъ медвѣдь самъ считаетъ источникомъ всѣхъ своихъ бѣдъ. Отъ Гиляковъ же напротивъ того онъ за все время не видалъ ничего худого. Они принимали его какъ гостя, сажали на почетное мѣсто, угощали лакомыми кушаньями и все, что ни дѣлали съ нимъ, дѣлали съ его вѣдома и согласія. А въ заключеніе и ихъ женщины оказали ему послѣднюю услугу, осушивъ его слезы, такъ что слѣдовательно на нихъ нѣтъ никакой вины, и

1) Совершенно такое же, какъ прикрѣпляется на окно. См. выше стр. 82.

они не подлежатъ никакой отвѣтственности за судьбу медвѣдя. Одновременно съ *чудбасомъ* на голову медвѣдя накладываютъ еще и другую повязку, символическое значеніе которой слѣдуетъ искать, повидимому, уже болѣе далеко. Эта повязка состоитъ изъ ремня, крестообразно охватывающаго голову медвѣдя, съ прикрѣпленными къ нему однимъ или двумя агатовыми шариками величиною дюйма $1/_2$ въ діаметрѣ, которые приходятся медвѣдю или на самой серединѣ лба, или нѣсколько къ одной сторонѣ. Въ настоящемъ случаѣ у маленькаго медвѣдя была надѣта повязка съ однимъ шарикомъ посерединѣ лба, а у большого съ двумя, изъ которыхъ одинъ былъ на томъ же мѣстѣ, что и у перваго, а другой несимметрично и нѣсколько сзади на правой сторонѣ лба. Наконецъ, у третьяго медвѣдя, выставлен-



Повязки на головахъ медвѣдей, съ изображеніемъ жабы и агатовыми шариками.

наго въ юртѣ своего владѣльца, на повязкѣ было также два шарика, но они лежали вполнѣ симметрично посерединѣ лба одинъ сзади другого. Распредѣленіе и число шариковъ, повидимому, болѣе или менѣе произвольны и, какъ кажется, обязательнымъ считается только шарикъ на самой серединѣ лба. Эти агатовые шарики китайской («маньчжурской») работы, и Гиляки ими очень дорожатъ. Ихъ иноземное происхожденіе, повидимому, вполнѣ объясняетъ и обычай ихъ употребленія. Благодаря давнимъ и частымъ сношеніямъ Гиляковъ съ Китайцами на Сунгари, они не могли не замѣтить, что буддійскіе идолы почти всегда имѣютъ надъ глазами нѣчто въ родѣ нароста или шишки. Гиляки, возможно, даже думаютъ, что китайцы придаютъ особенное значеніе этимъ наростамъ, видя въ нихъ проявленіе святости своихъ божествъ. При ихъ склонности подражать китайцамъ возможно, что они стараются воспроизвести на головахъ медвѣдей, внушающихъ имъ суевѣрный страхъ и почитаемыхъ

также почти божествомъ, съ помощью агатовыхъ шариковъ, пріобрѣтаемыхъ отъ Китайцевъ же, тѣ шишки буддійскихъ божествъ, о которыхъ только что шла рѣчь. Такимъ образомъ медвѣдь въ представленіи Гиляковъ отождествляется до извѣстной степени съ божествомъ, чѣмъ и вызывается существованіе формальнаго культа медвѣдя.

Наложеніемъ на морду медвѣдя повязки съ изображеніемъ жабы и другой съ агатовыми шариками исчерпывается весь кругъ почестей, которыя могли быть ему оказаны, и съ этой минуты Гиляки считаютъ себя свободными отъ всякой нравственной отвѣтственности и съ легкимъ сердцемъ предаются пиршествамъ. Такъ было и здѣсь. Въ юрту внесли массу деревянной посуды и разставили ее на полу вокругъ медвѣдей, пока гости усаживались на почетныхъ нарахъ, поджимая подъ себя крестообразно ноги. Въ числѣ другихъ атрибутовъ всей церемоніи была между прочимъ лыжа, которая до тѣхъ поръ стояла около подставки съ головами; теперь на ней подавали гостямъ куски мерзлой осетрины. Пока гости занимались этимъ кушаньемъ, имъ приготовили новое угощеніе — родъ каши изъ вареныхъ бобовъ, приправленныхъ рыбьимъ или тюленьимъ жиромъ съ мелко накрошеннымъ чеснокомъ. Подавалось это кушанье на круглыхъ деревянныхъ блюдахъ или тарелкахъ (по гил. *аамъ-нгиръ*) [1]) съ соблюденіемъ цѣлаго ряда формальностей. Съ каждой стороны этажерки стояло по человѣку, которые брали съ пола тарелку за тарелкой и подавали ее третьему, сидѣвшему на саняхъ въ передней части юрты. Этотъ бралъ кашу изъ стоявшаго передъ нимъ корыта большой круглой желѣзной ложкой (табл. XXXIII, фиг. 5) и раскладывалъ ее по тарелкамъ, послѣ чего ихъ опять относили на прежнее мѣсто. Эта операція повторялась съ каждой тарелкой трижды, послѣ чего человѣкъ, сидѣвшій на саняхъ, всталъ, подошелъ къ тарелкамъ и прибавилъ къ безъ того уже громаднымъ порціямъ еще понемногу каши и по куску мерзлой осетрины. Четверо Гиляковъ, по два съ каждой стороны, подавали гостямъ тарелки съ кушаньемъ и изящныя рѣзныя ложки, начиная съ сидѣвшихъ посрединѣ и направляясь отсюда къ концамъ паръ. Все, что оставалось отъ этихъ невозможныхъ по величинѣ порцій, складывалось въ одно общее корыто. Женщины не принимали никакого участія въ этомъ пирѣ, и ихъ даже совсѣмъ не было видно. Наконецъ всѣ поднялись со своихъ мѣстъ, тарелки перенесли въ юрту, гдѣ былъ выставленъ третій медвѣдь, и тамъ повторился такой же пиръ, что и въ домѣ Юдина. Но въ сущности и здѣсь, и тамъ было только какъ-бы начало настоящаго пира, такъ какъ еще совсѣмъ не ѣли медвѣжьяго мяса и жира, что должно было имѣть мѣсто лишь на слѣдующій день.

Этотъ день (31 января) начался такъ же, какъ и предыдущіе, разрѣзываніемъ на куски медвѣжьяго мяса и сала передъ медвѣжьими головами, выставленными на этажеркѣ. Еще задолго до полдня набралось много гостей, которые усаживались на этотъ разъ безъ дальнѣйшихъ церемоній на почетныя нары и принимались за медвѣжье мясо удивительнымъ образомъ безъ соблюденія какихъ-нибудь формальностей, которыхъ такъ много было нака-

1) См. т. II, стр. 136.

нунѣ. Каждый гость получилъ по куску сырого и вареnаго медвѣжьяго мяса, положеннаго на еловую вѣтку, по нѣскольку полосъ медвѣжьяго сала и по пучку тонкихъ стружекъ (*цахъ*). Такимъ образомъ только теперь — въ первый разъ за все время празднествъ медвѣжье мясо пошло въ пищу. Порціи отмѣрялись щедро, и ими постепенно были надѣлены и находившіеся здѣсь прежде гости, и прибывшіе вновь, и не были обдѣлены даже женщины и дѣти. Но для послѣднихъ не полагалось особыхъ порцій, а гости удѣляли имъ часть своихъ, для чего по юртѣ ходили двое молодыхъ Гиляковъ съ ковшомъ особой формы (по гил. *анзъ-тымыкъ*[1]) (таб. L, фиг. 5 и таб. LI, фиг. 1), собирая угощеніе для женщинъ и дѣтей. Количество съѣденнаго въ этотъ день мяса и жира было огромное. Остатки своихъ порцій, которые они не могли съѣсть, гости завертывали въ тонкія стружки и еловыя вѣточки и уносили съ собой. Эти свертки Гиляки называютъ *мёпсъ*[2]).

Совершенно объѣденныя кости складывались снова въ тотъ же котелъ, гдѣ было раньше вареное мясо. Когда пиръ пришелъ къ концу, у дверей сталъ одинъ изъ старѣйшихъ Гиляковъ съ еловой вѣткой въ рукѣ, легкими ударами которой онъ какъ бы гналъ домой каждаго поѣвшаго медвѣжьяго мяса или жира — очевидно въ знакъ наказанія за насиліе, совершенное надъ медвѣдемъ. За порогомъ юрты уходящаго гостя встрѣчаютъ мальчики, осыпая его градомъ снѣжковъ, въ то время какъ женщины усердно барабанятъ по висячему бревну. То же самое повторилось послѣ пира и у владѣльца третьяго медвѣдя. Къ отъѣзду гостей передъ обѣими юртами по сторонамъ дороги было разложено на снѣгу множество маленькихъ кучекъ съѣстныхъ припасовъ: осетрины, моси и т. д. Все это предлагалось отъѣзжающимъ на дорогу, но между этими припасами не было ни медвѣжьяго мяса, ни сала, такъ какъ каждый получилъ ихъ уже раньше въ своихъ свертkахъ (*мёпсъ*).

Въ этотъ день кормежка и бѣгъ собакъ могли состояться лишь незадолго до полдня. Во второй половинѣ дня въ праздничныхъ увеселеніяхъ приняли участіе въ первый и единственный разъ и женщины, начавъ танцы подъ обычную музыку — бой палками по бревну на этотъ разъ въ сильно ускоренномъ и какомъ-то дикомъ темпѣ. Женщины плясали по одиночкѣ, имѣя въ рукахъ еловую вѣтку или кусочки дерева въ видѣ кастаньетъ. Вся ихъ пляска состояла изъ совершенно невозможныхъ движеній и изгибовъ верхней части тѣла и вполнѣ напомнила Дитмару такъ называемый медвѣжій танецъ Камчадалокъ. Музыка была также довольно сходна съ тѣмъ однако различіемъ, что бой по бревну замѣняется въ Камчаткѣ общимъ пѣніемъ зрителей и танцующихъ. Слѣдуетъ замѣтить, что гиляцкія женщины очень рѣдко предаются такому бурному веселью, такъ какъ онѣ вообще сдержаннѣе, степеннѣе мужчинъ, да къ тому-же гораздо болѣе ихъ обременены всякими работами. Ни въ какомъ случаѣ однако нельзя приписать взрывъ ихъ веселости водкѣ, употребленіе которой въ мое время строго воспрещалось на медвѣжьихъ празднествахъ. Я уже и раньше упоминалъ объ этомъ, приписывал[3]) такую воздержанность энергичному характеру и холодной

---

1) Названіе *анз-тымыкъ* указываетъ на сходство ихъ съ рукой *тымыкъ*.

2) Но самъ я не слыхалъ этого названія.

3) См. т. II, стр. 154.

разсчетливости Гиляковъ. Но еще болѣе удивительно и трудно объяснимо, почему на медвѣжьихъ празднествахъ у нихъ вовсе не допускается шаманство. Это можно объяснить развѣ только тѣмъ, что по мнѣнію Гиляковъ таинственному искусству шамановъ подвластны и невидимый міръ духовъ, и человѣческая душа, а потому ихъ дѣятельность на пиру могла бы неблагопріятно отразиться на праздничномъ настроеніи участниковъ и вызвать, пожалуй, среди нихъ разладъ и смущеніе. Женщинамъ же, которымъ искусство шамановъ также доступно, оно строго воспрещается быть можетъ изъ опасенія, что онѣ вздумаютъ употребить его во зло, мстя за свое принципіальное исключеніе изъ пиршествъ.

Продолжительность медвѣжьихъ празднествъ неопредѣленна. При постоянной смѣнѣ гостей праздники продолжаются до тѣхъ поръ, пока еще имѣются запасы медвѣжьяго мяса и сала. Въ Тебахѣ, благодаря большому количеству мяса и жира отъ трехъ убитыхъ медвѣдей, можно было по словамъ Юдина ожидать продолженія пира еще на много дней. Однако, такъ какъ и на слѣдующій день (1 (13) февраля) повторилось то же, что было и наканунѣ — Дитмаръ и Бревернъ сочли за лишнее оставаться далѣе въ Тебахѣ и вернулись въ Николаевскъ.

Я уже говорилъ, что въ прошломъ (1855) году мнѣ самому пришлось присутствовать у **Ольчей** въ деревнѣ Удѣ при второй половинѣ медвѣжьихъ празднествъ, оканчивающейся истребленіемъ медвѣжьяго мяса. Изъ разсказовъ Дитмара я окончательно убѣдился въ справедливости своего предположенія насчетъ сходства этихъ праздниковъ у обоихъ народовъ. Чтобы не быть голословнымъ, а также чтобы и указать на заимствованіе Ольчами Гиляцкихъ обычаевъ, я опишу здѣсь вкратцѣ все то, что удалось увидать самому въ деревнѣ Удѣ.

Деревня Уда, куда я прибылъ 22 марта (3 апрѣля), лежитъ въ пяти верстахъ внизъ отъ Кидзи. Юрта (одна изъ пяти деревни), въ которую мы вошли, была убрана точь въ точь, какъ у Гиляковъ передъ праздничнымъ обѣдомъ. Но здѣсь кромѣ этажерки съ головой и шкурой убитаго медвѣдя напротивъ стояла точно такая же другая, только нѣсколько меньшихъ размѣровъ, также украшенная ельникомъ и стружками (*цахъ* по гиляцки = *гіамсасá* у Ольчей), на которой лежали куски мяса, сала и разныя другія вещи. Кромѣ того проходъ между почетными нарами и медвѣжьей этажеркой былъ загороженъ жердью, положенной поперекъ, которая дѣлила такимъ образомъ пополамъ какъ эти нары, такъ и всю юрту. Полъ между обѣими этажерками былъ густо устланъ ельникомъ, на которомъ стояли корыта съ медвѣжьимъ мясомъ и саломъ, украшенныя стружками (*гіамсасà*). По обѣимъ сторонамъ были разставлены въ порядкѣ пока еще опрокинутыя къ верху дномъ берестяныя чаши и большія, круглыя деревянныя тарелки (по гил. *аам-нгиръ*, по ольч. *котá*). Медвѣжьи ковши (по гил. *нихыръ-нгиръ*, по ольч. *нехарà*), описанные выше, стояли подъ этажерками и на этажеркахъ. Число приборовъ было семь съ каждой стороны, такъ что обѣдъ былъ разсчитанъ на 14 почетныхъ гостей, приглашенныхъ въ этотъ день изъ различныхъ деревень. Между ними былъ также одинъ Гилякъ изъ Тылма. Односель-

чаше же и другіе друзья и знакомые хозяина должны были принять участіе въ пирѣ лишь въ слѣдующіе дни.

Къ обѣду принесли кромѣ медвѣжьяго мяса и сала цѣлый рядъ кушаній въ деревянныхъ корытахъ или берестяной посудѣ, которыя ставились рядомъ между покрытою ельникомъ серединою юрты и медвѣжьимъ очагомъ и по мѣрѣ надобности замѣнялись въ теченіе пира новыми. Четыре такихъ корыта, каждое длиною въ 3 фута и шириною въ 1 футъ, были наполнены пшенной кашей (по ольч. и по гил. *будá*), и одно поменьше — фута въ два длины—ячменной (и по ольч., и по гил. *муди́*). Такое же корыто вмѣстѣ съ берестяной корзиной величиною около двухъ футовъ въ квадратѣ было полно желтыхъ бобовъ (по ольч. *турé*). Все это — продукты исключительно маньчжуро-китайскаго происхожденія. Но помимо всего этого тутъ же стояло корыто фута два длиною съ сильно помятыми ягодами брусники и берестяной буракъ съ рыбьимъ жиромъ. Туземецъ, распредѣлявшій кушанья, сидѣлъ верхомъ на саняхъ передъ медвѣжьимъ очагомъ, гости же на почетныхъ парахъ вдоль стѣны притомъ такъ, что оба наиболѣе почетныхъ гостя въ числѣ ихъ и Гилякъ изъ Тылма сидѣли посединѣ, или внутри ряда изъ четырнадцати человѣкъ, сидѣвшихъ по семи на каждой сторонѣ.

Обѣдъ начался въ полдень, когда снаружи въ юрту донеслась знакомая музыка — бой палками по бревну. Гости, сидѣвшіе на каждой половинѣ наръ, имѣли своего особаго распорядителя и церемоніймейстера. Первые выбирались изъ молодыхъ людей на все время пира. Церемоніймейстерами же я буду называть тѣхъ двухъ пирующихъ, которые сидѣли по краямъ съ каждой стороны наръ. Прежде всего распорядители поставили какъ слѣдуетъ опрокинутыя кверху дномъ тарелки (*котá*) и берестяные сосуды, которые также стояли на полу во второмъ ряду. Потомъ они брали съ пола тарелки, начиная съ стоявшихъ всего ближе къ медвѣжьей этажеркѣ, и подносили ихъ къ человѣку, сидѣвшему на саняхъ, который черпалъ кашу большимъ желѣзнымъ ковшомъ и раскладывалъ ее равными порціями на тарелки, послѣ чего ихъ опять относили назадъ. Постепенно кушанье было разложено на всѣ тарелки сначала на одной, потомъ на другой сторонѣ. Первое кушанье состояло изъ сухого вареnаго пшена. Когда всѣ тарелки были полны, оба церемоніймейстера поднялись со своихъ мѣстъ и стали спиной другъ къ другу у поперечной жерди, положенной между медвѣжьими этажерками и почетными нарами. Распорядители подавали имъ полныя тарелки, которыя тѣ ставили на середину скамьи передъ гостями, начиная въ неизмѣнномъ порядкѣ съ двухъ сидѣвшихъ посединѣ и кончая крайними, такъ что для самихъ себя церемоніймейстеры получали тарелки послѣдними. Затѣмъ они разложили по тарелкамъ ложки, распорядители попробовали кашу изъ каждой тарелки, и тогда только гости принялись за ѣду. Едва коснувшись кушанья, гости положили ложки обратно и отставили отъ себя тарелки, что продѣлали и церемоніймейстеры, которые затѣмъ встали, собрали ложки, положили ихъ на прежнія мѣста, потомъ собрали тарелки и передали ихъ одна за другой обратно распорядителямъ, которые снова разставили ихъ въ рядъ на полу. Все производилось въ томъ же порядкѣ, т. е. начиная съ двухъ

гостей, сидѣвшихъ посерединѣ наръ, и кончая крайними, т. е. церемоніймейстерами. Затѣмъ всю кашу, которая осталась на тарелкахъ, распорядители свалили въ берестяной коробъ, а сбѣжавшіяся тотчасъ дѣти до-чиста вылизали тарелки къ великому удовольствію гостей. Второе кушанье подавалось съ соблюденіемъ все тѣхъ же церемоній. Это была та же пшенная каша, но съ ложкой рыбьяго жира, который наливался въ углубленіе, сдѣланное палочкой въ каждой порціи. Этого кушанья гости поѣли уже настоящимъ образомъ. Они подзывали къ себѣ дѣтей и кормили ихъ, когда тѣ растягивались передъ ними на брюхѣ. Даже болѣе взрослые мальчики и юноши ѣли по приглашенію гостей изъ ихъ тарелокъ. Затѣмъ посуда была опять вычищена по тому же способу, какъ и въ первый разъ, и все съ тѣми же церемоніями появилось третье кушанье, состоявшее изъ варепыхъ бобовъ, до котораго однако опять едва-едва дотронулись. Затѣмъ гости сѣли на краю наръ, спустивъ ноги на полъ, а распорядители обнесли ихъ водою въ берестяномъ ковшѣ съ загнутой ручкой [1]), изъ котораго всѣ и напились. Какъ только обѣдавшіе встали, въ юртѣ поднялся шумъ; у дверей поспѣшно столпились юноши и мальчики съ еловыми вѣтками въ рукахъ. Гости двинулись къ дверямъ, соблюдая все тотъ же порядокъ, какъ и за обѣдомъ, т. е. сначала средніе и потомъ уже крайніе и сначала съ одной половины наръ, потомъ съ другой. У дверей ихъ встрѣтили ударами еловыхъ вѣтокъ по спинѣ, сыпавшимися особенно щедро на молодыхъ, которые, пользуясь своею быстротою и ловкостью, старались увернуться, что немало забавляло старыхъ и малыхъ и вызывало общій смѣхъ и веселье. Тѣмъ же самымъ пирующихъ встрѣтила на дворѣ новая толпа юношей и мальчиковъ, пока женщины и дѣвушки неутомимо барабанили по висящему бревну. Этимъ закончилось первое дѣйствіе пира.

Послѣ короткой паузы, когда гости вернулись въ юрту и въ томъ же порядкѣ расположились на нарахъ, началось второе отдѣленіе пира, вполнѣ сходное съ первымъ, съ точно такими же церемоніями и съ такимъ же концомъ, какъ и ранѣе. Стремленіе слѣдовать разъ принятому порядку шло такъ далеко, что даже каждая ложка непремѣнно должна была попадать на свою тарелку, хотя очевидно, что о какой-нибудь брезгливости здѣсь не было и рѣчи. Когда одинъ изъ церемоніймейстеровъ ошибся и положилъ ложку на другую тарелку, его немедленно остановилъ одинъ изъ гостей, и тотъ поспѣшилъ исправить свою ошибку. Только кушанья на этотъ разъ были нѣсколько иныя. Первая смѣна состояла изъ бобовъ съ ложкою рыбьяго жира на каждую порцію (въ предшествующемъ отдѣленіи пира, какъ мы видѣли, бобовая каша, но безъ жира, была послѣднимъ кушаньемъ). До второго кушанья — сухой пшенной кашѣ гости, какъ и въ первомъ отдѣленіи, едва дотронулись, и эта каша была опять свалена обратно въ берестяный коробъ. Третье кушанье состояло изъ сильно мятыхъ ягодъ брусники, облитыхъ рыбьимъ жиромъ. Это кушанье, какъ и первое, пришлось по вкусу, и гости не только ѣли сами, но и дѣлились имъ съ дѣтьми, ко-

1) За эту ручку ковшъ вѣшается на край большого чана для воды, который стоитъ обыкновенно у дверей каждаго дома.

торыхъ подзывали къ себѣ. Окончилось второе отдѣленіе такъ же, какъ и первое, послѣ чего наступилъ болѣе продолжительный перерывъ, которымъ многіе воспользовались, чтобы немного соснуть.

Когда гости снова собрались на своихъ прежнихъ мѣстахъ, началось третье отдѣленіе пира снова съ тремя смѣнами блюдъ. На первое опять подали сухую пшенную кашу, бобы съ рыбьимъ жиромъ на второе и сухую ячменную кашу на третье. Какъ и прежде гости ѣли только бобы, нашедшіе одобреніе и со стороны молодежи, старавшейся также полакомиться, первое же и третье блюдо убрали почти нетронутыми. Въ этомъ третьемъ отдѣленіи пира между вторымъ и третьимъ блюдами, воспользовавшись болѣе длиннымъ промежуткомъ, выступилъ одинъ изъ церемоніймейстеровъ — пожилой, хорошо одѣтый мужчина, который, какъ и многіе изъ гостей, имѣлъ поверхъ шубы поясъ изъ стружекъ. Онъ пропѣлъ и частью продекламировалъ нѣсколько пѣсенъ, чѣмъ доставилъ большое удовольствіе обществу. Другимъ отличіемъ былъ конецъ этого отдѣленія пира, когда нѣсколько молодыхъ людей направились къ висящему передъ юртой бревну и, смѣнивъ женщинъ и дѣвушекъ, начали барабанить, мѣняя темпъ на разные лады.

Четвертое отдѣленіе началось опять такими же церемоніями, какъ и предыдущія, и снова первымъ блюдомъ явилась пшенная каша съ рыбьимъ жиромъ. Но послѣ того, какъ гости ее съѣли, деревянныя тарелки унесли совсѣмъ и вмѣсто нихъ человѣку, раскладывавшему кушанья, подали медвѣжьи ковши (*нехард*). Въ каждый ковшъ онъ влилъ по ложкѣ жидкаго (но холоднаго) медвѣжьяго жира (по ольч. *химса*, т. е. жиръ), прибавилъ сюда сала (по ольч. *ныму*), нарѣзаннаго ломтиками длиною въ дюймъ, шириною $^1/_2$ дюйма и нанизаннаго на тонкія палочки. Затѣмъ къ каждому ковшу онъ приложилъ лопаткообразную палочку и горсть тонкихъ стружекъ (*гіамсасд*), которыя на этотъ разъ, однако, не имѣли никакого священнаго символическаго значенія, а предназначались попросту для обтиранія рта и пальцевъ. Наполненные ковши ставились на полъ, откуда ихъ брали съ обычными церемоніями распорядители и церемоніймейстеры и ставили передъ гостями. Но еще прежде гостей каждую порцію должны были отвѣдать распорядители. Продѣлавъ это съ тремя — четырьмя чашками, они передали свою обязанность другимъ молодымъ людямъ, чтобы дать и тѣмъ возможность немного полакомиться. Эти порціи были такъ щедро отмѣрены, что почетные гости едва ли могли бы ихъ одолѣть, почему къ нимъ на добровольную и усердную подмогу явились обыватели дома и деревни, которые начали уже набираться въ юрту въ ожиданіи пятаго отдѣленія пира. Затѣмъ распорядители, какъ и раньше, обнесли гостей ковшомъ воды. Подъ конецъ всѣ опять поднялись со своихъ мѣстъ и пошли къ дверямъ, гдѣ повторилась обычная заключительная сцена.

Пятое отдѣленіе потребовало нѣкоторыхъ предварительныхъ приготовленій, и потому ему предшествовалъ нѣсколько болѣе длинный антрактъ, чѣмъ обычно. Медвѣжьи ковши, поставленные въ рядъ на полъ, вычистили, для чего всѣ остатки изъ нихъ вывалили въ одинъ и вынесли прочь, а самую посуду дали попрежнему до-чиста вылизать дѣтямъ. Убрали также и берестяные короба съ тѣми кушаньями, которыя остались не съѣденными.

Все это предназначалось для слѣдующаго дня и конечно могло хватить для такого же количества новыхъ гостей, такъ какъ въ первыхъ трехъ отдѣленіяхъ пира половина кушаній осталась почти нетронутой — именно сухія каши, постоянно чередовавшіяся съ приправленными ложкой рыбьяго жира, которыя напротивъ съѣдались безъ остатка. Наконецъ слѣдовало поставить на свои мѣста подъ медвѣжьей этажеркой медвѣжьи ковши и уложить на ея полки маленькія деревянныя лопаточки и *гіамсасá*. Тѣмъ временемъ, домъ все больше и больше наполнялся народомъ, такъ какъ въ послѣднемъ отдѣленіи медвѣжьяго пира могли участвовать кромѣ приглашенныхъ гостей всѣ взрослые мужчины своей деревни. Такихъ гостей набиралось все болѣе, и они размѣщались по другимъ нарамъ. Въ проходѣ между нарами и серединою юрты рѣзвились мальчики, а въ передней части юрты стояли женщины и дѣвушки. При такомъ множествѣ пирующихъ тѣ формальности, которыя до сихъ поръ соблюдались такъ строго распорядителями и церемоніймейстерами, оказывались слишкомъ затруднительными, да повидимому и не такъ нужными. Зато, чтобы ускорить раздачу порцій медвѣжьяго мяса, у раскладывавшаго кушанья явился еще помощникъ. Голова медвѣдя дала первыя двѣ порціи, изъ которыхъ одну составлялъ черепъ съ верхней челюстью, а другую — нижняя челюсть. Каждая порція была положена на круглые куски шкуры съ головы медвѣдя шерстью кверху, покрытые еще слоемъ еловыхъ вѣточекъ. Остальныя блюда, или тарелки состояли также изъ кусковъ медвѣжьей шкуры около фута въ поперечникѣ съ головы или ногъ ранѣе убитыхъ звѣрей. Нѣкоторые изъ нихъ были сшиты изъ нѣсколькихъ лоскутковъ шкуры. Всѣ эти шкуры, равно какъ и деревянныя блюда и медвѣжьи ковши принадлежатъ къ числу постоянной домашней утвари юрты или, вѣрнѣе, всей деревни, такъ какъ, смотря по надобности, они употребляются то въ томъ, то въ другомъ домѣ въ качествѣ общественнаго имущества. Хотя медвѣжье мясо никогда не кладется непосредственно на эти мѣховыя блюда, а всегда на слой еловыхъ вѣтокъ, нельзя однако сказать, чтобы все это выглядѣло особенно чистоплотно, такъ какъ блюда такого рода не подвергаются даже и описанной выше примитивной чисткѣ. Первыя порціи были поставлены передъ двумя важными гостями, занимавшими среднія мѣста на почетныхъ нарахъ, однимъ изъ которыхъ былъ Гилякъ изъ Тылма. Вслѣдъ за тѣмъ получили свои порціи и остальные гости, но уже безо всякихъ церемоній прямо изъ рукъ человѣка, раскладывавшаго кушанья. Порціи были не въ мѣру обильны, такъ какъ къ каждой изъ нихъ кромѣ медвѣжьяго мяса было еще прибавлено семь—восемь большихъ ломтей медвѣжьяго сала. Никто однако не принимался за ѣду, пока въ домѣ не зажгли жировыя лампы. Четыре лампы горѣли на своихъ обычныхъ мѣстахъ, по угламъ юрты, пятая — у одной изъ ея продольныхъ стѣнъ, и наконецъ шестая была устроена спеціально ради этого праздника. Тотчасъ позади медвѣжьей этажерки, въ проходѣ между нею и почетными нарами, прямо передъ обоими сидѣвшими посерединѣ гостями въ полъ воткнули шестъ съ тремя развѣтвленіями на верхнемъ концѣ, между которыми вставили раковину пектена (*Pecten Jessoensis* Jay) съ рыбьимъ жиромъ и небольшой свѣтильней. Небольшое пламя этой лампы бросало свой свѣтъ главнымъ образомъ на медвѣжью эта-

жерку, украшенную еловыми вѣтками и множествомъ стружекъ (*гіамсасá*) и покрытую спускающейся сверху шкурой медвѣдя. Остальныя лампы лишь тускло освѣщали длинные ряды одѣтыхъ въ шубы гостей, сидѣвшихъ съ поджатыми ногами вдоль стѣнъ. Было что-то стройное, но въ то же время и дикое въ этой своеобразной картинѣ. Теперь къ двумъ почетнымъ гостямъ подошелъ одинъ изъ тѣхъ, что занимались раздачей кушаній, отрѣзалъ по кусочку отъ ихъ порцій, равно какъ и отъ порцій ближайшихъ гостей, сложилъ все это на свое блюдо и унесъ съ собою. Тогда только оба почетныхъ гостя прикоснулись къ своимъ тарелкамъ и начали ѣсть, подавая примѣръ сотрапезникамъ. Около пирующихъ собрались кучки большихъ и маленькихъ зрителей, а два молодыхъ человѣка обошли ряды гостей съ особыми медвѣжьими сосудами, собирая понемногу медвѣжьяго мяса и сала для тѣхъ, которые не участвовали въ пирѣ, между прочимъ для женщинъ и дѣвушекъ, которыя на этотъ разъ также получили по лакомому куску.

Было уже ½ 8-го вечера, такъ что пиръ, значитъ, продолжался уже 7½ часовъ и, судя по количеству остававшихся яствъ, долженъ былъ затянуться надолго. Къ сожалѣнію я не могъ здѣсь болѣе оставаться, такъ какъ въ это время года, когда ледъ на рѣкѣ обильно покрытъ водой, приходилось особенно дорожить ночными переѣздами.

Сопоставимъ теперь второй актъ медвѣжьяго праздника у Ольчей съ тѣмъ, что мы видѣли у Гиляковъ. При большомъ сходствѣ какъ въ главныхъ чертахъ, такъ и въ деталяхъ этого праздника у обоихъ народовъ, чувствуется однако совершенно различная внутренняя подкладка. У Гиляковъ медвѣжій праздникъ видимо имѣетъ самобытный характеръ, у Ольчей — заимствованный. Цѣль праздника, правда, у обоихъ одна и та же, чисто утилитарная, имѣющая въ виду полное уничтоженіе мяса убитаго медвѣдя. Но достигается она обоими народами различно. У Гиляковъ медвѣжій праздникъ вытекаетъ изъ идеи медвѣжьяго культа или, по крайней мѣрѣ, связанъ съ нею. Поэтому то весь ритуалъ праздника внушается чувствомъ благоговѣнія къ могучему хищнику или же суевѣрнаго страха къ нему и къ духамъ, которые могутъ явиться мстителями за его обиды. Поэтому то ему отводятъ въ юртѣ почетное мѣсто, всему, что дѣлаютъ съ нимъ, придаютъ такой видъ, какъ будто это дѣлается съ его позволенія, неохотно, точно въ силу необходимости, причемъ всѣми силами стараются сложить съ себя всякую отвѣтственность. У Ольчей, напротивъ, едва ли можно подмѣтить что-либо подобное. Единственное, чѣмъ выражается у нихъ (на сколько мнѣ конечно удалось замѣтить) слабое проявленіе суевѣрныхъ представленій о медвѣдѣ въ связи съ медвѣжьимъ праздникомъ, было то, что они ни за что не хотѣли продать мнѣ медвѣжьяго мяса и считали за *уичъ* (понятіе, также заимствованное отъ Гиляковъ) выносить изъ юрты во время медвѣжьяго праздника огонь, взятый съ очага, тогда какъ въ другое время это отнюдь не воспрещается. Боязливое, суевѣрное, съ извѣстной религіозной окраской поведеніе Гиляковъ у Ольчей превращается въ пустой церемоніалъ, въ рядъ педантически соблюдаемыхъ формальностей — словомъ въ нѣчто такое, что скорѣе ожидаешь встрѣтить у имѣющихъ за плечами цѣлыя тысячелѣтія китайцевъ, чѣмъ у первобытнаго народа. Очень можетъ быть, что такое

измѣненіе обычая, первоначально чуждаго Ольчамъ, не имѣющаго корней въ самомъ народѣ, произошло у нихъ подъ маньчжуро-китайскимъ вліяніемъ. Кушанья, подаваемыя у нихъ на пиру, за единственнымъ исключеніемъ медвѣжьяго мяса и сала, всѣ маньчжуро-китайскаго происхожденія, тогда какъ у Гиляковъ въ силу стариннаго обычая выдающуюся роль играетъ осетрина, бѣлужина и мось, приготовляемая также изъ рыбы (изъ породы лососевыхъ). Правда, употребленіе въ пищу иноземныхъ — маньчжуро-китайскихъ яствъ и у Гиляковъ также сопровождается усиленными формальностями. Это впрочемъ объясняется тѣмъ, что кушанье, принесенное изъ чужой страны, а значитъ и болѣе или менѣе рѣдкое, всегда выводитъ первобытнаго человѣка изъ обыденной будничной колеи и вызываетъ въ немъ праздничное, приподнятое настроеніе духа. Обиліе у Ольчей сравнительно съ Гиляками маньчжуро-китайскихъ кушаній обусловливается безъ сомнѣнія ихъ болѣе близкимъ сосѣдствомъ съ Китайцами, а также и тѣмъ, что среди Ольчей и Гольдовъ постоянно живетъ много китайскихъ купцовъ. Наконецъ Ольчи и Гольды ведутъ гораздо болѣе оживленныя и регулярныя, чѣмъ у Гиляковъ, сношенія съ китайцами на Сунгари.

Покончивъ съ этимъ отступленіемъ, которое мнѣ казалось необходимымъ для проведенія параллели между праздниками у Ольчей и Гиляковъ, вернемся снова къ главному предмету нашихъ наблюденій, а именно къ медвѣжьему празднику у Гиляковъ. Мы не знаемъ еще, что дѣлается съ черепомъ и костями медвѣдя, когда его мясо, сало и внутренности уже съѣдены. Къ сожалѣнію, самъ я не былъ свидѣтелемъ конца медвѣжьихъ празднествъ и могу потому сообщить здѣсь лишь то, что частью слышалъ отъ Гиляковъ, а частью долженъ предположить изъ ряда другихъ фактовъ. Дитмаръ также уѣхалъ изъ Тебаха до настоящаго конца праздника. Въ концѣ своихъ замѣтокъ онъ выражаетъ предположеніе, что дальнѣйшее пребываніе его въ Тебахѣ вызвало бы вѣроятно неудовольствіе Юдина и другихъ Гиляковъ. Въ словахъ Юдина, неоднократно говорившаго Дитмару, что ему не дождаться конца праздника, который можетъ затянуться еще надолго, Дитмаръ видѣлъ очевидное желаніе заставить его поскорѣе уѣхать. Наканунѣ того дня, когда впервые начали ѣсть медвѣжье мясо, головы медвѣдей, по свидѣтельству Дитмара, оставались еще въ полной неприкосновенности со своими повязками. На медвѣжьемъ праздникѣ у Ольчей въ деревнѣ Уда я вовсе не видалъ повязки на головѣ медвѣдя, которая тогда была уже вѣроятно удалена, если только она вообще надѣвается у Ольчей въ такихъ случаяхъ на медвѣдя. При мнѣ черепъ и нижняя челюсть животнаго были уже отдѣлены отъ шкуры и поданы гостямъ въ тотъ же моментъ, когда принялись за ѣду медвѣжьяго мяса. Черепъ былъ совершенно цѣлъ, и я до конца не видѣлъ ни капли мозга. Врядъ ли, однако, можно допустить, чтобы они рѣшились отказаться отъ столь лакомаго куска, добыть который, не разбивая черепа, почти невозможно. Съ большимъ правомъ можно предположить, что и Гиляки, у которыхъ Ольчи заимствовали всю процедуру медвѣжьихъ празднествъ, поступаютъ такъ же, т. е., съѣвъ предварительно всѣ другія части медвѣжьей туши, отдѣляютъ въ заключеніе голову животнаго отъ шкуры и разбиваютъ черепъ, чтобы воспользоваться

мозгомъ. Весьма возможно, что раздробленіе черепа медвѣдя принадлежитъ къ числу тайныхъ операцій или по крайней мѣрѣ такихъ, которыя охотнѣе совершаются не на глазахъ чужестранцевъ. Потому то, должно быть, и былъ такъ желателенъ отъѣздъ Дитмара изъ Тебаха. Какъ отдѣленіе черепа отъ шкуры, такъ и его раскалываніе происходятъ, вѣроятно, внутри юрты, гдѣ вслѣдъ за тѣмъ немедленно съѣдаются мягкія части головы и мозгъ. Въ пользу этого предположенія говоритъ, между прочимъ, и то, что уже ко второму отдѣленію пира въ домъ принесли орудіе, которое служитъ для раскалыванія медвѣжьяго черепа. Это остроконечный топоръ (по гил. *мычинг*), изображенный у насъ на Таб. LI, фиг. 5. Рисунокъ этотъ представляетъ снимокъ съ экземпляра, который лежалъ во время медвѣжьяго праздника въ домѣ Юдина на медвѣжьей этажеркѣ. Топоръ этотъ, судя по общему виду, особенно по топорищу и по способу прикрѣпленія къ топорищу, несомнѣнно принадлежитъ къ орудіямъ самыхъ отдаленныхъ временъ. Несомнѣнно, это было прежде каменное орудіе, въ которомъ лишь впослѣдствіи каменную часть замѣнили желѣзной [1]).

Въ заключеніе, когда наконецъ мозгъ медвѣдя съѣденъ, его черепъ и обглоданныя, собранныя вмѣстѣ кости вмѣстѣ со шкурой переносятся въ лѣсъ по сосѣдству съ домомъ. Перенесеніе это по словамъ Гиляковъ совершается самыми старыми жителями деревни также съ извѣстною торжественностью. Въ лѣсу всѣ кости за исключеніемъ черепа попросту зарываются въ землю. Какъ поступаютъ съ черепомъ, мнѣ удалось узнать только послѣ долгихъ разспросовъ и изслѣдованій у нѣкоторыхъ сосѣднихъ народовъ. Тотъ остроконечный топоръ каменнаго періода, о которомъ шла рѣчь выше, употребляется для той же цѣли также и Гольдами, судя по слѣдамъ отъ удара, которые остаются на черепѣ животнаго. Отказывая себѣ въ удовольствіи полакомиться медвѣжьимъ мозгомъ, Гольды не разбиваютъ совершенно черепа звѣря, а пробиваютъ ему только дыру на темени и вѣшаютъ за одну изъ скуловыхъ дугъ на дерево, избираемое нарочно для этого. На такое дерево, увѣшанное медвѣжьими черепами, я наткнулся около Бури — неподалеку отъ устья Уссури. Когда я взлѣзъ на дерево, чтобы добыть наилучше сохранившіеся экземпляры, я увидѣлъ, что на каждомъ изъ череповъ было по большой дырѣ, пробитой въ правой или лѣвой темянной кости [2]). У Гиляковъ напротивъ мнѣ часто попадались деревья, увѣшанныя черепами бѣлугъ, но никогда медвѣжьими, хотя количество медвѣдей, которыхъ они ловятъ, убиваютъ и съѣдаютъ ежегодно, у нихъ гораздо больше, чѣмъ у Гольдовъ. Это несомнѣнно указываетъ на то, что Гиляки не въ примѣръ Гольдамъ, кромѣ того что раздробляютъ и раскалываютъ медвѣжьи черепа, еще и прячутъ ихъ куда то отъ постороннихъ глазъ не менѣе тщательно, чѣмъ другія кости. Дѣйствительно, я не разъ натыкался въ лѣсу близъ гиляцкихъ жилищъ на мѣста, которыя при внимательномъ

---

1) Изображенный на фиг. 4 той же таблицы топоръ для убиванія осетровъ и бѣлугъ имѣетъ и въ настоящее время каменное лезвіе (см. Т. II, стр. 207). Подпись на Т. LI должна быть исправлена соотвѣтственнымъ образомъ.

2) Здѣсь то я нашелъ самый большой изъ всѣхъ доселѣ извѣстныхъ череповъ *Ursus arctos* (въ 450 мм. длины). О немъ я подробно говорилъ въ первой части моего труда (Reisen und Fosrchungen. p. 8—16).

осмотрѣ оказывались усѣянными медвѣжьими черепами. Молодыя деревья на такихъ мѣстахъ были срублены на высотѣ нѣсколькихъ дюймовъ отъ земли, и остающійся пенекъ расщепленъ на двое. Медвѣжій черепъ, расколотый до самаго основанія, вклинивается въ расщелину пенька, при чемъ обѣ половины ствола проходятъ сквозь его скуловыя дуги и крѣпко держатъ черепъ на близкомъ разстояніи отъ земли. Кромѣ того съ каждой стороны въ землю вбивается сквозь скуловую дугу по короткому деревянному клину. Если такое мѣсто успѣло зарости травой, при бѣгломъ взглядѣ на немъ конечно ничего не замѣтно. Этотъ способъ сохраненія медвѣжьихъ череповъ перешелъ отъ Гиляковъ къ Ольчамъ, а отъ нихъ и къ близко сроднымъ съ ними Самогирцамъ—ихъ непосредственнымъ сосѣдямъ на озерѣ Удылѣ и въ другихъ мѣстахъ. Въ окрестностяхъ деревни Нгагхи на Горинѣ я дважды нашелъ такія мѣста съ медвѣжьими черепами. На одномъ изъ нихъ среди рѣдкаго березняка, на пространствѣ шаговъ тридцать въ окружности я насчиталъ до девяти череповъ, прикрѣпленныхъ по тому же способу, какъ у Гиляковъ. Такъ какъ вѣроятно здѣсь же зарываются и остальныя медвѣжьи кости, эти пространства съ медвѣжьими черепами можно назвать просто медвѣжьими кладбищами.

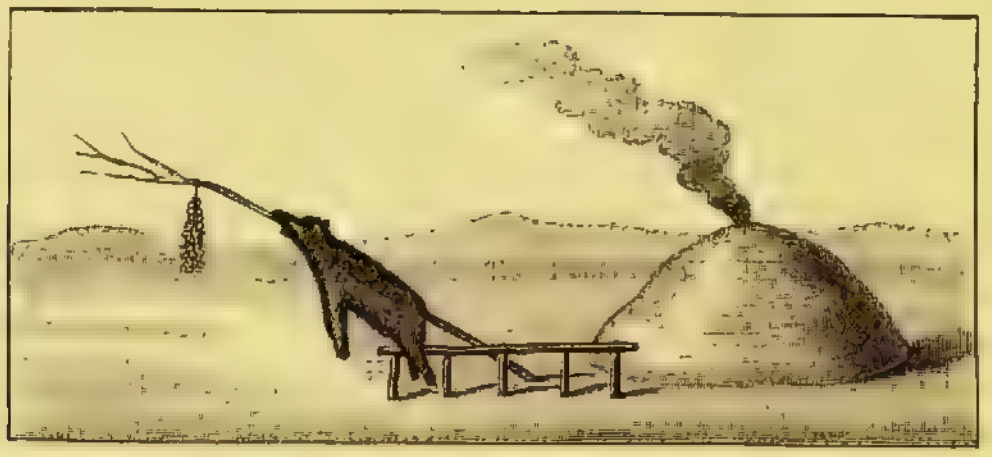
Напротивъ того **Гольды** вѣшаютъ на деревья не только черепа медвѣдей, но и остальныя кости, пригодныя для этого. Такъ напримѣръ у деревни Бичуй на устьѣ Горина я нашелъ однажды на вышинѣ нѣсколькихъ футовъ на пнѣ сломленнаго дерева разбитый или развалившійся самъ собою медвѣжій черепъ. Тутъ же пониже висѣли въ кустарникѣ разныя другія кости, въ томъ числѣ лопатка и нѣсколько спинныхъ позвонковъ, нанизанныхъ на вѣтви при помощи Foramina vertebralia, а около гольдскіе берестяные бураки и короба, какіе встрѣчаются и на мѣстахъ погребенія людей. Очевидно, это были жертвы, принесенныя тѣни убитаго звѣря.

Нельзя допустить, чтобы сахалинскіе **Гиляки** существенно отличались отъ своихъ материковыхъ одноплеменниковъ, какъ по своимъ воззрѣніямъ на медвѣдя, такъ и по главнымъ особенностямъ посвященныхъ ему празднествъ. Это рѣшительно невозможно, если принять въ соображеніе, что Гиляки переселились на Сахалинъ, гдѣ нашли себѣ было новое отечество, съ устьевъ Амура, откуда уже тѣснимые Айнами вернулись большею частью обратно на материкъ [1]). Если въ частностяхъ, какими медвѣжьи празднества обставлены у тѣхъ и другихъ Гиляковъ, мы находимъ все-таки значительную разницу, то она прежде всего обусловливается размѣрами и способами постройки гиляцкихъ жилищъ на Амурѣ и на Сахалинѣ.

Насколько невзрачна подземная юрта сахалинскихъ Гиляковъ, имѣющая форму конусообразнаго холма, срѣзаннаго на вершинѣ, почернѣвшаго отъ проходящаго дыма, настолько убого и ея убранство во время медвѣжьихъ празднествъ. Обыкновенно передъ входомъ стоятъ воткнутыя въ снѣгъ одна — двѣ молодыхъ елки съ обрубленными снизу вѣтвями и курчавыми стружками (*цахъ*) на верхушкѣ, которыми украшены также и вѣтви

1) См. т. I, стр. 221, 257; т. II стр. 254, 256 этого труда.

окружныхъ кустарниковъ. Въ случаѣ, если за нѣсколько недѣль, за мѣсяцъ или даже за годъ передъ тѣмъ въ этой самой юртѣ уже былъ съѣденъ другой медвѣдь, его шкура также идетъ на внѣшнее убранство дома; ее растягиваютъ на длинномъ, крѣпкомъ шестѣ, который втыкаютъ наискось въ снѣгъ, иногда подпирая еще невысокими перильцами. Передъ шкурой прикрѣпляется обычный пучекъ *цаха*. Такъ я видѣлъ въ Тыкѣ, Дуѣ, Ивлкѣ, Пудъ-во и другихъ мѣстечкахъ на западномъ берегу Сахалина, равно какъ и въ долинѣ рѣки Тымы. Если у шкуры не хватаетъ ногъ и головы, которыя въ прошлый праздникъ были отрѣзаны, чтобы служить на пиру блюдами, ихъ снова пришиваютъ на свое мѣсто, такъ чтобы шкура казалась цѣльной.



Шкура медвѣдя, вывѣшенная передъ юртой.

Узкій, низкій, темный входъ подземной юрты, закрывающійся вмѣсто двери двигающейся горизонтально доской, не даетъ возможности провести внутрь медвѣдя, притомъ почти вся юрта занята тремя нарами и очагомъ, такъ что въ ней не хватило бы мѣста для выставки даже одного звѣря, не говоря уже о двухъ или трехъ [1]). Поэтому то сахалинскимъ Гилякамъ приходится, насколько у нихъ еще существуетъ подземная юрта, поневолѣ отказываться на своихъ медвѣжьихъ празднествахъ отъ тѣхъ удовольствій, какія въ такомъ ходу у ихъ одноплеменниковъ на Амурѣ. Удовольствія эти становятся имъ доступны лишь по мѣрѣ замѣны подземной юрты (*торыфъ*) домами китайскаго образца (*чадрыфъ*), какъ это уже случилось на материкѣ, гдѣ излюбленныя нѣкогда подземныя юрты настолько уже вытѣснены китайскими домами, что я засталъ на Амурѣ всего лишь одну такую юрту — въ Пэтахи. Та же самая замѣна наблюдалась въ значительной степени и на Лиманскомъ берегу Сахалина [2]). Благодаря консервативному духу, общему всѣмъ первобытнымъ народамъ, Гиляки, вѣроятно, и въ данномъ случаѣ отнеслись сначала враждебно къ нововведенію, которое должно было внести полную перемѣну въ

1) См. планъ и устройство гиляцкой земляной юрты т. II, стр. 12 настоящаго труда.

2) См. т. II, стр. 22.

обычный строй ихъ жизни, но новое жилище представляло такъ много преимуществъ, благодаря своему положенію на одномъ уровнѣ съ землей, большему простору какъ вообще, такъ и для медвѣжьихъ празднествъ, что легко смогло преодолѣть всѣ предубѣжденія, да при практическихъ наклонностяхъ Гиляковъ противодѣйствіе это и не могло продолжаться долго. Когда Амурскіе Гиляки то и дѣло выводятъ за дверь медвѣдя и вводятъ его обратно, повторяя это безъ всякой нужды по всѣмъ домамъ своей деревни, это производитъ впечатлѣніе, какъ будто они и до сихъ поръ еще не могутъ достаточно насладиться бо̀льшими размѣрами, удобствомъ и лучшей приспособленностью къ медвѣжьимъ празднествамъ своихъ теперешнихъ жилищъ въ сравненіи съ прежними неудобствами, которыя до сихъ поръ еще стѣсняютъ ихъ одноплеменниковъ на Сахалинѣ. И на самомъ дѣлѣ этотъ обычай континентальныхъ Гиляковъ представляетъ повидимому не что иное, какъ вошедшее въ привычку выраженіе своего удовольствія по поводу коренныхъ измѣненій въ постройкѣ ихъ жилищъ.

Другое отличіе въ ходѣ медвѣжьихъ празднествъ у сахалинскихъ и континентальныхъ Гиляковъ замѣчается при перенесеніи изъ лэзнга въ юрту медвѣжьихъ головъ. На материкѣ ихъ вносятъ въ домъ не черезъ дверь, а черезъ окно, но подземная юрта совсѣмъ не имѣетъ оконъ и получаетъ свѣтъ лишь черезъ дымовое отверстіе, которое и представляетъ за исключеніемъ двери единственное сообщеніе съ внѣшнимъ міромъ. Я думаю, что у сахалинскихъ Гиляковъ медвѣжью голову изъ лэзнга передаютъ въ юрту именно черезъ это отверстіе. Въ домахъ китайскаго образца это почти невозможно, а потому амурскіе Гиляки и пользуются для этого окномъ, что гораздо удобнѣе. Это предположеніе относительно сахалинскихъ Гиляковъ мнѣ кажется подтверждается тѣмъ, что надъ юртой, гдѣ съѣденъ медвѣдь, растягиваютъ по окончаніи пира надъ дымовымъ отверстіемъ шкуру съѣденнаго животнаго на наклонномъ шестѣ, на верхушкѣ котораго прикрѣпленъ пучекъ курчавыхъ стружекъ, какъ я это видѣлъ въ деревнѣ Тыкъ. У дымового же отверстія оставляютъ и вырѣзанную изъ бересты жабу, тогда какъ медвѣжья голова со всей шкурой спускается чрезъ него прямо на площадку очага.

Внутри жилья ставится для медвѣжьей головы точно такая же этажерка, какъ и на материкѣ, изъ ольховыхъ, не очищенныхъ отъ коры прутьевъ, въ изобиліи украшенныхъ ельникомъ. Она возвышается какъ разъ у задней части площадки для очага — въ проходѣ между нимъ и почетными нарами — слѣдовательно на мѣстѣ, вполнѣ соотвѣтствующемъ тому, какое она занимаетъ въ гиляцкихъ домахъ китайской постройки. Такъ какъ площадка для очага въ большой подземной юртѣ очень обширна, то на ней разводятъ два огня, соотвѣтственно двумъ очагамъ въ *чадрыф'ъ*. Надъ ними висятъ съ балокъ юрты котлы, въ которыхъ варятъ медвѣжье мясо и другія кушанья. Огонь, лежащій ближе другого къ медвѣжьей этажеркѣ, называется *котръ* или *чхыфъ-туръ*[1]), т. е. медвѣжій огонь. Во время варки медвѣжьяго мяса, да и вообще въ теченіе всего праздника на немъ жгутъ еловыя

1) Такъ на Сахалинѣ обыкновенно называютъ медвѣдя.

вѣтки, запахъ которыхъ такъ пріятенъ Гилякамъ, или же на сѣверномъ Сахалинѣ вѣтви кедроваго сланца, растущаго въ изобиліи на островѣ.

Существеннымъ украшеніемъ внутренности подземляной юрты являются древесныя стружки (*цахъ*) — символъ святости, чистоты и неприкосновенности. Въ обычное время стружки эти свѣшиваются длинными пучками съ середины четырехъ поперечныхъ балокъ, поддерживающихъ конусообразную крышу юрты, ко времени же медвѣжьихъ праздниковъ число ихъ увеличивается еще четырьмя пучками, которые развѣшиваются въ четырехъ углахъ юрты. Въ гиляцкихъ домахъ на материкѣ такихъ пучковъ, подвѣшенныхъ къ двумъ главнымъ столбамъ юрты, только два, да и то не всегда; ихъ число повидимому увеличивается по мѣрѣ приближенія къ странѣ Аиновъ, у которыхъ они называются *шнау*.

На медвѣжьемъ праздникѣ въ Тыкѣ я оставался пока не съѣли всего медвѣжьяго мяса, слѣдовательно почти до конца второго большого отдѣленія пира. На этажеркѣ еще лежали отдѣльныя части медвѣдя, и въ томъ числѣ очищенный уже отъ мяса черепъ, который я попытался купить у хозяина медвѣдя, но получилъ разумѣется отказъ. Часть Гиляковъ еще продолжала сидѣть на нарахъ и ѣсть. Другіе толпились въ проходахъ между очагомъ и нарами, стараясь каждый ухватить тамъ и сямъ кусочекъ мяса. Одинъ изъ домочадцевъ собиралъ у гостей въ корытце куски порцій для женщинъ и дѣтей. Такія же корытца съ кусочками медвѣжьяго мяса разносились и по другимъ юртамъ деревни. Если уже у амурскихъ Гиляковъ, какъ мы видѣли, въ этотъ моментъ пира прекращаются всѣ церемоніи и формальности, то здѣсь въ Тыкѣ ихъ не осталось и слѣда, и въ тѣсной юртѣ всѣ двигались сплошною толпою безъ всякаго порядка. Блюда изъ хлѣбныхъ и овощныхъ продуктовъ маньчжуро-китайскаго происхожденія, столь обильныя у континентальныхъ Гиляковъ, здѣсь, повидимому, вовсе не подавались ранѣе медвѣжьяго мяса. Хозяинъ медвѣдя и пира былъ очевидно не изъ зажиточныхъ, да эти продукты и вообще мало распространены на Сахалинѣ, доходя сюда къ тому же лишь при посредствѣ Амурскихъ Гиляковъ и Ольчей. Немудрено поэтому, что въ Дуѣ, гдѣ вскорѣ послѣ того былъ медвѣжій праздникъ, пришлось для удовлетворенія многочисленныхъ гостей устроить вслѣдъ за обычнымъ пиромъ немедленно другой, дополнительный, въ которомъ за недостаткомъ иныхъ лакомствъглавное угощеніе составляло собачье мясо, о чемъ мы уже упоминали выше [1]), говоря о кинофагіи у Гиляковъ.

Поразительнымъ для меня являлось полное отсутствіе здѣсь тѣхъ увеселеній, которыми сопровождаются медвѣжьи празднества амурскихъ Гиляковъ. На Сахалинѣ я не видалъ ни собачьихъ бѣговъ, ни какихъ-нибудь игръ. Сопоставляя все это, невольно приходишь къ заключенію, что у сахалинскихъ Гиляковъ въ области исключительнаго распространенія подземной юрты, именно на Сѣверо-Японскомъ и Охотскомъ побережьяхъ, и въ долинѣ рѣки Тымы, благодаря ихъ большей обособленности и, вообще, меньшему благосостоянію, а также и менѣе удобнымъ жилищамъ, медвѣжьи празднества далеко не

1) т. II стр. 124—125.

достигаютъ той степени развитія, какъ у ихъ одноплеменниковъ на Амурѣ, гдѣ они протекаютъ всегда съ большимъ оживленіемъ и привлекаютъ на мѣсто праздника жителей различныхъ, иногда даже довольно дальнихъ деревень. Понятно поэтому, что у сахалинскихъ Гиляковъ медвѣжій праздникъ далеко не имѣетъ того общественнаго значенія, какъ у амурскихъ.

Посмотримъ теперь ради сравненія, чѣмъ отличается медвѣжій праздникъ у **Аиновъ** на Сахалинѣ и на Іезо. Отдѣльныя свѣдѣнія объ этомъ встрѣчаются уже въ XVIII столѣтіи, а въ японской литературѣ конечно и раньше. Подробное описаніе медвѣжьихъ празднествъ у Аиновъ на Іезо даетъ д-ръ Шейбе [1]), а у Аиновъ на Сахалинѣ г-да Рудановскій [2]) и Буссе [3]). Первый былъ на такомъ праздникѣ въ мѣстечкѣ Кунуй, лежащемъ на заливѣ Вулкана (Vulkan-Bai), а оба послѣднихъ въ деревнѣ Суссуѣ на рѣчкѣ того же имени, впадающей въ Анивскую Губу.

Хотя Аины обоготворяютъ медвѣдя, называя его: *Кимуй — Камуй* или, согласно Зибольду, *Хокіокъ — Камуй* [4]), и считаютъ, судя по словамъ Добротворскаго, за сына бога горъ и лѣсовъ (по аин. *нубури — камуй* [5]), относясь къ нему съ суевѣрнымъ страхомъ и почтеніемъ, это не мѣшаетъ имъ убивать медвѣдя и ѣсть его мясо съ соблюденіемъ лишь нѣкоторыхъ старинныхъ обычаевъ и церемоній, — цѣль которыхъ снять съ себя всякую отвѣтственность и избавиться отъ мести духовъ убитаго звѣря. Д-ръ Шейбе даже полагаетъ, что по своей идеѣ какъ медвѣжій праздникъ (*Йоманте*) у Аиновъ [6]), такъ и предшествующее ему выкармливаніе медвѣженка, въ сущности представляетъ не что иное, какъ жертву, приносимую всему медвѣжьему роду въ видѣ искупленія за обиды, ему причиняемыя — взглядъ, съ которымъ я никакъ не могу согласиться. Я гораздо болѣе склоненъ думать, что Аины съ присущей имъ во всемъ утилитарной точкой зрѣнія прибѣгаютъ ко всѣмъ этимъ обрядамъ и церемоніямъ лишь подъ вліяніемъ страха и суевѣрія, какъ къ средству спокойно и безнаказанно употреблять въ пищу медвѣжье мясо. Поэтому осповные мотивы медвѣжьяго праздника у Аиновъ мнѣ кажутся совершенно тѣми же, что и у Гиляковъ, какъ весьма сходны, по крайней мѣрѣ въ главныхъ чертахъ, обычаи и пріемы, которыхъ держатся при этомъ оба народа.

Уже японецъ Каннемонъ разсказываетъ въ своемъ *Іезо — ки*, что Аино, найдя медвѣженка, приносятъ его домой, гдѣ ихъ жены выкармливаютъ найденыша грудью [7]).

---

1) Dr. B. Scheube, Bärenkultus und Bärenfeste der Aino (Das Ausland, Jahrg. 1881, Nr. 16, p. 303—308; Mittheil. der deutsch. Gesellsch. für Natur—und Völkerkunde Ostasiens, 1880, Heft 22.

2) См. П. Тихменевъ, Истор. обозр. образ. Россійско-америк. компаніи, С.-Петерб. 1863, Ч. II, стр. 125—127.

3) Н. Буссе, Остр. Сахалинъ и Экспед. 1853—54 гг. С.-Петерб. 1872, стр. 54—57.

4) Scheube, l. c. Siebold, Aardr.—en volkenk. toelicht tot de ontdekk, van Vries, p. 110.

5) Добротворскій, Аинско-русскій словарь. Прилож. къ Учен. Зап. Импер. Казанск. Унив. 1875 г. стр. 41.

6) Согласно Маміа Ринсѣ, медвѣжій праздникъ у Аиновъ на Іезо называется *omcia*, C. Siebold, Nippon, VII, p. 189, 203.

7) Titsingh, Ieso—ki ou description de l'île d'Iesso, composée par Kannemon en 1652 (Malte-Brun, Ann. des Voyages T. XXIV, Paris 1814 p. 154). Сравн. также Klaproth, San kokf. tsou ran to sets, ou aperçu général des trois royaumes. Paris, 1832, p. 236.

Разсказъ — очень мало правдоподобный, хотя по словамъ д-ра Шейбе онъ видѣлъ на медвѣжьемъ праздникѣ въ Куннуи такую медвѣжью кормилицу, которая печально сидѣла въ сторонѣ, заливаясь по временамъ слезами, и скорбь которой показалась д-ру Шейбе вполнѣ неподдѣльной и искренней, вызванной не пустымъ соблюденіемъ обычая, а какъ бы дѣйствительнымъ сокрушеніемъ по судьбѣ своего питомца. Тѣмъ не менѣе это не помѣшало ей принять позднѣе дѣятельное участіе въ обычныхъ танцахъ, отчасти даже управлять ими. Оплакиваніе и упрашиваніе медвѣдя, имѣя цѣлью избавить пирующихъ отъ всякой отвѣтственности за его гибель, составляетъ одну изъ неотъемлемыхъ принадлежностей праздника. Поэтому и мнимую печаль женщины, о которой говоритъ д-ръ Шейбе, по моему мнѣнію всего скорѣе возможно признать за одно изъ проявленій все того же понятія, общаго и Аинамъ и Гилякамъ и другимъ родственнымъ народамъ. Во всякомъ случаѣ я у Гиляковъ не слыхалъ ничего, что подтверждало бы разсказъ Каннемона объ Аино. Первой же пищей медвѣжатъ гораздо удобнѣе можетъ служить жидкая мось. Медвѣженокъ сначала пользуется полной свободой, потомъ его садятъ въ небольшую клѣтку въ углу юрты и наконецъ, когда онъ выростаетъ въ большого медвѣдя, его переводятъ въ болѣе прочное, спеціальное помѣщеніе, такой же приблизительно конструкціи, какъ у Гиляковъ. Въ это время его кормятъ уже рыбой [1]). Все отличіе аинской медвѣжьей тюрьмы отъ гиляцкой состоитъ въ томъ, что снаружи по ея угламъ непремѣнно ставится по довольно длинному шесту съ подвѣшенными къ нему спиралями изъ тонкихъ стружекъ [2]). Объ этихъ украшеніяхъ говоритъ уже Коенъ—штурманъ одного изъ судовъ, плававшихъ подъ командою капитана Vrieca (Vries), который видѣлъ ихъ при открытіи Анивской гавани въ 1643 году [3]).

Эти шесты или палки съ подвѣшенными спиралями изъ стружекъ (у Сахалинскихъ Аино — *инау* или *инао*, на Іезо *инабо*) играютъ весьма важную роль въ медвѣжьихъ празднествахъ у Аино. Образцами для нихъ послужили вѣроятно посохи Геи или Гогеи, украшенные бумажными полосками и употребляемые какъ символы божества и святости въ старо-японскомъ богослуженіи—Ками (*Синто*) [4]). Кромѣ медвѣжьей тюрьмы или клѣтки ими въ изобиліи украшаютъ внутри и снаружи также и юрту, а равно и то мѣсто, лежащее на востокъ отъ юртъ, гдѣ позднѣе будетъ убитъ медвѣдь. Другимъ декоративнымъ украшеніемъ на медвѣжьихъ празднествахъ являются у Аиновъ бамбуковые листья, прикрѣпленные иногда сами по себѣ, а иногда вмѣстѣ съ шестами со стружками. Шейбе полагаетъ, что эти вѣчно зеленые, неизмѣняющіеся листья должны выражать пожеланіе, чтобы убитый медвѣдь могъ снова ожить. Мы видѣли, что Гиляки на сѣверѣ Сахалина и на Амурѣ, гдѣ бамбукъ не растетъ, берутъ вмѣсто него вѣтви также вѣчно зеленыхъ елей и кедровъ. Кромѣ того Гиляки жгутъ ихъ иглы на огнѣ, посвященномъ медвѣдю, въ

---

1) Крузенштернъ (Krusenstern, Reise um die Welt, Bd. II, p. 79) и Лангсдорфъ (Langsdorff, Bemerk. auf einer Reise um die Welt, Bd. I, p. 285) видѣли медвѣжатъ въ Румянцевской гавани на Іезо и въ Анивской на Сахалинѣ почти въ каждой хижинѣ Аино.

2) См. также Scheube, l. c.

3) Siebold, Aardr. en volkenk.—toelicht, etc. p. 110.

4) Scheube, l. c. Siebold, Nippon, VII, p. 203.

надеждѣ, что дымъ и запахъ вызоветъ къ нимъ благорасположеніе убитаго звѣря и передастъ ему, если не желаніе ихъ видѣть его снова живымъ, то по крайней мѣрѣ выраженія чувствъ почтенія и уваженія.

Маміа Ринсо [1]) сообщаетъ, что у Айновъ на Сахалинѣ обычному медвѣжьему празднику иногда предшествуетъ еще другой, во время котораго двухъ-трехъ годовому медвѣдю притупляютъ клыки, чтобы онъ не могъ кого-нибудь поранить своими зубами. Звѣря въ такихъ случаяхъ вытаскиваютъ петлею изъ клѣтки, привязываютъ ему ноги къ шестамъ такъ, чтобы онъ не могъ подняться, и послѣ этого спиливаютъ концы клыковъ при помощи особаго орудія собственнаго изготовленія въ видѣ пилки. Болѣе храбрые и отважные, а также несомнѣнно и болѣе опытные въ обращеніи съ медвѣдемъ Гиляки избѣгаютъ прибѣгать къ этой мѣрѣ и, напротивъ, считаютъ весьма почетной рану, нанесенную медвѣдемъ — что случается съ ними нерѣдко.

Передъ самымъ умерщвленіемъ медвѣдя, за которымъ слѣдуетъ уничтоженіе пирующими его мяса, Айны, сначала мужчины, а за ними т. н. кормилица медвѣдя и нѣкоторыя другія старухи приносятъ жертву возліянія богу огня передъ очагомъ, украшеннымъ *инау*, а затѣмъ другую — домашнему богу въ углу, посвященномъ ему. Для этого они берутъ лѣвой рукой чашку съ саки и поднимаютъ ее ко лбу, а правой обмакиваютъ въ жидкость плоскую, заостренную съ одного конца палочку, которая передъ тѣмъ лежала поперекъ чашки. Затѣмъ они стряхиваютъ съ палочки нѣсколько капель на полъ или же, если жертва приносится богу огня, въ огонь и нѣсколько разъ водятъ палочкой по воздуху въ горизонтальномъ направленіи, бормоча про себя какія то слова, которыхъ Шейбе не могъ разобрать. Такое же возліяніе повторяется и передъ медвѣжьей клѣткой, послѣ чего женщины и дѣвушки танцуютъ передъ ней, обращаясь къ медвѣдю съ ласкающими взглядами и движеніями.

---

1) Siebold, Nippon, VII p. 189.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Изъ оставшихся послѣ автора путевыхъ замѣтокъ и дневниковъ.

I. Религіозныя представленія амурскихъ инородцевъ. Идолы. Амулеты. Шаманы.

Религіозныя представленія.

1. Гиляки. Не легко было добыть свѣдѣнія о религіи Гиляковъ. Вотъ что я узналъ отъ Ючина и Лабгуна [1]). Гиляки называютъ Бога *Ыцигы* и считаютъ его добрымъ, *кингулачъ*, что вполнѣ равносильно другому гиляцкому слову *зонцъ*—добрый. Когда я спрашивалъ у Гиляковъ, живетъ ли ихъ Богъ на небѣ или гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ, они не понимали меня и вмѣсто отвѣта говорили, что въ юртахъ у нихъ нѣтъ боговъ (идоловъ). Эти слова, неоднократно слышанныя мною, кажутся мнѣ, однако, сомнительными, тѣмъ болѣе, что у меня есть нѣсколько вырѣзанныхъ изъ дерева фигуръ людей и звѣрей, которыя я добылъ въ деревнѣ *Куикъ* [2]). Гиляки однако постоянно твердо стояли на своемъ, указывая на Маньчжуровъ, которые называютъ своего Бога *Мэу*, имѣютъ идоловъ, вырѣзанныхъ изъ дерева и изображающихъ людей въ различныхъ положеніяхъ, то подбоченившихся, то съ трубкой во рту и т. д. Маньчжуры покланяются имъ, но Гиляки, посѣщающіе Маньчжуровъ, этого никогда не дѣлаютъ.

Спрашивалъ также я у Гиляковъ, молятся ли они и какъ, и всегда получалъ отрицательный отвѣтъ. Затѣмъ мнѣ хотѣлось узнать, вѣрятъ ли Гиляки кромѣ добраго также и въ злого бога (или духа). Но этотъ вопросъ вызывалъ въ нихъ полное недоумѣніе, такъ какъ сопоставленіе словъ «богъ» и «злой» казалось имъ совершенно безсмысленнымъ и противорѣчивымъ, почему и на этотъ вопросъ они отвѣчали также отрицательно. Однако, Гиляки все-таки чрезвычайно суевѣрны, и я имѣю не мало очевидныхъ доказа-

---

1) Изъ деревень Патхэ и Вась на устьѣ Амура.

2) На лѣвомъ берегу Амура, ниже Николаевска, иначе: Куегда, Куегра, Куегри-во. См. т. II, стр. 10, 52

тельствъ существованія у нихъ разныхъ идоловъ и шаманства — получается крупное противорѣчіе, которое я могу объяснить только слѣдующимъ образомъ:

Гиляки обладаютъ лишь слабымъ, смутнымъ представленіемъ о Богѣ, о существѣ высшемъ, которому свойство «добра» принадлежитъ въ полной мѣрѣ безъ всякой примѣси зла, и которому молятся люди. Но это представленіе вполнѣ абстрактно, безсодержательно, нисколько не проникаетъ въ жизнь Гиляковъ, ихъ нравы и обычаи, не имѣетъ для нихъ ничего конкретнаго, и потому понятно, что Гилякамъ знакомо только слово «молиться», но не самое дѣйствіе молитвы. При этой полной безсодержательности своего понятія о Богѣ, они знаютъ только, что онъ *кингулачъ* — добрый. Однако въ дѣйствительной, конкретной жизни Гилякъ испытываетъ не мало зла. Въ природѣ много силъ, которыя мѣшаютъ ему на охотѣ и рыбной ловлѣ, грозятъ ему опасностью и даже являются для него гибельными. Ярость стихій, хищническія наклонности дикихъ звѣрей, непонятное періодическое исчезновеніе рыбы въ водахъ и т. д. — все это явленія, передъ которыми человѣкъ, а тѣмъ болѣе первобытный, вполнѣ зависящій отъ природы, не можетъ не сознавать своего безсилія. Ему не всегда удается справиться съ ними и устранить причиняемый ими вредъ. Поэтому во всѣхъ этихъ силахъ природы онъ видитъ злыя случайности, направленныя, какъ онъ думаетъ (исходя изъ общей, первобытной эгоистически-телеологической точки зрѣнія человѣчества), исключительно противъ него и своей мощью превышающія его личныя средства, — которыя онъ и олицетворяетъ въ конкретномъ, но грубомъ образѣ. Постоянно испытывая чувство собственнаго безсилія передъ враждебными ему явленіями природы вмѣстѣ съ скрытымъ желаніемъ избѣжать ихъ вреднаго вліянія, сознавая въ то же время неизбѣжно и невольно, хотя и смутно, что между дѣйствіями этихъ силъ и его собственными существуетъ соотношеніе причины и дѣйствія, основанія и послѣдствія, первобытный человѣкъ приходитъ къ ряду выводовъ, благодаря которымъ его собственный образъ дѣйствій и дѣйствія враждебныхъ ему силъ приводятся въ извѣстную причинную связь. Такимъ образомъ возникаютъ различнаго рода суевѣрія, которыя ведутъ къ обычаямъ и обрядамъ, имѣющимъ цѣлью укрощать или отгонять злыя силы, равно какъ и потребность олицетворенія этихъ злыхъ силъ посредствомъ вырѣзыванія изъ дерева болѣе или менѣе грубыхъ фигуръ людей и звѣрей, отсюда же наконецъ возникаетъ и шаманство. Таково вѣроятно происхожденіе и значеніе многочисленныхъ вырѣзанныхъ изъ дерева фигуръ медвѣдей, ящерицъ, жабъ, змѣй и людей, какія мы находимъ у Гиляковъ. Гилякъ не считаетъ ихъ за боговъ и не молится имъ. Все это только изображенія или символы враждебныхъ ему силъ природы, отъ которыхъ онъ старается себя какъ-нибудь оградить. Присутствіе среди этихъ фигуръ человѣческихъ изображеній никакъ не слѣдуетъ принимать за олицетвореніе божественныхъ существъ въ томъ родѣ, какъ это дѣлается въ другихъ мѣстахъ подъ вліяніемъ антропоморфизма. Человѣкъ, по мнѣнію всѣхъ первобытныхъ народовъ, слѣдовательно и Гиляковъ, составляетъ одно нераздѣльное съ природой, стоитъ согласно ихъ суевѣрнымъ представленіямъ въ самой близкой и непосредственной причинной связи съ ея явленіями (или злыми силами), чѣмъ и

обусловливается необходимость употребленія шаманами при ихъ обрядахъ человѣческихъ фигуръ. Представленіе о благомъ Богѣ слишкомъ безсодержательно у Гиляковъ, чтобы могла зайти рѣчь о связи съ нимъ, о представленіи божества какъ человѣка (антропоморфизмъ), а тѣмъ болѣе о его изображеніяхъ въ видѣ человѣка. Но если шаманство и суевѣрные обряды Гиляковъ ими самими не признаются ни за служеніе Богу, ни за молитвы, а имѣютъ значеніе простыхъ дѣйствій, устраняющихъ всякое зло ихъ жизни, мы тѣмъ не менѣе должны считать все это за выраженіе ихъ религіознаго чувства. Такимъ образомъ въ религіозныхъ понятіяхъ Гиляковъ мы наталкиваемся на крайне странное противорѣчіе. Съ одной стороны мы находимъ у нихъ представленіе о единомъ высшемъ благомъ существѣ, хотя бы и настолько безсодержательное, что исключается всякое поклоненіе ему, съ другой — олицетвореніе множества злыхъ силъ, для противодѣйствія которымъ существуетъ грубый культъ. Мы находимъ въ юртахъ Гиляковъ безчисленныя изображенія звѣрей и людей, и въ то же время слышимъ отъ нихъ, что изображенія божества у нихъ вполнѣ отсутствуютъ. Мы видимъ массу суевѣрныхъ обрядовъ, шаманство и т. п., и тѣмъ не менѣе Гиляки отрицаютъ существованіе у нихъ самаго акта молитвы. Они говорятъ о высшемъ благомъ существѣ, имѣютъ въ своемъ языкѣ слово «молиться» (*мъя́грачъ*), но все-таки не молятся этому богу. Какъ это объяснить? Мнѣ кажется, здѣсь нѣтъ никакого дуализма понятія, а приходится считаться лишь съ двумя, вполнѣ различными и независимыми другъ отъ друга представленіями, которыя и исторически стоятъ также совершенно обособленно другъ отъ друга. Первое изъ этихъ представленій есть не что иное, какъ крайне ослабленный, смутный, лишь традиціонный деизмъ-пережитокъ, отъ котораго нынѣ у Гиляковъ сохраняются только слова — «Богъ, добро, молиться», и который такъ мало имѣетъ вліянія на ихъ такъ называемыя религіозныя представленія и обычаи (суевѣрные обряды, идолы, шаманство), что эти слова даже не употребляются по отношенію къ указаннымъ религіознымъ обрядамъ. Вторая группа религіозныхъ представленій Гиляковъ вѣроятно согласуется въ существенныхъ чертахъ съ религіозными воззрѣніями другихъ сибирскихъ инородцевъ и заключается въ стремленіи удалить отъ себя злыхъ духовъ и злыя силы посредствомъ различныхъ суевѣрныхъ пріемовъ. Первое деистическое представленіе есть, вѣроятно, отголосокъ глубокой древности, указывающее быть можетъ на колыбель гиляцкаго народа, такъ какъ въ атрибутѣ— *кингулачъ*, присвоенномъ Богу, и въ абстрактномъ, отрицательномъ характерѣ этого представленія слышится отголосокъ центрально-азіатскихъ религіозныхъ системъ. Происхожденіе же всякаго рода суевѣрій и суевѣрныхъ обрядовъ можетъ быть, напротивъ, отнесено къ гораздо болѣе позднему времени, когда племя Гиляковъ спустилось внизъ по Амуру въ область лѣсныхъ дебрей восточной части азіатскаго материка (?). Поэтому то религіозныя представленія Гиляковъ и имѣютъ такъ много точекъ соприкосновенія и такъ близко напоминаютъ религіозныя представленія сосѣднихъ сибирскихъ племенъ, между прочимъ и Аиновъ. Первое отвлеченное понятіе изгладилось до того, что о его существованіи теперь напоминаетъ всего лишь нѣсколько словъ, взамѣнъ же него выработалось другое, болѣе

грубое и конкретное, которое не пріобрѣло однако у Гиляковъ даже права называться истинно религіознымъ и благодаря сохраняющейся традиціи не смогло вытѣснить и замѣнить только что упомянутое, хотя и совершенно безсодержательное понятіе о Богѣ.

Я имѣю несомнѣнныя доказательства того, какимъ ничтожнымъ уваженіемъ и значеніемъ пользуются у Гиляковъ ихъ деревянные идолы. Посѣтивъ лѣтомъ 1854 года деревню Куикъ, я увезъ изъ покинутыхъ въ это время юртъ хорошую коллекцію идоловъ. Обитатели деревни, возвратясь въ нее, не замѣтили повидимому этого похищенія или, во всякомъ случаѣ, не сочли дѣла настолько важнымъ, чтобы говорить о немъ. Въ другой разъ въ той же самой деревнѣ я видѣлъ маленькаго мальчика, который, выходя изъ юрты, игралъ съ деревяннымъ изображеніемъ медвѣдя — прямое доказательство, что эта вещь не была ему такъ недоступна, какъ это было бы, если бы она пользовалась особымъ уваженіемъ. (Bm. I, p. 22—27).

Идолы и амулеты въ формѣ человѣческихъ фигуръ.

2. Гиляки. Деревянные идолы разнаго рода въ видѣ фигуръ людей и животныхъ, которые служатъ для отвращенія опасностей, болѣзней, бѣдъ и т. п., носятъ у Гиляковъ общее названіе — *кэнъ* или *чнгай* [1]). Кромѣ того, для различныхъ идоловъ существуютъ особыя названія. Въ каждой гиляцкой юртѣ можно видѣть грубое изображеніе человѣческой фигуры во весь ростъ (таб. LIII, фиг. I) или, по крайней мѣрѣ, поясное; ея обычное мѣсто на поперечной балкѣ кровли, надъ нарами, лежащими у узкой стѣны юрты, наиболѣе отдаленной отъ входа (слѣдовательно тамъ же, гдѣ стоятъ у Ольчей и Гольдовъ ихъ *Зэва*, въ общемъ довольно сходныя съ этимъ). Подобныхъ же идоловъ, но меньшей величины, Гиляки иногда носятъ на груди, называя ихъ *пашхъ* (табл. LIII, фиг. 5). Если Гилякъ серьезно заболѣваетъ, шаманъ вырѣзываетъ изъ дерева такую фигурку или показываетъ, какъ это нужно сдѣлать, и велитъ носить ее на груди, чтобы снова сдѣлаться здоровымъ. Постоянно же такихъ фигурокъ на шеѣ не носятъ. Вмѣсто этихъ идоловъ часто надѣваютъ амулеты другого рода, напримѣръ, свернутый клубочкомъ ремень и т. п., которые больной носитъ на шеѣ по совѣту шамана и по выздоровленіи. Такой амулетъ называется *нгифъ* и *кись*. Мнѣ удалось пріобрѣсти отъ Юдина въ Тебахѣ амулетъ въ видѣ деревяннаго лука съ вырѣзаннымъ изображеніемъ человѣческаго лица. (Табл. LVII, фиг. 9). Bm. I, p. 57, 58).

---

1) Повидимому и слово *мафкъ* означаетъ тоже самое.

3. Гиляки. Деревня Погхоби на западномъ берегу Сахалина. Въ одной юртѣ я увидѣлъ, что хозяинъ стругалъ палку, такъ чтобы получались тонкія длинныя стружки. Когда такихъ стружекъ накопилось довольно много, онъ отдѣлилъ весь пучекъ отъ палки и связалъ вмѣстѣ. Это былъ *цахъ*, предназначенный для облегченія страданій какой то женщины, у которой болѣла грудь, и которая со стономъ и плачемъ сидѣла тутъ же въ юртѣ. Цахъ привязали ей вокругъ шеи, а его концы она бережно засунула за пазуху, плотно прижимая ихъ къ тѣлу. Очевидно, это было лѣчебное средство. И дѣйствительно, какъ только женщина получила лѣкарство, она мгновенно перестала стонать и успокоилась на все время, пока мы были тамъ. И здѣсь, какъ это часто бываетъ, исцѣленіе является подъ вліяніемъ суевѣрія. Итакъ на Сахалинѣ *цахъ* употребляется также въ качествѣ амулета для исцѣленія отъ болѣзней, замѣняя тамъ фигуры божковъ и другіе амулеты, употребляемые для той же цѣли на Амурѣ и на Лиманѣ. (2, W. R. I, p. 6).

4. Гиляки. Идолъ въ видѣ человѣческой фигуры, изображенный на табл. LIII, фиг. 4, Гиляки назвали мнѣ *мыйкръ*. Характерная особенность этой фигуры въ томъ, что у нея всего одна рука, другая же умышленно не сдѣлана. Что хотѣли этимъ выразить, я не могъ допытаться. Идолъ этотъ вырѣзывается изъ дерева также шаманами или по ихъ указаніямъ и также долженъ служить какъ средство для отвращенія болѣзней. Мой экземпляръ добытъ въ деревнѣ Куикѣ. Тамъ же въ кладовой, куда Гиляки убрали на лѣто свои пожитки, я видѣлъ деревянные идолы другого рода, хотя тоже въ человѣческомъ образѣ. Это — цилиндрическіе обрубки дерева съ грубо вырѣзаннымъ на одной сторонѣ изображеніемъ человѣческаго лица. Обрубокъ конусовидно заостренъ кверху и прикрытъ какъ бы шапкой изъ узкихъ полосокъ коры, спускающихся спереди до лба, а сзади вдоль всего обрубка и изображающихъ повидимому волосы. Ниже лица эти волосы привязаны къ обрубку такими же ремешками изъ коры. Этотъ идолъ изображенъ у насъ на табл. LIII, фиг. 2. Много подобныхъ фигуръ стояло въ небольшомъ домикѣ, сколоченномъ изъ досокъ и покрытомъ травою, изображенномъ у насъ на табл. LIII, фиг. 3. Гиляки въ Аллофѣ называли этихъ идоловъ *Тыбызъ*. Гилякъ Сургинъ не зналъ, однако, этого названія, а употреблялъ другое: *Тыфъ-ыцигы*, т. е. домашній богъ. Я въ первый разъ услыхалъ тутъ отъ Гиляка слово *ыцигы* въ примѣненіи къ идолу, хотя мнѣ кажется, это было такъ сказано только для меня, чтобы я лучше понялъ. Кромѣ того, мнѣ осталось неизвѣстнымъ, что собственно подразумѣвалось здѣсь подъ словомъ *Тыфъ*, гиляцкая ли юрта или домикъ для идоловъ. Но такъ какъ эти домики обыкновенно называются у нихъ *Кэнигсъ*, то становится вѣроятнымъ, что подъ словомъ *Тыфъ* подразумѣвается обыкновенная юрта, и что эти идолы занимаютъ у Гиляковъ мѣсто ларъ—охранителей дома. (Bm. I, p. 58, 59).

5. Гиляки. Въ гиляцкой деревнѣ Паттъ (на правомъ берегу Амура) я видѣлъ трехъ идоловъ, стоящихъ на кладовой. Это были человѣческія фигуры, вырубленныя изъ дерева очень похожія на идоловъ у Ольчей, хотя и безъ того особаго чисто спеціальнаго выраженія, какое постоянно наблюдается у идоловъ послѣднихъ. На мои разспросы Гиляки отвѣчали, что они почитаютъ этихъ *Кэнгъ*, какъ боговъ. Въ Паттѣ, по ихъ словамъ, этихъ

идоловъ держатъ и въ юртахъ, чего не дѣлаютъ въ другихъ гиляцкихъ деревняхъ. Когда я заставилъ показать себѣ идоловъ въ юртѣ, то увидѣлъ, что на балкахъ надъ задними парами стояли три большія человѣческія фигуры изъ дерева съ старымъ потемнѣвшимъ отъ копоти цахомъ вокругъ шеи, какъ это въ обычаѣ и у Ольчей. Точно такихъ же идоловъ въ юртахъ и на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, какъ въ Паттѣ, я видѣлъ и въ деревнѣ Куикѣ. Они всегда стоятъ въ самомъ темномъ, наиболѣе скрытомъ отъ глазъ мѣстѣ юрты, и едва ли ихъ замѣтитъ тотъ, кто не подозрѣваетъ ихъ присутствія въ юртѣ. Весьма возможно поэтому, что и я не замѣчалъ ихъ тамъ, гдѣ они на самомъ дѣлѣ были, хотя, съ другой стороны, безусловно есть юрты, гдѣ этихъ идоловъ нѣтъ совершенно, какъ, напримѣръ, я могъ убѣдиться въ Вайтѣ. Мнѣ кажется, что чѣмъ далѣе внизъ по Амуру, тѣмъ меньшимъ почетомъ пользуются эти идолы или, по крайней мѣрѣ, тѣмъ менѣе обнаруживается ихъ почитаніе. (1 W. R. II, p. 119, 137, Anm. 5).

6. Гиляки. Воспользовавшись поѣздкой на медвѣжьи празднества въ Тебахъ, Дитмаръ привезъ мнѣ оттуда цѣлую коллекцію гиляцкихъ идоловъ, частью имѣвшихъ отношеніе къ этимъ празднествамъ, какъ, напримѣръ, фиг. 3 на табл. LVIII, частью же вполнѣ самостоятельнаго значенія. Послѣдующіе разспросы о значеніи послѣднихъ доставили мнѣ не мало новыхъ данныхъ для пониманія религіозныхъ воззрѣній Гиляковъ. Большинство этихъ идоловъ амулеты, назначеніе которыхъ отвращать отъ людей разныя болѣзни или прогонять ихъ, разъ онѣ привязались къ человѣку. У большинства фигуръ сдѣлано нѣсколько сочлененій, и именно какъ разъ въ тѣхъ частяхъ человѣческаго тѣла, для врачеванія которыхъ построенъ тотъ или другой идолъ [1]). Такъ, фиг. 2 на табл. LV съ подвижнымъ туловищемъ предназначена облегчать болѣзни спины и туловища, фиг. 4 той же таблицы съ суставами въ ногахъ для излѣченія страданій этихъ конечностей. Большая фигура съ подвижной головой, туловищемъ и ногами (фиг. 1 на табл. LV), такъ называемая *Чалча-чнгай*, приготовляется, какъ говорилось выше, при рожденіи ребенка [2]) и ставится въ юртѣ такъ, чтобы ребенокъ имѣлъ ее постоянно передъ глазами, такъ какъ это предохранитъ его отъ болѣзней шеи, туловища и конечностей. Фигурка съ вырѣзомъ на груди и съ подвижными руками и туловищемъ (табл. LV, фиг. 3) должна исцѣлять грудныя болѣзни, напримѣръ, кашель и т. п., также какъ и болѣзни суставовъ.

Всѣхъ этихъ идоловъ съ *Чалча-чнгаемъ* включительно стараются всячески умилостивить, расположить въ свою пользу, кормятъ ихъ ягодами и т. п., слѣды чего всегда остаются на деревѣ. На шеѣ однако этихъ изображеній не носятъ, а только вѣшаютъ ихъ въ юртахъ на стѣну.

Сюда же надо отнести еще два амулета, также имѣющихъ врачебное назначеніе — это такъ называемые *Лалць* и *Кисъ* (табл. LX, фиг. 1, 2). Первый, представляетъ незамкнутый желѣзный обручъ, который носятъ на головѣ противъ головной боли. Каждый изъ концовъ обруча раздѣленъ на двѣ вѣтви, и одна изъ вѣтвей обдѣлана въ видѣ змѣи,

---

1) См. табл. LIV и LV.

2) См. стр. 18.

а другая въ видѣ ящерицы и притомъ такъ, что, когда обручъ замкнуть, ящерица одной стороны приходится противъ змѣи другой и наоборотъ. Къ сожалѣнію, имѣющійся у меня въ рукахъ экземпляръ довольно сильно изношенъ отъ частаго употребленія, и на одномъ концѣ ящерицы нѣтъ.

Второй амулетъ состоитъ изъ желѣзнаго полукруга съ подвѣшенными къ нему фигурками того же металла, имѣющими различное значеніе. Съ одного конца виситъ грубое изображеніе человѣка и неправильный треугольный кусокъ, который по объясненію нѣкоторыхъ Гиляковъ долженъ представлять бѣлую куропатку. Съ другого конца — точно такая же куропатка рядомъ съ сердцемъ и, наконецъ, посерединѣ — фигура человѣка съ двумя головами, которая должна изображать такъ называемаго *Кинзъ* — злую, разрушительную силу, т. е. попросту говоря чорта. По мнѣнію Гиляковъ всякая болѣзнь зависитъ отъ *Кинза*, который гложетъ человѣка, пока не заѣстъ его до смерти, что относится одинаково ко всѣмъ, умирающимъ отъ какой-либо болѣзни. Немудрено, если Гиляки при такихъ вѣрованіяхъ не претендуютъ на мѣсто на небѣ для своихъ соотечественниковъ, умершихъ отъ болѣзни, а оставляютъ ихъ блуждать на землѣ, тогда какъ души убитыхъ и даже самоубійцъ возносятся по ихъ мнѣнію на небо. Согласно вѣрованіямъ Гиляковъ земля населена множествомъ *кинз*'овъ, или злыхъ духовъ, которые укрываются въ лѣсахъ, горахъ, въ водѣ и другихъ мѣстахъ. *Кинзы* изображаются Гиляками съ двумя и тремя головами — вѣроятно съ цѣлью выразить этимъ избыткомъ головъ ихъ могущество надъ людьми [1]).

Что же касается значенія бѣлыхъ куропатокъ—допустивъ, что это дѣйствительно ихъ изображеніе, — оно остается для меня неизвѣстнымъ. Сердце, прикрѣпленное тутъ же, связано съ назначеніемъ всего полукруга, который носятъ вокругъ шеи противъ болѣзней груди, кашля и т. д. Но его названіе *Кисъ* имѣетъ болѣе общее значеніе и примѣняется вообще ко всѣмъ амулетамъ. (Bm. II, p. 30—32).

7. Идолы въ человѣческомъ образѣ у другихъ амурскихъ инородцевъ. Деревянные идолы, *Зэвы*, у **Самагирцевъ** изображаются точно такъ же, какъ у Ольчей и Гольдовъ (табл. LIII, фиг. 6—8), и ставятся на тѣхъ же мѣстахъ юрты, а именно на парахъ у поперечной, самой отдаленной отъ входа стѣны. (1 W. R. II, p. 77).

8. Гольды. Обычай Гиляковъ носить идоловъ на шеѣ существуетъ, вѣроятно, и у другихъ амурскихъ инородцевъ. Фигура I на таблицѣ LIV изображаетъ такого маленькаго свинцоваго идола, котораго я получилъ отъ одного Гольда на Уссури. (Bm. I, p. 58).

9. Самагирцы. Въ пустомъ самагирскомъ охотничьемъ шалашѣ на Горинѣ я нашелъ небольшого висѣвшаго тамъ идола — точное воспроизведеніе большихъ идоловъ, называемыхъ *Зэвами*, которыхъ встрѣчаешь въ юртахъ Самагирцевъ, Гольдовъ и Ольчей. Единственнымъ отличіемъ фигурки, видѣнной мною на Горинѣ, было небольшое деревянное

---

1) По объясненію Гиляковъ одна изъ этихъ головъ настоящая человѣческая, чѣмъ выражается, что *Кинзъ* какъ бы захватилъ человѣка.

ушко на головѣ, сквозь которое пропускается ремень для ношенія божка на шеѣ. (Табл. LIV, фиг. 2). Тотъ, кто надѣлъ на себя такое изображеніе, по словамъ моего проводника, долженъ кормить его, для чего хозяинъ мажетъ идолу ротъ всѣмъ тѣмъ, что ѣстъ самъ. На мой вопросъ, что такое именно *Зэва*, проводникъ отвѣтилъ, что *Зэва* — это всяческое добро. Отъ него зависитъ благосостояніе каждаго человѣка въ томъ числѣ, напримѣръ, и выздоровленіе его самого — моего проводника, котораго укусила за ногу одна изъ моихъ собакъ. Вотъ все, чего я могъ добиться [1]). Съ *Зэвой*, очевидно, связано понятіе о благосостояніи и здоровьѣ человѣка, который находится подъ вліяніемъ силъ, лежащихъ внѣ его самого и далеко превосходящихъ его собственныя, что конечно немногимъ разнится отъ видѣннаго уже нами у Гиляковъ. Въ пользу религіозныхъ воззрѣній амурскихъ инородцевъ тунгусскаго племени говоритъ то, что суевѣрнаго страха у нихъ во всякомъ случаѣ несравненно менѣе, чѣмъ у Гиляковъ. (1 W. R. II, p. 85, 86).

Идолы въ образѣ животныхъ.

10. Гиляки. Первое мѣсто между животными, идолы которыхъ Гиляки дѣлаютъ изъ дерева, принадлежитъ медвѣдю. Обусловливается это опасностью, какой подвергаются Гиляки въ борьбѣ съ медвѣдемъ, котораго они преслѣдуютъ (какъ уже упоминалось по поводу медвѣжьихъ праздествъ) съ особенною охотою. Чтобы избѣжать увѣчій или смерти, всегда возможныхъ при этой охотѣ, Гиляки прибѣгаютъ къ посредству медвѣжьихъ *кэги'*овъ или *чнгай'*евъ. Выше я говорилъ уже о тѣхъ суевѣрныхъ повѣрьяхъ, какія Гиляки связываютъ со смертью человѣка, павшаго въ борьбѣ съ медвѣдемъ [2]). Поэтому рѣдко можно встрѣтить гиляцкую деревню, въ окрестностяхъ которой не нашлось бы при тщательномъ изслѣдованіи нѣсколькихъ медвѣжьихъ идоловъ, и то же самое можно сказать и объ амурскихъ инородцахъ тунгусскаго племени.

Медвѣжьи идолы по большей части очень грубой работы. Животное изображается обыкновенно въ сидячемъ, иногда въ стоячемъ положеніи. Идолъ, изображенный на табл. LVIII, фиг. 1, 2, котораго я добылъ въ деревнѣ Куикѣ, принадлежитъ къ числу лучшихъ, видѣнныхъ мною. Онъ интерссенъ еще и тѣмъ, что вокругъ туловища имѣетъ выпуклый поясъ съ изображеніемъ другихъ животныхъ, также священныхъ или точнѣе страшныхъ и опасныхъ для Гиляковъ. По большей части это пресмыкающіяся, знакомыя Гилякамъ: спереди жаба (*мипичъ*) [3]), сзади ящерица (*мэ(р)нгай*), и по бокамъ съ каждой стороны змѣи

---

1) Упомянутую на стр. 55 палочку, которую я оставилъ въ охотничьемъ шалашѣ на Горинѣ вмѣсто взятой оттуда мускусной кабарги, проводникъ мой также называлъ *Зэва* (1 W. R. II, p. 84, 85).

2) См. стр. 64.

3) Кромѣ того, мнѣ удалось добыть у Гиляковъ еще двухъ идоловъ, вырѣзанныхъ изъ дерева и изображающихъ жабу. Они воспроизведены на табл. LIX, фиг. 7, 8.

(*кыланга*). Я не разъ видѣлъ, какой ужасъ и отвращеніе вызываетъ у Гиляковъ видъ этихъ пресмыкающихся.

Рядомъ съ медвѣжьими идолами мы находимъ у Гиляковъ также и другихъ, изображающихъ *атта* или *мэредера*, къ которымъ они относятся съ крайнимъ суевѣрнымъ страхомъ. Но такъ какъ въ сѣверномъ климатѣ тигръ съ ирбисомъ (ихъ обоихъ Гиляки называютъ однимъ и тѣмъ же именемъ *атта* или *мэредера*) попадаются лишь изрѣдка, а слѣдовательно и несчастные случаи при встрѣчѣ съ ними очень рѣдки, то и идолы *атта* встрѣчаются далеко не такъ часто, какъ медвѣжьи. Малое знакомство Гиляковъ съ этими хищниками объясняетъ и плохую отдѣлку этихъ идоловъ [1]). На таблицѣ LVIII (фиг. 4, 5, 6) фигура 4 изображаетъ *атта* — идола, котораго я нашелъ въ деревнѣ Куикѣ. На немъ, нѣтъ никакихъ рисунковъ, характерныхъ для тигра и ирбиса (мѣстно — барса), такъ что лишь общая форма напоминаетъ изображенія тигра у Гольдовъ, всегда раскрашенныя извѣстнымъ образомъ. Идолъ этотъ несомнѣнно однако изображаетъ *атта*, такъ какъ я получилъ его отъ Гиляка, свѣдущаго въ этомъ дѣлѣ. (Bm. I, p. 59, 61).

11. Гиляки. Скорѣе какъ простое рѣзное изображеніе, или *Чтай*, чѣмъ какъ идолъ или амулетъ, слѣдуетъ разсматривать полученную изъ Тебаха вырѣзанную изъ дерева рыбу *Нгычо*, совершенно неизвѣстную мнѣ. Еще ранѣе я получилъ въ Тебахѣ какъ *пай* (см. стр. 41) фигурку другой маленькой рыбки *пиленгата* (Cyprinus cargio), которая также не имѣла никакого другого назначенія. Обѣ изображены у насъ на табл. LX, фиг. 4 и 5. Позже я пріобрѣлъ въ Тебахѣ еще одну деревянную рыбу, воспроизводящую *пак(х?)-чо*, т. е. большую *пиленгатъ-чо*. (Bm. II, p. 32).

12. Ольчи. Прибывъ въ деревню Ади (на Амурѣ), я первымъ дѣломъ постарался разыскать деревяннаго идола, изображающаго тигра, котораго видѣлъ тамъ Максимовичъ во время перваго своего путешествія вверхъ по Амуру. Тогда идолъ стоялъ въ сосѣдней рощѣ, подъ старымъ ясенемъ, но тамъ мы его теперь не нашли. Мы долго разспрашивали о немъ туземцевъ и просили показать намъ его, но они сначала дѣлали видъ, что не понимаютъ, чего намъ нужно, а потомъ сказали, что боятся какъ бы не захворать какой-нибудь болѣзнью, показавъ намъ идола, и только пообѣщавъ табаку, мы заставили ихъ рѣшиться на это. Сначала они привели насъ къ разбитому звѣриному идолу, представлявшему мало интереснаго. Это было изображеніе лежащаго животнаго съ хвостомъ, закинутымъ на спину, и широкой короткой головой, ясно указывающей на кошачью породу. Потомъ, одинъ изъ Ольчей провелъ меня въ лѣсокъ, гдѣ показалъ другого идола, тщательно скрытаго въ небольшомъ шалашѣ, сдѣланномъ изъ деревянныхъ обрубковъ. Въ этой фигурѣ можно было уже несомнѣнно признать тигра. Она была около двухъ футовъ длины и изображала животное въ той позѣ, когда оно подкарауливаетъ добычу. Хвостъ у нея опять-таки лежалъ на спинѣ, голова была короткая и широкая, такъ же какъ и челюсти. Вдоль спины тянулась черная полоса,отъ которой по бокамъ шли поперечныя, чернаго и краснаго

1) См. T. I Reisen und Forschungen S. 92—94.

цвѣта (одинъ Ольча сказалъ «желтыя»). Идолъ несомнѣнно воспроизводилъ тигра, а не Felis irbis, что подтверждалось и тѣмъ описаніемъ звѣря, какое могли дать мои провожатые. Идолъ былъ, однако, сдѣланъ не лично ими, а шаманомъ. Ольчи называли тигра *мáре* и *мáре-мафá*. Послѣднее названіе съ придаточнымъ «старый» имѣетъ уже нѣкоторую аналогію со взглядомъ, установившимся на медвѣдя, котораго почти всегда называютъ старымъ, т. е. *мафà* и *буйу-мафà* — старый звѣрь, хотя именемъ *буйу* называютъ также и лося. Прозвище «старый» для тигра и медвѣдя могло быть внушено тѣмъ страхомъ, какой внушаютъ туземцамъ оба эти звѣря. Съ тигромъ, какъ и съ медвѣдемъ, связаны, вѣроятно, одни и тѣ же суевѣрныя представленія, и страхъ является здѣсь побудительной причиной для изготовленія идоловъ того и другого звѣря. Какъ и о медвѣдѣ, туземцы не любятъ говорить о тигрѣ, избѣгаютъ произносить его имя и не рѣшались показать намъ идола изъ страха навлечь на себя какуюнибудь бѣду или болѣзнь. Это былъ первый и несомнѣнный слѣдъ тигра, на который я напалъ въ Амурскомъ краѣ.

Въ томъ же лѣсу находилось еще нѣсколько деревянныхъ идоловъ, изображавшихъ медвѣдей и другихъ звѣрей, а также и человѣка. Идолы большею частью стояли прислоненными къ высокимъ деревьямъ или же были запрятаны въ кустарники. Многіе были опрокинуты или сдвинуты со своихъ мѣстъ и валялись на землѣ подъ ногами прохожихъ. Такое безцеремонное обращеніе съ идолами ясно показываетъ, что они обязаны своимъ происхожденіемъ исключительно суевѣрному страху. Въ нихъ видятъ средство оградить себя отъ злыхъ силъ, а не способъ сблизиться съ добрыми духами и расположить ихъ къ себѣ, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ съ идолами обращались бы почтительнѣе. (1 S. R. II, p. 2—4).

13. Ольчи. Въ деревнѣ Джан я пріобрѣлъ идола, изображающаго фантастическаго звѣря съ большимъ сердцемъ въ пасти (табл. LIX, фиг. 5), который также имѣлъ значеніе амулета, предохраняющаго отъ болѣзней. (2 S. R. I, p. 35).

14. Гольды. Въ деревнѣ Найхи я видѣлъ еще двухъ идоловъ, изображающихъ тигра, совершенно такихъ же, какъ въ Ади, только не въ лежачей позѣ, а поставленныхъ на ноги. И здѣсь вдоль спины звѣря тянулась черная полоса, отъ которой по бокамъ спускались поперечныя полосы чернаго и краснаго цвѣтовъ. Длинный хвостъ былъ покрытъ черными и красными кольцами. Этихъ идоловъ Гольды также называютъ *маре-мафà*. Но такъ какъ прозвище *мафà* примѣняется, главнымъ образомъ, къ медвѣдю, то послѣдняго ради отличія называютъ также *сахаръ-мафà*, т. е. черный старикъ. (1 S. R. II, p. 44).

15. Гольды. Около деревни Агдраи на Уссури стояла подъ дубомъ деревянная фигура большой кошки изъ группы леопардовыхъ, прикрытая полѣньями. Я поспѣшилъ созвать стариковъ деревни, чтобы разспросить ихъ о животномъ, которое воспроизводила эта фигура. Несмотря на всю грубость работы, нельзя было ошибиться въ принадлежности изображаемаго звѣря къ кошачьимъ. Къ тому же это изображеніе вполнѣ напоминало тигровъ, которыхъ я видѣлъ въ Ади и Наихѣ. Короткія, только что намѣченныя ноги указывали звѣря, подкрадывающагося къ добычѣ въ той позѣ, которая такъ своеобразна у

кошекъ. Но раскрашенъ этотъ звѣрь былъ совершенно иначе чѣмъ тигръ, такъ какъ вмѣсто поперечныхъ полосъ вся поверхность этого идола была покрыта многочисленными розетками попеременно — черными съ красной серединой или красными съ черной. Такъ же точно былъ расписанъ и хвостъ. Кромѣ того, вдоль всей спины животнаго до кончика хвоста тянулась черная полоса. Вся морда была покрыта красными и черными поперечными полосками. Туземцы увѣряли, что изображеніе звѣря (ирбиса?), котораго они называли *іерга*, было вполнѣ вѣрно природѣ.

Я пожелалъ нарисовать этого идола, но въ лѣсу было такъ много комаровъ, не дававшихъ покою, что я попросилъ внести идола въ юрту, на что однако Гольды не согласились, равно какъ отказались и продать мнѣ его. Вмѣсто этого одинъ изъ Гольдовъ вызвался вырѣзать изъ дерева и выкрасить другое, совершенно схожее и также вѣрное природѣ изображеніе *Іерги*, что онъ и исполнилъ на самомъ дѣлѣ. (Табл. LIX, фиг. 3). (1 S. R. III, p. 29, 30).

16. Гольды. Въ Джуадѣ на Уссури я купилъ двухъ маленькихъ деревянныхъ идоловъ, изображающихъ—одинъ тигра, другой—уссурійскаго леопарда. Первый идолъ немного крупнѣе второго, что быть можетъ указываетъ на дѣйствительныя различія въ величинѣ животныхъ. Оба изображенія вполнѣ повторяютъ въ миніатюрѣ большія фигуры этого рода. Но окраска этого ирбиса нѣсколько иная, чѣмъ у того, котораго я видѣлъ въ Агдраи, и розетки заключаютъ здѣсь въ серединѣ не по одному, а по нѣскольку пятенъ. (Табл. LIX, фиг. 1, 2). (Bm. I, p. 61).

17. Гольды. Въ Хайцо я видѣлъ двухъ идоловъ еще мѣньшихъ размѣровъ, изображающихъ тигра и леопарда у одного Гольда, который носилъ ихъ на рукавѣ своей одежды какъ амулетъ, спасающій отъ нападеній этихъ хищныхъ звѣрей — подобно тому, какъ Гольды носятъ на шеѣ маленькихъ идоловъ, изображающихъ людей. (1 S. R. III, p. 49).

18. Манегирцы. Мнѣ нерѣдко случалось видѣть у Манегирцевъ фигурки, вырѣзанныя изъ дерева и изображающія фантастическихъ птицъ и драконовъ. И здѣсь, какъ у нижне-амурскихъ инородцевъ, ихъ изготовляютъ, чтобы оградить себя отъ вліянія злыхъ духовъ, спастись отъ болѣзни и т. д. (2 S. R. III, p. 41).

Идолы и амулеты, изображающіе фигуру человѣка въ комбинаціи съ фигурами животныхъ.

19. Гиляки. Вѣра въ переселеніе душъ, связанная у Гиляковъ съ медвѣдемъ, объясняетъ повидимому появленіе тѣхъ изображеній въ видѣ маленькихъ идоловъ, которыхъ они носятъ какъ амулеты вокругъ шеи во время болѣзней, и среди которыхъ встрѣчаются

фигуры съ двойнымъ изображеніемъ человѣка и медвѣдя. Это небольшія деревяшки, раздваивающіяся на одномъ концѣ, причемъ одна половина обдѣлана въ видѣ человѣческой, другая медвѣжьей головы. Я получилъ такіе амулеты изъ Калма и Аллофа. На первомъ изъ нихъ, кромѣ двухъ только что указанныхъ изображеній, человѣческое лицо было вырѣзано также и на другомъ простомъ концѣ палочки (табл. LVII, фиг. 8) — гладкомъ у другого амулета. Въ обоихъ амулетахъ раздѣленіе палочки на-двое намѣчено неглубокой бороздкой еще ранѣе ея развѣтвленія. Бороздка эта постепенно исчезаетъ, приближаясь къ противоположному простому концу, и Гиляки поясняли мнѣ, что она отдѣляетъ человѣческую половину отъ медвѣжьей, пока обѣ не сольются совсѣмъ. (Bm. II, p. 59).

20. Гиляки. Въ лѣсу, близъ деревни *Хіаре*, по сосѣдству съ кладбищемъ, я нашелъ подъ деревьями нѣсколько гиляцкихъ идоловъ, какъ всегда, плотно прислоненныхъ къ дереву и прикрытыхъ палками, полѣньями и т. п. (См. табл. LXV, слѣва). Между прочимъ здѣсь былъ двойной идолъ, изображавшій тигра (*аттъ*) и человѣка, при чемъ носъ у послѣдняго замѣняла фигурка медвѣдя. (Табл. LVI, фиг. 2). Другой идолъ на человѣческомъ туловищѣ съ подвижными руками и ногами имѣлъ голову *аттa*, съ поставленнымъ на ней четырехзубымъ гребнемъ. (Табл. LVII, фиг. 2).

Наконецъ, здѣсь же я нашелъ изображеніе животнаго, напоминавшее крокодила или аллигатора. Это была очевидно амфибія съ широкой пастью, усаженной зубами. Туземцы называли эту фигуру *хазъ* или какъ идола *хазъ-кэнгъ*, но о самомъ животномъ ничего не знали, никогда не видали ни въ водѣ, ни на сушѣ и ничего не слыхали о немъ въ своихъ преданіяхъ. По ихъ словамъ этотъ амулетъ дѣлаютъ при болѣзняхъ спины, чтобы избавиться отъ страданій. (Табл. LIX, фиг. 9). (2 S. R. I, p. 15).

21. Гиляки. Въ деревнѣ Калмъ мнѣ удалось купить много разнообразныхъ идоловъ, въ томъ числѣ нѣсколько очень интересныхъ. Таковъ напримѣръ идолъ съ медвѣжьей головой на человѣческомъ туловищѣ. (Табл. LVII, фиг. 3). Мнѣ назвали его *Огинкъ*, именемъ, которое примѣняется также и къ идоламъ въ видѣ простыхъ человѣческихъ фигуръ. У другого идола человѣческое туловище несетъ голову совы (*ки*). (См. табл. LVII, фиг. 5). У третьяго — сова сидитъ на головѣ у грубой человѣческой фигуры. (Табл. LVI, фиг. 4). У многихъ изъ идоловъ въ туловищѣ сдѣланы углубленія, чтобы класть туда пищу.

Одинъ идолъ представлялъ чурбанъ съ человѣческимъ лицомъ и рядомъ зубцовъ на темени. Каждый зубецъ, въ свою очередь, былъ обдѣланъ въ видѣ человѣческаго лица.

Здѣсь же мнѣ удалось купить чашу, т. н. *толь-нгиръ* и *кэнъ-нгиръ*, въ которой подносятъ идоламъ пищу.

Тутъ же были еще изображенія бѣлуги (*поми-чо*) съ человѣкомъ на ней (табл. LVI, фиг. 5), волка, амулеты съ двумя головами — медвѣдя и ворона и т. д.

Въ деревнѣ Челмокѣ, на полкѣ въ углу одной изъ юртъ стоялъ цѣлый рядъ идоловъ, обвитыхъ *цахомъ*, а частью одѣтыхъ въ медвѣжью шкуру. Здѣсь я пріобрѣлъ небольшого тигра съ поставленной на немъ человѣческой фигурой (табл. LVII, фиг. 1), и амулетъ съ тремя изображеніями — человѣка, волка и животнаго, котораго мнѣ не сумѣли назвать.

Вмѣстѣ съ идолами стояло множество принадлежащихъ имъ чашекъ приблизительно одинаковой формы, съ различными изображеніями — человѣческаго лица, жабы, ящерицы и т. п. Все это были т. н. *толь-нгиръ*. Впрочемъ, одинъ сосудъ отличался совсѣмъ особенной формой и былъ сдѣланъ изъ одного куска бересты, изогнутаго какъ бы въ видѣ двухъ составленныхъ вмѣстѣ стакановъ, такъ что въ разрѣзѣ получалась цифра 8. (Табл. LXI, фиг. 1). Этотъ сосудъ называется *Чобрэ* и имѣетъ то же назначеніе, что и другіе. Не смотря на всѣ старанія, я не могъ убѣдить владѣлицу этихъ сосудовъ продать мнѣ хотя бы одинъ изъ нихъ. Она была увѣрена, что это *учъ* и непремѣнно повлечетъ за собою ея смерть.

Точно такъ же и въ деревнѣ Патъ мнѣ удалось купить нѣсколько интересныхъ идоловъ хорошей работы. У одного изъ нихъ задняя часть головы имѣетъ форму сердца, а другой представляетъ двѣ человѣческія фигуры, стоящія на кускѣ дерева, обдѣланномъ въ видѣ двухъ сердецъ. (Табл. LV, фиг. 5). Изображеніе сердца (*нгифъ*) у Гиляковъ встрѣчается вообще довольно часто въ такихъ работахъ. (См. выше, 13).

Здѣсь же былъ идолъ съ головою *тунгъ*, т. е. морского котика. У Гиляковъ есть идолы и тюленя, но мнѣ не удалось добыть ни одного. (2 S. R. I, p. 6—9).

22. Гиляки. Вырѣзанная изъ дерева фигура, найденная нами недалеко отъ Чхыркраха, въ устьѣ Амура, представляетъ нѣчто вродѣ летящаго полу-человѣка, полу-рыбы. Голова у этой фигуры рыбья съ верхней и нижней челюстями, усаженными желѣзными зубами. Глаза сдѣланы изъ голубыхъ бусъ. Какъ переднія, такъ и заднія конечности начинаются немедленно за шеей. Первыя, несомнѣнно, руки, послѣднія—ноги, вполнѣ похожія на человѣческія. Руки вытянуты впередъ, ноги—назадъ почти въ одной горизонтальной плоскости съ головой, такъ что вся фигура сдѣлана какъ бы во время полета. (Табл. LXVI, фиг. 1). Дитмаръ (которому я отчасти обязанъ этимъ пріобрѣтеніемъ) разсказалъ мнѣ, что у Гиляковъ деревни Патхэ существуетъ сказаніе, въ которомъ онъ видитъ связь съ этимъ страннымъ изображеніемъ, тѣмъ болѣе возможную, что названная деревня лежитъ по сосѣдству съ упомянутымъ мысомъ.

Вотъ это сказаніе: «Гиляки изъ деревни Патхэ возвращались однажды съ рыбной ловли на двухъ лодкахъ, переполненныхъ рыбой. Рыбаки были такъ утомлены, что отложили разгрузку лодокъ до слѣдующаго утра, а пока вытащили ихъ на берегъ и прикрыли рыбу берестой. Когда утромъ они пришли на берегъ, лодки оказались пустыми, и только остатки, валявшіеся кругомъ, ясно свидѣтельствовали, что кто-то полакомился ихъ рыбой. Гиляки снова отправились на рыбную ловлю, вернулись съ богатой добычей, но опять отложили ея выгрузку, и рыба исчезла на этотъ разъ такъ же, какъ и раньше. Въ третій разъ отправились они и снова вернулись съ лодками, до верху наполненными рыбой. Теперь они рѣшили караулить ночью лодки и выслѣдить похитителя рыбы; это удалось имъ, и вора поймали. Это было странное существо съ рыбьей головой и человѣческими руками и ногами. Гиляки заперли чудовище въ клѣтку, подобную той, въ какой держатъ медвѣдей, и кормили его рыбой. Цѣлый годъ прожило оно въ заточеніи, но затѣмъ стало молить Гиля-

ковъ отпустить его на волю. Тогда Гиляки увели чудовище на мысъ, лежащій на рѣкѣ Амурѣ, между деревней Патхэ и мысомъ Чхыркрахъ, и привязали тамъ возлѣ ключа. Чудовище однако скоро перегрызло веревку и скрылось, такъ что Гиляки, возвратясь сюда, не нашли его уже болѣе».

Я постарался узнать отъ Гиляковъ, что изображаетъ эта фигура и какое ея назначеніе. Всѣ единогласно называли ее *Вагнъ* и говорили, что она служитъ у нихъ для обозначенія мѣста, гдѣ былъ сожженъ трупъ убитаго Гиляка. (Bm. I, p. 50, 51).

23. Гиляки. Неподалеку отъ деревни Патъ (на правомъ берегу Амура) стоялъ въ кустарникѣ *Вагнъ* въ память одного Гиляка, убитаго Негидальцемъ съ Амгуни. Этотъ *Вагнъ* былъ поставленъ уже давно. Глаза у него выпали, но всѣ конечности были еще на лицо, только обдѣланы онѣ были гораздо грубѣе, чѣмъ въ томъ экземплярѣ, который я пріобрѣлъ въ Чхыркрахѣ. *Вагнъ* вышиною былъ мнѣ отъ земли до пояса и стоялъ такъ, что его голова была обращена въ сторону, гдѣ жилъ убійца, т. е. къ рѣкѣ Амгуни. Я не поручусь, однако, чтобы такая постановка была у Гиляковъ правиломъ. (2 S. R. I, p. 8).

24. Ольчи. По вѣрованію Ольчей всѣ люди, какъ убитые, такъ и спокойно умершіе отъ болѣзни, испытываютъ по смерти одинаковую участь, и на этомъ основаніи они не ставятъ *ваги*'овъ въ честь своихъ убитыхъ соотечественниковъ, какъ дѣлаютъ Гиляки. Ольча Хоссіамбо утверждалъ мнѣ, что въ основѣ изображенія *Ваги*'а лежитъ птица *Кóро*, появленіе которой въ той или другой деревнѣ служитъ предвѣстникомъ бѣдъ для всѣхъ обитателей, такъ какъ всякій, кто ее увидитъ, непремѣнно умираетъ. Такъ случилось много лѣтъ тому назадъ въ деревнѣ Хала противъ Кизи (Кидзи?). *Кóро* прилетѣла сюда и сѣла на вершинѣ лиственницы (по ольч. *Зиса*, по гил. *Кой*), гдѣ ее замѣтили многіе изъ жителей Халы, и всѣ умерли. Мало кто избѣгъ печальной участи, и въ деревнѣ Хала, очень многолюдной до того времени, теперь осталось лишь немного обитателей. (2 S. R. I, p. 39).

25. Ольчи. У Ольчей я видѣлъ поясъ съ идолами, такъ называемый *Зэвуэза*, на которомъ были прикрѣплены различныя *Зэва* или идолы. Это былъ также амулетъ противъ болѣзней. (Табл. LX, фиг. 3). Поясъ сдѣланъ изъ кожи. На обѣихъ его половинахъ нашито по длинѣ по кожаной змѣѣ (*дсхалда*), а между змѣями прикрѣплено въ томъ же направленіи по изображенію лисицы, вырѣзанному изъ дерева. Спереди, по серединѣ пояса, надъ вырѣзанной изъ кожи жабой прикрѣплена деревянная фигура человѣка. Но самую любопытную часть этого пояса представлялъ т. н. *кхазъ* (по гил. *хазъ*), вырѣзанный изъ дерева и привѣшенный подъ жабой и человѣческой фигурой — тотъ фантастическій звѣрь, съ которымъ я впервые познакомился у Гиляковъ въ Хіарѣ, и изображеніе котораго вырѣзывается также и у Ольчей какъ средство противъ различныхъ болѣзней. Вообще нельзя не замѣтить значительнаго совпаденія гиляцкихъ *кэги*'овъ съ ольчскими *зэвами*, что невольно наводитъ на мысль о такомъ же совпаденіи и религіозныхъ понятій обоихъ народовъ. (2 S. R. I, p. 32, 33).

Шаманы.

26. Гиляки. У Гиляковъ шаманство развито гораздо слабѣе, чѣмъ у амурскихъ инородцевъ тунгусскаго происхожденія — Ольчей, Гольдовъ Килей и другихъ, почему принадлежности шаманскаго ритуала встрѣчаются у нихъ гораздо рѣже. Какъ вообще у всѣхъ амурскихъ инородцевъ, такъ въ частности и у Гиляковъ, шаманство значительно менѣе распространено внизъ по Амуру, т. е. по мѣрѣ приближенія къ Лиману и къ Сахалину, такъ что, начиная отъ деревни Вась, врядъ ли можно встрѣтить гдѣ-нибудь на Лиманѣ шамана или шаманскую утварь, въ чемъ я убѣдился послѣ многочисленныхъ разспросовъ. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что шаманство возникло первоначально гдѣ-нибудь въ глубинѣ страны и отсюда распространялось постепенно внизъ по Амуру. (Bm. I, p. 75).

27. Гиляки. У Гиляковъ очень мало шамановъ, которые пользовались бы среди нихъ особенно громкой славой. Какъ на самаго знаменитаго шамана, мнѣ указывали на «великаго шамана» Саяна, который жилъ на Амурѣ выше Николаевска. Другой, менѣе знаменитый, по имени Чезахъ, жилъ въ Каки, также выше Николаевска. Этихъ шамановъ приглашали въ тѣ деревни, гдѣ совсѣмъ нѣтъ шамановъ, въ случаѣ какой-нибудь нужды — болѣзни, смерти и проч. [1]). Шаманскія же принадлежности, въ томъ числѣ барабанъ или бубенъ, встрѣчаются и у другихъ Гиляковъ, и я, напримѣръ, самъ видѣлъ ихъ у братьевъ Сургина и Ссогина въ Куикѣ, хотя ни тотъ, ни другой не были шаманами. Точно также многіе Гиляки умѣютъ плясать, бить въ бубенъ и продѣлывать все то, что дѣлаютъ шаманы при отправленіи своихъ обязанностей. Они охотно продѣлываютъ при случаѣ все это, не считая нисколько за грѣхъ и не будучи вовсе шаманами. Такъ одинъ мальчикъ въ Вайтѣ отлично умѣлъ шаманить, хотя и не былъ шаманомъ. Искусство шамановъ, мнѣ кажется, состоитъ у Гиляковъ не столько въ умѣніи пѣть и плясать, сколько дѣлать разные фокусы, напримѣръ, вонзать себѣ въ тѣло ножъ и т. п., чѣмъ особенно и славятся ихъ великіе шаманы. (Bm. I, p. 34, 35).

28. Гиляки. Процессъ шаманства. Что Гиляки особенно боятся змѣй, я узналъ изъ словъ очевидца, который лично присутствовалъ при заклинаніяхъ шамана у Гиляковъ въ Петровскѣ. Послѣ пѣнія и воплей всѣхъ присутствующихъ шаманъ обратился къ божествамъ, правящимъ небомъ, солнцемъ, луною и звѣздами (о которыхъ, кстати сказать, онъ зналъ не больше того, чему могъ научиться отъ старѣйшихъ своего племени). Потомъ

---

1) Что шаманы имѣютъ въ глазахъ Гиляковъ не столько религіозное, сколько чисто практическое, конечно смѣшанное съ суевѣріемъ значеніе — подтверждается, между прочимъ, тѣмъ, что они называютъ иногда шаманами или отождествляютъ съ ними врачей и аптекарей, такъ какъ они исцѣляютъ болѣзни, но никогда не называютъ такъ священниковъ. (Хотя при медвѣжьихъ празднествахъ и можетъ быть шаманъ, но шаманить ему запрещено). См. стр. 80, 89, сравн. также т. II, стр. 250.

опъ произнесъ заклинанія противъ медвѣдя и змѣй—животныхъ, наиболѣе страшныхъ для Гиляковъ и русскихъ. Свои заклинанія шаманъ по временамъ сопровождалъ ударами палочки по звѣриной кожѣ, туго натянутой на обручѣ барабана. На одномъ концѣ палочки было сдѣлано изображеніе медвѣдя, на другомъ змѣи. Присутствующіе снова начали свои вопли и танцы, а шаманъ обратился къ Богу съ молитвою объ обильномъ ловѣ рыбы, о хорошей погодѣ, стокѣ дождя въ море, благопріятномъ и безопасномъ морскомъ плаваніи для Гиляковъ и русскихъ. (Bm. I, p. 9).

29. Гиляки. Шаманство въ случаѣ болѣзни [1]). Жаба (приносящая бѣду) бываетъ двухъ родовъ: простая—*Мипичъ*, и двойная—*Вапъ-мипичъ*, съ двойнымъ туловищемъ и конечностями. Первая водится на сушѣ, вторая въ водѣ, и поэтому ихъ также называютъ—*Мифъ-мипичъ* и *Толъ-мипичъ* [2]). Обѣ могущественны и сверхъестественны (*мага*), особенно же *Вапъ-мипичъ*, которая, по гиляцкому выраженію, равна чорту (*кинснгарлачъ*), чѣмъ, возможно, и обусловливается ея двойное изображеніе. Зло, приносимое ими, состоитъ въ томъ, что онѣ подкрадываются къ спящему человѣку, заползаютъ ему въ ротъ и проникаютъ далѣе внутрь, въ грудь и желудокъ. Человѣкъ заболѣваетъ и долженъ умереть, если не прибѣгнетъ своевременно къ средству, которое можетъ освободить его отъ *мипичъ*, и которымъ является въ этомъ случаѣ только шаманъ. Послѣдній обращается съ мольбой къ *кэгн'у* (доброму духу), который и удаляетъ изъ больного *мипичъ* Затѣмъ больному надѣваютъ на шею изображеніе жабы, вырѣзанное самимъ шаманомъ или кѣмъ-либо другимъ по его указанію, которое больной продолжаетъ носить и потомъ, чтобы и на будущее время оградить себя отъ новой бѣды. Если боленъ мужчина, ему вѣшаютъ на шею простой *мипичъ*, женщинѣ—двойной. И *мипичъ* и *вапъ-мипичъ* всегда вырѣзаются изъ дерева. Единственное исключеніе представляетъ изображеніе простой жабы (*мипичъ*) на головной повязкѣ убитаго медвѣдя (см. стр. 82, 86), гдѣ она вырѣзана изъ бересты. Изображеніе изъ бересты вырѣзается женщинами, деревянныя же всегда—мужчинами, такъ какъ всякаго рода рѣзныя произведенія изъ дерева дѣлаются исключительно ими, женщины же особенно искусны въ вырѣзываніи разныхъ фигуръ и арабесковъ изъ матеріи и бересты.

Сходно съ своими воззрѣніями на жабу и змѣю Гиляки смотрятъ и на ящерицу (*мэ(р)нгай*), только послѣдняя, по ихъ понятіямъ, обладаетъ гораздо меньшей силой. Она будто бы вползаетъ человѣку въ голову и можетъ быть оттуда также изгнана шаманомъ. Помогаетъ также, если больному надѣть на голову амулетъ въ видѣ желѣзнаго обруча (*лалцъ*) [3]). Обручъ этотъ имѣетъ съ каждой стороны у висковъ по изображенію ящерицы; спереди, ближе ко лбу, по фигурѣ человѣка—съ одной стороны мужчины, съ другой—

---

1) Заклинанія шамановъ недѣйствительны при укушеніи змѣею, отъ котораго исцѣляетъ лишь обвязанная около раны шкурка змѣи.

2) Эти свѣдѣнія я получилъ, главнымъ образомъ, отъ Поркукъ и ея сына Джамана изъ Куика. Согласно Ючину, *Вапъ-мипичъ* изображаетъ совокупленіе жабъ, которое по большей части происходитъ въ водѣ, и смотрѣть на которое у Гиляковъ считается за *уичъ*. По его словамъ *Вапъ-мипичъ* носятъ женщины.

3) См. прилож. 6.

женщины. Наконецъ, совсѣмъ спереди на лбу прикрѣплено изображеніе лягушки, что весьма удивительно, такъ какъ лягушка (*дхалъ*) не считается вредной (*мага́*). (Bm. II, p. 44—46.

30. Гиляки. Почетомъ, какимъ шаманы пользуются среди своихъ соотечественниковъ, они обязаны главнымъ образомъ своему чародѣйству. Чѣмъ больше ихъ пріемы уклоняются отъ естественнаго хода вещей, тѣмъ громче слава шамановъ. Таковъ, напримѣръ, Раппунъ въ Тебахѣ, который особенно извѣстенъ благодаря слѣдующему чуду: ему связываютъ ремнемъ на спинѣ руки и сильно стягиваютъ другимъ ремнемъ горло. Затѣмъ онъ садится на земляной полъ юрты, въ которой тушатъ лампы и огонь на очагѣ. Какъ только наступитъ полная тьма, Раппунъ дрожащимъ, завывающимъ голосомъ затягиваетъ пѣсню съ протяжнымъ, заунывнымъ напѣвомъ, обычнымъ у шамановъ, съ частыми повтореніями и перестановкою однихъ и тѣхъ же словъ. Затѣмъ онъ падаетъ ницъ, какъ мертвый. Тогда всѣ присутствующіе — мужчины, женщины и дѣти затягиваютъ пѣсню, которая имѣетъ цѣлью вызвать *кэгна*.

Во время этого пѣнія появляется *кэгнъ*, ни для кого, кромѣ шамана, невидимый, развязываетъ у него ремни вокругъ шеи и на рукахъ и возвращаетъ его къ жизни. Какъ только пѣніе прекращается, шаманъ, попрежнему живой, встаетъ снова на ноги.

Другой шаманъ, Хорвинъ изъ Чхарбаха — еще мальчикъ (*мачерлагу-чамъ*) менѣе силенъ и искусенъ, чѣмъ Раппунъ, но все-таки дѣлаетъ удивительныя вещи. Вотъ что о немъ разсказываютъ Гиляки: также съ крѣпко связанными за спиною руками онъ садится на полъ юрты, гдѣ опять тушатъ огни, и присутствующіе затягиваютъ шаманскую пѣснь, которой зовутъ *кэгн*'а придти и танцовать. Еще во время ихъ пѣнія является крошечный *кэгнъ* съ ноготокъ величиною и пляшетъ на рукахъ у шамана. Какъ только пѣсня окончена, молодой шаманъ поднимается съ пола совершенно свободнымъ.

Каждый шаманъ имѣетъ свои собственныя пѣсни; ихъ содержаніе, а также и то, поются ли они въ опредѣленныхъ случаяхъ, мнѣ осталось неизвѣстнымъ. Съ достовѣрностью можно только сказать, что всѣ шаманскія пѣсни являются заклинаніями, вызывающими *кэгн*'овъ, которые обязаны приходить и оказывать помощь, исцѣлять больныхъ, предсказывать будущее и т. п. Свои обязанности *кэгн*'ы по представленію Гиляковъ выполняютъ всегда танцуя, что, вѣроятно, стоитъ въ связи съ танцами самихъ шамановъ. Въ упомянутыхъ выше шаманскихъ пѣсняхъ *кэгнъ* прямо призывается для пляски (*лэрта*). Но появленіе *кэгн*'а и его пляска ни для кого въ юртѣ невидимы, кромѣ шамана — и въ этомъ знакъ и доказательство его высшаго дара и сверхъестественной силы. (Bm. II, p. 47, 48).

31. Гиляки. Гилякъ Ючинъ изъ Патхэ описалъ мнѣ подробно, какъ одинъ шаманъ заклиналъ духовъ. Его разсказъ вполнѣ согласуется съ тѣмъ, что говорилось выше о шаманахъ, и потому я приведу его здѣсь.

Ночь. Въ юртѣ темно. На земляномъ полу по серединѣ юрты, откудо убранъ собачій столъ, лежитъ шаманъ. Его руки связаны за спиною, а горло стягиваетъ ременная петля,

концы которой держатъ два Гиляка, сидящіе далеко другъ отъ друга и отъ шамана. Въ юртѣ ни шороха, пока шаманъ не крикнетъ *тфвысь*, послѣ чего юрта мгновенно оглашается шумомъ какъ бы отъ танцующихъ деревяшекъ — этотъ шумъ производятъ *кэгнъ* или *кэгн*'ы, проникнувшіе въ домъ. Гиляки, сидящіе вокругъ, обращаются къ *кэгн*'у съ различными вопросами: не желаетъ ли онъ ягодъ, лосинаго жира, какихъ-нибудь корней и т. п., или же онъ, можетъ быть, явился такъ безъ особыхъ желаній? *Кэгнъ* на каждый вопросъ отвѣчаетъ то утвердительно — простымъ постукиваніемъ, то отрицательно — царапаньемъ или же уклончиво, когда за короткимъ стукомъ тотчасъ слѣдуетъ царапанье. Послѣдній отвѣтъ значитъ приблизительно: «я не знаю».

Среди непрерывнаго шума *кэгн*'ы приближаются къ лежащему на полу связанному шаману и, продолжая постукивать, танцуютъ на немъ. Шаманъ испускаетъ духъ, что слышно для всѣхъ. Если онъ мертвъ, поютъ всѣ присутствующіе, обращаясь съ заклинаніями къ *кэгн*'у. Если же шаманъ живъ, поетъ лишь одинъ изъ Гиляковъ именно тотъ, котораго хочетъ *кэгнъ*[1]). Послѣдняго спрашиваютъ: кто долженъ пѣть, этотъ ли? (называя имя) или тотъ, пока не получатъ утвердительнаго отвѣта. Пѣсня, которую присутствующіе поютъ хоромъ послѣ смерти шамана, значитъ приблизительно слѣдующее: «Оживляй поскорѣй, приходи скорѣй, зачѣмъ медлить? Приходи скорѣй, скорѣй пляши!»

Подстрекаемые этой пѣснью, *кэгн*'ы опять шумно танцуютъ вокругъ шамана. Раздается глубокій вздохъ, — это шаманъ возвращается къ жизни. Снова живой, совершенно свободный отъ связывавшихъ путъ, онъ встаетъ съ полу и словами: *кэучекъ-віа! кэучекъ-віа!* [2]) разгоняетъ *кэгн*'овъ. Въ юртѣ снова становится тихо, шаманство кончено, и теперь снова можно раздуть огни на очагахъ. (Bm. II, p. 55, 57).

32. Гиляки. Въ деревнѣ Тыкѣ на Сахалинѣ мнѣ разсказывали, что и у сахалинскихъ Гиляковъ также есть шаманы. Принадлежности ихъ здѣсь тѣ же, какъ и на материкѣ: бубенъ (*касъ*), шаманскій поясъ (по ольч. *янгпá*) и т. п. (Табл. LXI, фиг. 2, 4). (2, W. R. I, p. 10).

На восточномъ берегу острова, въ большой деревнѣ Чай-во, насчитывающей болѣе 10 юртъ, жилъ, по слухамъ, шаманъ, пользовавшійся большой славой среди Гиляковъ. (2, W. R. II, p. 7).

33. Самагирцы. Однажды вечеромъ въ деревнѣ Нгагѣ я услышалъ гулъ барабана. Узнавъ, что въ сосѣдней юртѣ шаманили, я немедленно отправился туда. Въ юртѣ было темно, и только на обоихъ очагахъ тлѣли уголья, передъ которыми сидѣли на корточкахъ женщины и дѣти. Изъ отдаленнаго, самаго темнаго угла этого уже и безъ того темнаго помѣщенія раздавалось унылое однообразное пѣніе, вмѣстѣ со звуками бубна, иногда настолько сильными, что отъ нихъ дрожала вся юрта. Вмѣстѣ съ моимъ проводникомъ я усѣлся на нары и слушалъ нѣсколько времени зловѣщую музыку. На мой вопросъ, почему

---

1) Не ясно, что здѣсь хочетъ сказать авторъ.

2) Быть можетъ *каунссра* — прочь, *вирá* — дайте намъ уйти. См. Giljakisches Wörterverzeichniss v. Dr. W. Grube.

въ юртѣ нѣтъ огня, мнѣ отвѣтили, что шаманятъ для находящейся здѣсь больной женщины, и что при этомъ не должно быть вовсе огня. Дѣйствительно, когда немного спустя раздули на очагахъ пламя и зажгли лампы, звуки бубна и пѣніе мгновенно прекратились. Тогда я подошелъ къ шаману сидѣвшему на парахъ. Возлѣ него лежала больная женщина, а рядомъ съ ней стоялъ котелокъ (*яхалакко*) съ тлѣющими угольями. Шаманъ указалъ мнѣ на больную женщину и далъ мнѣ понять, что шаманили для нея. Тутъ же я могъ поближе разсмотрѣть инструменты, производящіе столь ужасную музыку. Бубенъ (*унгчу* у Килей и другихъ амурскихъ инородцевъ тунгусскаго происхожденія) состоитъ изъ неправильнаго, овальнаго, суживающагося къ концамъ деревяннаго обруча, на который натянута перепонка изъ пузыря козули. На внутренней сторонѣ бубна укрѣплены крестообразно двѣ перекладины, за которыя инструментъ держатъ въ то время, какъ по нему колотятъ собачьей лапой или палкой (*гессе́*), обтянутой собачьей шкурой [1]). Къ сожалѣнію, незнаніе языка помѣшало мнѣ ознакомиться съ содержаніемъ шаманской пѣсни. (1, W. R. II, p. 77, 78).

34. Ольчи. Однажды, когда я былъ въ деревнѣ Ырри и сидѣлъ вечеромъ въ юртѣ за чаемъ, принесли пару шаманскихъ бубенъ вмѣстѣ съ другими принадлежностями, собираясь, повидимому, пустить ихъ въ ходъ; я выразилъ желаніе присутствовать при этомъ, и тотчасъ же приступили къ приготовленіямъ. Спачала бубны слегка нагрѣли у очага, чтобы натянуть сильнѣе перепонку и придать имъ большую звонкость. Бубны и здѣсь были сдѣланы изъ шкуры [2]) козули, хотя ихъ дѣлаютъ также изъ кожи оленей, лосей, ѣздовыхъ оленей, словомъ изъ кожи всѣхъ оленьихъ породъ, если желаютъ, чтобы инструментъ былъ хорошъ. Пока пастраивали бубны, шаманъ приготовлялъ свое облаченіе. Скинувъ съ себя длинную, верхнюю одежду, онъ надѣлъ такъ называемую гиляцкую *косська* [3]), а голову обвилъ связкою стружекъ, пучекъ которыхъ спускался ему на спину въ видѣ косы. То была такъ называемая *Гіазада́*. Затѣмъ онъ опоясался шаманскимъ поясомъ, сдѣланнымъ изъ ремня съ массою желѣзныхъ бляхъ, мѣдныхъ колецъ и т. п. металлическихъ подвѣсокъ, которыя должны были издавать при пляскѣ шамана громкій звонъ и лязгъ. Весь поясъ называется на парѣчіи Ольчей *янпа́* и несетъ слѣдующія металлическія подвѣски: большой мѣдный кругъ съ маленькимъ ушкомъ и рельефными украшеніями на поверхности, указывающими на его маньчжурское происхожденіе. Кругъ этотъ, называемый *Толе*, представляетъ самую крупную побрякушку на поясѣ. Затѣмъ слѣдуютъ куски желѣза въ формѣ огнива (*яссо́*), употребляемаго маньчжурскими и тунгусскими племенами, множество желѣзныхъ пластинокъ неправильной формы, такъ называемыхъ *Кыпре*, которыя и бренчатъ всего сильнѣе; нѣсколько свернутыхъ въ трубочку желѣзныхъ листиковъ — *Конгоро̀* и, наконецъ, маленькіе мѣдные колокольчики безъ язычковъ — *конгокто́*.

---

1) Ср. табл. LXI, фиг. 4.
2) Или пузыря (?) См. приложеніе 33.
3) Короткій передникъ. (См. т. II, стр. 82).

Всѣ эти предметы висятъ вмѣстѣ въ одной кучѣ и, когда поясъ надѣтъ, приходятся назади. Поясъ этотъ въ общемъ довольно значительнаго вѣса [1]).

Опоясавшись поясомъ, шаманъ сѣлъ на лавку. Ему подали бубенъ, а на полъ передъ нимъ поставили желѣзную плиту съ раскаленными угольями, на которыя бросили сухую Ledum palustre (по ольч. *Сіанкура*). Сильный запахъ, конечно дѣйствующій одуряюще, шелъ отъ этой жаровни по всей юртѣ. Шаманъ наклонился надъ поднимающимся клубами дымомъ и тихо, мѣрно затянулъ унылую пѣснь, держа край поднятаго отвѣсно бубна, передъ самыми губами и ударяя въ него болѣе или менѣе сильно. Постепенно пѣніе становилось громче, удары сильнѣе. Шаманъ всталъ, и къ пѣнію присоединилось бряцаніе побрякушекъ на *янпá*, для чего онъ поводилъ взадъ и впередъ бедрами, въ тактъ своему пѣнію и грохоту бубна. Жаровню съ *Сіанкура* унесли, и шаманъ сталъ посерединѣ юрты, повернувшись лицомъ къ дверямъ и спиной къ присутствующимъ. Время отъ времени онъ, однако, оборачивался къ нимъ, медленно, но въ тактъ переставляя ноги и усиленно громыхая своею *янпá*. Это не былъ танецъ въ строгомъ смыслѣ слова, а лишь усиленное движеніе бедеръ вмѣстѣ съ медленными размѣренными поворотами всего тѣла. При этомъ шаманъ высоко поднималъ бубенъ, простирая его во всѣ стороны юрты. Онъ извлекалъ изъ бубна то тихую, мелкую дробь, то потрясающіе удары, отъ которыхъ дрожала вся юрта, для чего ему приходилось дѣлать крайне сложныя движенія руками, всегда однако въ тактъ съ поворотомъ тѣла и движеніямъ ногъ. По мѣрѣ того какъ усиливались звонъ и лязгъ отъ *янпá* и громъ бубна, пѣніе постепенно утихало и, наконецъ, совсѣмъ смолкло, и только музыка и танцы продолжались еще долгое время, не теряя своего возбуждающаго и одновременно утомляющаго характера. Бубны приходилось иногда мѣнять, такъ какъ натянутая кожа ослабѣвала, и звукъ портился. Кто-нибудь изъ присутствующихъ снова настраивалъ бубенъ, медленно поворачивая его надъ огнемъ. Шаману иногда давали по глотку воды, а одинъ разъ и чего-то съѣстнаго, какъ кажется, рыбы. Наконецъ онъ остановился, повидимому въ полномъ изнеможеніи, опустился на скамью и сталъ набивать себѣ трубку; послѣ непродолжительнаго однако отдыха музыка и пляска начались снова. Шаманъ всталъ, какъ бы собираясь попрежнему продолжать свое дѣло, и показалъ на одну изъ женщинъ, сидѣвшихъ вокругъ. Ей тотчасъ надѣли на голову нѣчто въ родѣ большого вѣнка или скорѣе высокой коропы изъ соломы, а вокругъ шеи деревянное ожерелье съ длинными свѣшивающимися концами. На земляномъ полу среди юрты разостлали кожаный мѣшокъ, въ которомъ сохраняются бубны. Женщина сѣла на него, а шаманъ началъ медленно танцовать вокругъ, ударяя въ бубенъ и звеня побрякушками *янпá*. Затѣмъ, по знаку данному шаманомъ, потушили на очагахъ огни и заставили меня задуть свою свѣчу, такъ что юрта погрузилась въ полный мракъ. Шаманъ стоялъ за спиной женщины и еще нѣ-

---

1) Сравн. табл. LXI, фиг. 4. Сцена шаманства, изображенная на этой таблицѣ, названа гиляцкой, хотя нигдѣ въ замѣткахъ автора нѣтъ соотвѣтствующаго описанія. Если это не схематическое изображеніе шаманскаго акта у Гиляковъ, рисунокъ несомнѣнно относится къ Ольчамъ.

сколько времени продолжалъ свою музыку. Но затѣмъ я замѣтилъ, что въ бубенъ билъ одинъ изъ присутствующихъ — и это, въ связи съ мракомъ въ юртѣ, требуемымъ обычаемъ, невольно навело меня на мысль, что чувственность при шаманствѣ играетъ большую роль. Наконецъ шаманъ снова взялъ бубенъ въ руки, на очагахъ раздули огонь и позволили мнѣ опять зажечь свою свѣчу. Женщина сидѣла попрежнему, но на ней не было ни вѣнка, ни ожерелья, отдѣльные обрывки которыхъ валялись на земляномъ полу. Шаманъ, равномѣрно двигая руками и описывая ими круги въ воздухѣ, нѣсколько разъ коснулся головы женщины, которая встала, а затѣмъ убрали и мѣшокъ. Шаманъ затянулъ новую, длинную пѣснь изъ однообразныхъ длинныхъ, правильно чередующихся строфъ съ аккомпаниментомъ бубна и побрякушекъ на *янпá*. Время отъ времени черезъ опредѣленные промежутки шаманъ подносилъ къ губамъ бубенъ, резонансъ отъ котораго вмѣстѣ съ грохотомъ самого бубна придавалъ пѣснѣ какой-то совершенно своеобразный оттѣнокъ. Пѣснь точно двоилась и слышалась сразу изъ нѣсколькихъ мѣстъ. Пѣніе продолжалось еще долго, бубны мѣнялись не разъ, пока, наконецъ, шаманъ не окончилъ церемонію въ полномъ изнеможеніи. Очевидно, что эта пѣсня имѣла большое значеніе во всемъ обрядѣ. Къ сожалѣнію, я не могъ понять ея содержанія, а проводникъ мой сказалъ только, что весь обрядъ съ женщиной имѣлъ значеніе *зэва* [1]). (1 W. R. II, p. 94—97).

35. Ольчи. Въ одной изъ юртъ деревни Монголé раздались звуки шаманскаго бубна. Шаманъ сидѣлъ здѣсь на нарахъ возлѣ спящаго больного, для котораго и предназначались удары бубна и пѣніе. Такъ какъ словъ я не понималъ, то музыка, и все здѣсь происходившее представлялось мнѣ совершенно сходнымъ съ тѣмъ, что я видѣлъ и слышалъ у Самагирцевъ въ Нгагѣ [2]). Глухіе звуки шаманскаго бубна до поздняго вечера оглашали деревню. (T. 1. W. R. II, p. 113, 114).

36. Ольчи. Въ деревнѣ Калмъ [3]) въ гиляцкой юртѣ былъ больной ребенокъ. Женщина изъ племени Ольчей, плывшая съ нами въ ольчской лодкѣ, предложила полѣчить ребенка и пошаманить за три пачки табака. Немедленно раздались звуки шаманской музыки, совершенно подобно тому, какъ я слышалъ въ *Монголé* и *Нгагѣ*, и которые описалъ выше. Вся разница была лишь въ томъ, что здѣсь дѣйствующимъ лицомъ являлась женщина. Послѣ вступительнаго пѣнія подъ звуки бубна, шаманка взяла нѣсколько стружекъ (*зэва*) и тряпицу и провела ими нѣсколько разъ по голому ребенку, который лежалъ на колѣняхъ у матери. Это было своего рода магнетизированіе, во время котораго шаманка пѣла, держа губы у края сильно резонирующаго бубна. Новымъ пѣніемъ и ударами бубна шаманка закончила свое врачеваніе, послѣ чего ребенокъ былъ положенъ обратно въ колыбель. (1 S. R. I, p. 7).

37. Ольчи. Въ страну *Бунъ* — мѣсто загробной жизни Ольчей, проникаютъ только «хорошіе, настоящіе» шаманы, какихъ вообще немного. «Мелкіе же и плохіе», встрѣчаю-

---

1) См. приложеніе 9.
2) См. приложеніе 31.
3) На правомъ берегу Амура.

щіеся въ каждой деревнѣ [1]), туда не имѣютъ доступа. Послѣдніе умѣютъ только пѣть и танцовать по-шамански, но не въ состояніи попасть въ страну *Бунъ*. Слѣдовательно, они не настоящіе шаманы, а просто *сольде-ней*, т. е. — обыкновенные люди. Настоящихъ шамановъ — такихъ, которые имѣютъ доступъ въ страну Бунъ, Ольчи насчитываютъ теперь всего пять: двое изъ нихъ живутъ на озерѣ Удылѣ, одинъ — на рѣкѣ Амгуни, и двое же на Горинѣ. По странному совпаденію, всѣ — на притокахъ, а не на самомъ Амурѣ. (2 S. R. I, 37).

38. Гольды. Въ то время какъ мы занимались изслѣдованіями на мысѣ Аува [2]), мимо насъ прошло тяжело нагруженное гольдское судно, которое тянулъ за бичеву старикъ. Двое женщинъ сидѣло пассажирами. Когда лодка остановилась въ Аувѣ, мы узпали, что па ней есть покойникъ. Жители расположеннаго здѣсь дауро [3]) встрѣтили лодку громкими стонами и воплями. Отъ нихъ не отставалъ и китаецъ, который пришелъ сюда изъ сосѣдняго мѣстечка (также Аувы), гдѣ онъ жилъ постоянно. Покойный былъ мужемъ одной изъ женщинъ въ лодкѣ. Вдова въ знакъ траура обрѣзала свои длинные волосы и повязала голову. Вновь прибывшіе остановились на ночлегъ, раскинувъ передъ дауро свою палатку. Когда стемнѣло, передъ палаткой развели огонь. патянули надъ нимъ шамапскіе бубны, и одна изъ женщинъ, (однако не вдова), начала шаманить въ обычномъ порядкѣ. Изъ-за мрачныхъ тучъ, застилавшихъ небо, выплыла внезапно луна и слабымъ свѣтомъ озарила безобразную шаманку, которая пѣла передъ пылающимъ костромъ, потрясая бубномъ, и плавно танцуя подъ звонъ побрякушекъ па поясѣ. Вокругъ огпя стояли и сидѣли вдова и Гольды изъ дауро, молча слушая пѣніе, дикую музыку бубна и звонъ побрякушекъ. Все это, очевидно, совершалось ради покойника и продолжалось до поздняго вечера, чтобы возобновиться на завтра съ солнечнымъ восходомъ, передъ тѣмъ какъ нужно было спять палатку и отправиться снова въ путь. Смерть мужа разстроила, повидимому, хозяйство, и вдова искала себѣ теперь вверхъ по рѣкѣ новой родины. (1 S. R. IV, p. 34).

39. Гольды. Аистъ находитъ себѣ у Гольдовъ единственное примѣненіе: его мясомъ питаются шаманы. (1. S. R. IV, p. 14).

Примѣчаніе. О шаманахъ у Манегирцевъ авторъ ничего не могъ узнать кромѣ того, что они существуютъ. (2. S. R. III, p. 41).

40. Дауры. Въ деревнѣ Хормолдинъ на верхнемъ Амурѣ мнѣ показывали обычную шаманскую утварь Дауровъ. Это была корона [4]) изъ папки, съ изображеніемъ человѣческаго лица на каждомъ зубцѣ, и красный плащъ, съ нашитыми на немъ въ нѣсколько

---

1) См. приложеніе 27.

2) На картѣ онъ обозначенъ — *Aya*, — на правомъ берегу Уссури.

3) Лѣтняя палатка Гольдовъ (см. т. II, стр. 62). Въ путевыхъ замѣткахъ автора встрѣчается однако между прочимъ выраженіе: «дауро изъ (столькихъ то) шалашей» — откуда слѣдуетъ, что подъ словомъ дауро надо подразумѣвать также и цѣлую лѣтнюю колонію.

4) Возможно, что эта корона, какъ и на головахъ гиляцкихъ идоловъ (см. приложеніе 20 и 21), представляетъ подражаніе коронѣ буддійскихъ священниковъ. Такого рода идолы, но съ фигурами звѣрей на головахъ, имѣются въ академическомъ музеѣ отъ Ороковъ на Сахалинѣ.

рядовъ крупными мѣдными пластинками и болѣе мелкими кусками, что составляло въ общемъ непомѣрную тяжесть. Жаль было шамана, которому приходится плясать съ такою ношею на плечахъ. Хозяинъ жилища и вмѣстѣ съ тѣмъ владѣлецъ плаща выдавалъ себя за шамана и увѣрялъ, что своими заклинаніями онъ также можетъ лѣчить болѣзни. По его словамъ одинаковые шаманскіе обряды есть также и у Маньчжуровъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ у тѣхъ и другихъ попадаются по огородамъ небольшія повидимому буддійскія часовни. (2 S. R. II, p. 57).

41. Маньчжуры. Въ деревнѣ Торелль насъ поразили звуки шаманскаго бубна, которыхъ мы уже давно не слыхали и никакъ не ожидали здѣсь встрѣтить, такъ какъ эта деревня населена Маньчжурами, а мы были склонны считать ихъ буддистами. Здѣсь слѣдовательно на лицо доказательство, что шаманизмъ, если и не въ чистомъ видѣ, то по крайней мѣрѣ вмѣстѣ съ буддизмомъ встрѣчается и среди Маньчжуровъ (2. S. R. II, p. 59).

II. Представленія амурскихъ инородцевъ о загробной жизни и погребальные обряды у нихъ.

Участь души послѣ смерти.

42. Гиляки. Гиляки (Амурскіе) полагаютъ (согласно Сургину), что души всѣхъ умирающихъ естественной смертью странствуютъ по землѣ или подъ землею, и только души убитыхъ, въ томъ числѣ и души самоубійцъ, улетаютъ въ небо. Весьма вѣроятно, что этотъ полетъ на небо изображается въ фигурѣ *Ваи'а*, напоминающей летящаго человѣка съ своеобразной рыбьей или птичьей головой (Вш. I, p. 53).

43. Гиляки. Со словъ Гиляка (Амурскаго) Ючина я записалъ интересную гиляцкую пѣснь вмѣстѣ съ комментаріями, порою весьма поучительными. Эту пѣснь Гилякъ Оркинъ изъ Магхо пѣлъ своей женѣ Рчывгук'ѣ, которую онъ похитилъ изъ Вайра [1]). Въ мое время Оркинъ былъ еще живъ, но уже потерялъ свою жену.

Главное содержаніе этой пѣсни повидимому относится къ «деревнѣ Млыг-во». Я поинтересовался, что̀ это за деревня и гдѣ она находится, и узналъ, что она лежитъ гдѣ то внутри земли, куда отправляются души всѣхъ умершихъ отъ болѣзни, тогда какъ души убитыхъ [2]) возносятся на небо. Судя по количеству людей, умирающихъ спокойно, т. е. отъ болѣзни, деревня Млыг-во должна быть по мнѣнію моего собесѣдника очень большой. Но кромѣ этого онъ ничего не могъ сообщить мнѣ; чтобы сдѣлать переселеніе души болѣе счастливымъ и быстрымъ, на золу, оставшуюся отъ умершаго, кладутъ разные предметы, наприм. орлиныя крылья, съѣстные припасы и т. д. [3]).

На мой вопросъ, какая участь постигаетъ душу человѣка, погибшаго въ борьбѣ съ

---

1) Гиляцкій текстъ этой пѣсни въ приложеніи къ третьему тому Reisen und Forschungen — «Linguistische Ergebnisse» bearbeitet von Dr. W. Grube». p. 41.

2) По другимъ свѣдѣніямъ также души самоубійцъ (см. приложеніе 42).

3) См. приложеніе 47, 53.

медвѣдемъ, я получилъ отвѣтъ, что душа такого человѣка входитъ въ тѣло медвѣдя и бродитъ по лѣсамъ и горамъ.

Гиляки, какъ и Ольчи [1]), несомнѣнно вѣрятъ въ переселеніе душъ. Трупъ убитаго медвѣдемъ они кладутъ въ особаго рода усыпальницу (*чыф-нгыхъ*) и приносятъ ему туда ягодъ, рыбы и т. п.[2]) Но самъ убитый, т. е. его душа, уходитъ въ лѣсъ, превратившись въ медвѣдя.

Недостаточное знаніе туземнаго языка вмѣстѣ съ трудностью говорить съ некультурными народами объ отвлеченныхъ предметахъ было причиною того, что я никакъ не могъ узнать гиляцкое выраженіе для слова «душа». Но взгляды Гиляковъ на посмертную участь человѣка несомнѣнно доказываютъ, что и они знакомы съ понятіемъ о душѣ, какъ о живущей въ человѣкѣ духовной силѣ. Вѣрованіе о превращеніи въ медвѣдя человѣка, убитаго этимъ звѣремъ, объясняетъ до нѣкоторой степени обычай Гиляковъ приносить трупу такого покойника съѣстные припасы. Его душа все еще странствуетъ по землѣ, тогда какъ душа человѣка, убитаго человѣкомъ же, уже улетѣла на небо и не нуждается болѣе ни въ какой земной пищѣ. Наконецъ, это же представленіе можетъ отчасти быть поводомъ того обоготворенія и уваженія, которое Гиляки оказываютъ медвѣдю, обращаясь съ нимъ иногда почти какъ съ человѣкомъ. (Вш. II, 57—59).

44. Гиляки. Душа человѣка, утонувшаго въ рѣкѣ или морѣ, по воззрѣніямъ какъ Гиляковъ такъ и Ольчей [3]) (согласно Ючину), не идетъ ни на небо, ни въ Млыг-во, а переселяется въ тюленя и именно въ *Кихичъ* или *Пыхи-лангръ*, т. е. въ взрослаго Phoca vitulina или nautica. Поэтому при ловлѣ тюленей есть всегда кое-какіе *уичъ*. Напримѣръ, поймавъ тюленя, прежде всего ему нужно проколоть ножомъ глаза, такъ чтобы вытекла глазная влага, собрать ее въ горсть руки и выбросить въ рѣку. Только послѣ этой операціи охотникъ можетъ [4]) воспользоваться по желанію своей добычей.

Трудно сказать, какое представленіе имѣютъ Гиляки о небѣ (*Тлё*), куда возносятся души убитыхъ. Когда я спросилъ, не переселяются ли души на одну изъ звѣздъ, которыя вѣдь тоже земли, мнѣ отвѣтили, что они идутъ еще далѣе за звѣзды — *кикръ*, т. е. вглубь страны [5]) (Вш. II, p. 62, 63).

45. Ольчи. Хоссіамбо сообщилъ мнѣ слѣдующее о воззрѣніяхъ Ольчей насчетъ судьбы умершихъ и переселенія душъ въ медвѣдей и водныхъ животныхъ.

Всѣ Ольчи — какъ умирающіе «спокойной» смертью, такъ и насильственной отъ руки убійцы — одинаково отправляются въ страну Бунъ. Гдѣ лежитъ эта страна, вверхъ или внизъ по Амуру, Хоссіамбо не умѣлъ сказать и даже нашелъ страннымъ мой вопросъ объ этомъ, такъ какъ самъ онъ тамъ никогда не былъ. Онъ былъ лишь совершенно увѣренъ, что эта страна не можетъ находиться внутри земли. Такимъ образомъ, представленіе

---

1) См. приложеніе 45 на этой страницѣ.
2) См. приложеніе 57, стр. 139.
3) См. приложеніе 45.
4) См. т. II, стр. 233.
5) См. о звѣздныхъ жителяхъ выше, стр. 47.

Ольчей о странѣ Бунъ отличается, повидимому, отъ представленія Гиляковъ о Млыг-во. Къ тому же Хоссіамбо могъ разсказать о странѣ Бунъ гораздо больше, чѣмъ Гиляки о своемъ Млыг-во. Страна Бунъ по его словамъ устроена точно такъ же, какъ наша земля. Она населена всѣми тѣми звѣрями и растеніями, которые есть и на землѣ. Различные народы и племена занимаются тѣмъ же, какъ и люди на землѣ. Тамъ также свѣтитъ солнце, луна и звѣзды, течетъ рѣка *Мангу* (Амуръ), и есть горы. Вся разница въ томъ, что, когда у насъ лѣто, тамъ лежитъ снѣгъ и ледъ, и ѣздятъ на собакахъ — и наоборотъ. Точно такъ же когда у насъ день — тамъ ночь, и всѣ спятъ. Вся судьба жителей страны Бунъ такъ сказать противоположна участи земного человѣчества. Если тамъ годъ обиленъ рыбой, и убиваютъ много медвѣдей, то здѣсь на землѣ ловятъ мало рыбы и мало бьютъ медвѣдей — и наоборотъ. Знакомство со всѣмъ этимъ и позволяетъ шаманамъ дѣлать свои предсказанія, такъ какъ они могутъ произвольно удаляться въ страну Бунъ и возвращаться оттуда на землю, что недоступно простымъ смертнымъ, которые, попавъ однажды туда, уже никогда больше не возвращаются на землю человѣкомъ.

Путешествіе въ страну Бунъ требуетъ извѣстнаго времени. По мнѣнію Хоссіамбо нужно сдѣлать на пути при медленномъ путешествіи девять ночевокъ, если же ѣхать очень быстро, то пять; четырехъ ночевокъ для этого слишкомъ мало. Такое опредѣленіе разстоянія по времени пути тѣмъ болѣе удивительно, что мѣстоположеніе страны Бунъ, какъ я убѣдился раньше, вовсе не извѣстно. Большинствомъ своихъ представленій о загробной жизни Ольчи обязаны шаманамъ, побывавшимъ въ странѣ Бунъ. Вотъ еще нѣкоторыя подробности объ этомъ предметѣ.

Какъ и на землѣ, члены одного народа и одной семьи живутъ въ странѣ Бунъ вмѣстѣ; Ольча, переселяющійся туда, встрѣчаетъ свою семью и находитъ въ ней опять свое мѣсто. Обитатели страны Бунъ (*Бунчи-неи*), живутъ такъ же какъ и жители земли, и смертны подобно имъ. Судьба ихъ послѣ смерти отчасти сходна съ участью мертвыхъ на землѣ, отчасти же совершенно иная.

Умираетъ ли Бунчи-неи «спокойной» или насильственной смертью, онъ все равно переселяется на нашу землю, превращаясь здѣсь въ траву, дерево или какое-нибудь другое растеніе. Это и есть обычная форма, въ какой умершій обычною смертью возвращается на землю изъ страны Бунъ. Въ дѣйствительности такого посмертнаго превращенія жителей страны Бунъ въ различныя земныя растенія меня торжественно и настойчиво увѣрялъ, кромѣ Хоссіамбо, бывшій здѣсь же Гольдъ изъ Дыры. Ни возрастъ, ни полъ умершаго не играютъ никакой роли въ выборѣ растенія, такъ что ребенокъ, взрослый мужчина или женщина могутъ одинаково превратиться и въ низенькую травку, и въ высокое дерево. Зато нравственныя качества умершаго не остаются безъ послѣдствій. Напримѣръ, если Ольча срубилъ дерево и обрубокъ отъ него раскололъ на двѣ равныя и прямыя части, то онъ говоритъ, что дерево было въ свое время хорошимъ человѣкомъ. Если же напротивъ обѣ части неравны и кривы, онъ говоритъ, что дерево было—сварливымъ человѣкомъ.

Участь утопленниковъ въ странѣ Бунъ, а также погибшихъ въ лапахъ медвѣдя та же

самая, что и жителей земли. Въ странѣ Бунъ, какъ и на землѣ, водится *амба* (по гил. *кинзъ*, т. е. чортъ), который въ самыхъ разнообразныхъ видахъ населяетъ лѣса, горы и воды, стараясь всячески ловить и пожирать людей. Если житель страны Бунъ утонулъ, это значитъ, что его съѣлъ водяной амба (*толь-кинзъ* у Гиляковъ), и онъ превращается въ тюленя, рыбу или какое нибудь другое водное животное. Если онъ палъ въ борьбѣ съ медвѣдемъ — его унесъ лѣсной амба, (*пал-кинзъ* у Гиляковъ), и онъ бродитъ по лѣсамъ въ образѣ медвѣдя. (2, S. R. I, p. 36—39).

Похороны и трауръ.

46. Гиляки. Въ госпиталь Николаевска былъ доставленъ опасно больной Гилякъ изъ деревни Куикъ. Гиляки не допустили, чтобы онъ остался тамъ, такъ какъ считали это за *уичъ*, а увезли его снова въ деревню, гдѣ онъ и умеръ въ ноябрѣ 1854 года. Хотя Гиляки пригласили меня присутствовать при сожженіи трупа своего земляка, когда онъ былъ еще живъ, тѣмъ не менѣе въ нужное время меня не извѣстили и сожгли трупъ (три дня спустя послѣ смерти) во время жестокой пурги безъ меня. (Bm. I, p. 18, 19).

47. Гиляки. Покойнику, пока онъ лежитъ въ юртѣ, все время приносятъ различныя кушанья. То же самое дѣлаютъ послѣ сожженія и его праху, которому въ продолженіе цѣлаго года носятъ съѣстные припасы и водку, полагая, что въ теченіе всего этого времени покойный не перестаетъ принимать пищу. Тѣло (зимою на саняхъ) кладутъ на костеръ, покрываютъ хворостомъ и затѣмъ поджигаютъ костеръ. (Bm. I, p. 27).

48. Гиляки. 19 мая 1856 г. мы прибыли въ Хьяре (съ одной только юртой, на правомъ берегу Амура), гдѣ я велѣлъ остановиться для обѣда. Когда я спросилъ нѣтъ ли рыбы, мнѣ отвѣтили, что рыбы не ловили, такъ какъ старикъ—хозяинъ юрты умеръ наканунѣ, и тѣло его еще лежитъ въ юртѣ. Я немедленно вошелъ въ юрту и увидѣлъ покойника, лежавшаго на саняхъ на полу передъ собачьимъ столомъ. (Табл. LXII). Это былъ тотъ самый старикъ, который годъ тому назадъ возилъ меня на охотѣ по небольшому озерку, лежащему по сосѣдству. Трупъ былъ еще совершенно свѣжъ, и только кожа на лицѣ потемнѣла, сдѣлалась почти мѣдно-красною, такъ что сѣдые волосы рѣзко отдѣлялись отъ лица. На покойномъ была одѣта новая одежда изъ синей матеріи и сѣрое покрывало. Поверхъ покрывала, на груди лежало три вмѣстѣ сложенныхъ куска пестрой матеріи и два копья, одно побольше, другое поменьше, какъ ихъ употребляютъ туземцы, съ короткими древками грубой работы. Вокругъ головы и лица лежали еловыя вѣтки. Глаза были покрыты продолговатыми кусочками ольховаго луба—по три на каждомъ глазу, нанизанными на шнурокъ. На ушахъ лежали крупныя красныя бусы, а шею покрывалъ толстый пучекъ

топкихъ древесныхъ стружекъ. Ноги были обернуты той же синей матеріей, какъ и все тѣло, перехваченной шнуркомъ на лодыжкахъ и у пальцевъ, такъ что все имѣло видъ, какъ бы сапогъ. Позади головы поперекъ нарты лежала *юкола* [1]), нѣсколько листьевъ табаку, завернутыхъ въ березовую кору, и трубка. Нарта была обычнаго вида, но безъ дугъ [2]) спереди и сзади, которыя были замѣнены короткими прямыми палками. Тѣло было привязано къ нартѣ подъ покрываломъ.

Едва только я простоялъ нѣсколько минутъ надъ умершимъ, какъ въ юрту привели трехъ собакъ на длинномъ ремнѣ, который привязали къ нартѣ. Нѣсколько человѣкъ подняло нарту вмѣстѣ съ тѣломъ, а одинъ повелъ собакъ. Процессія (Табл. LXIII), вышла изъ юрты и направилась мимо кладовой въ лѣсъ за деревней, гдѣ стояло нѣсколько *рафф*'овъ, [3]) обозначавшихъ мѣста погребенія. Тотчасъ за тѣломъ шла вдова съ распущенными по плечамъ волосами и кускомъ бересты въ рукѣ. Она жалобно и монотонно выла, но никто изъ Гиляковъ, ни мужчины, ни женщины, ни дѣти, ей не вторили. На кладбищѣ нарту съ тѣломъ опустили на землю около уже совсѣмъ готоваго костра, который состоялъ изъ полѣньевъ, сложенныхъ продольными и поперечными рядами, при чемъ полѣнья продольнаго ряда равнялись длинѣ тѣла. Рядомъ съ костромъ лежала большая куча еловыхъ вѣтокъ, приготовленныхъ для сожженія трупа [4]).

Послѣ этого изъ нарты выпрягли собакъ, отвели одну обратно въ деревню, а двухъ другихъ привязали къ дереву. Вдова подошла къ покойнику, сняла куски матеріи и копья, сѣрое покрывало, взяла съ нарты юколу, табакъ и трубку и сложила все это около на землю. Затѣмъ она сняла съ глазъ повязку, а съ шеи ожерелье изъ стружекъ и бросила все прочь. Потомъ она вынула у него изъ одной руки щепотку мелкаго табаку, изъ другой—какой то корень, вложенный между пальцевъ, и наконецъ развязала веревку, которая привязывала тѣло къ нартѣ. Тѣмъ временемъ одинъ старый Гилякъ разкладывалъ на кострѣ еловыя вѣтки.

Когда это ложе было готово, тѣло сняли съ нарты и положили на костеръ (Таб. LXIV). На днѣ нарты оказалась доска, прикрытая большимъ кускомъ бересты со слѣдами ягодъ, для сохраненія которыхъ она, повидимому, служила до тѣхъ поръ, пока не понадобилась какъ подстилка усопшему. Доску и бересту бросили тутъ же, а нарту оттащили въ сторону, и одинъ Гилякъ сломалъ ее тамъ надвое, оставивъ куски на мѣстѣ. Въ то же время другіе Гиляки убили обѣихъ собакъ. Дѣлалось это такъ, что пока одинъ крѣпко держалъ собаку за веревку, другой подалъ ей кусокъ юколы, и когда собака схватила его, третій ударомъ дубины по шеѣ притиснулъ ей голову къ землѣ, а четвертый вонзилъ въ сердце заостренную палку. Этимъ способомъ были убиты обѣ собаки и отложены въ сторону [5]). Нѣсколько Гиляковъ добывали огонь для сожженія трупа. Въ силу гиляцкаго обычая огонь этотъ

---

1) См. т. II, стр. 116 настоящаго труда.
2) См. табл. XXXVI 1. i.
3) См. прибавленіе 50.
4) Это были вѣтки Pin. picea, употребляемой какъ для сожженія труповъ, такъ и для украшенія юртъ.
5) На таб. LXIV по ошибкѣ изображены вмѣсто двухъ всѣ три собаки.

не можетъ быть добытъ обычнымъ способомъ посредствомъ кремня и огнива, но исключительно треніемъ двухъ кусковъ дерева одинъ о другой. Для этого изъ сухого лиственничнаго дерева вырѣзали нѣчто въ родѣ веретена и пару продолговатыхъ деревяшекъ съ углубленіями по серединѣ, куда какъ разъ входило остріе веретена. Въ эти ямки положили по маленькому кусочку трута, вставили вертикально веретено и сообщили ему съ помощью ремня вращательное движеніе. Минуты черезъ двѣ трутъ загорѣлся. Добытый огонь поддерживали опять трутомъ. (Таб. LXIV, слѣва на переднемъ планѣ).

Вокругъ костра шли дальнѣйшія приготовленія. Когда тѣло было положено на еловыя вѣтки, его покрыли толстымъ слоемъ того же ельника, но такъ, чтобы оставить открытыми лобъ и макушку съ сѣдыми волосами. Затѣмъ поставили вокругъ пирамидой массу длинныхъ полѣньевъ все той же сухой лиственницы, оставивъ только небольшое отверстіе у головного конца, сквозь которое все еще виднѣлась сѣдая голова покойника. Внутрь пирамиды, поверхъ ельника, покрывавшаго тѣло, также положили нѣсколько полѣньевъ. Когда все было готово, мѣсто вокругъ расчистили, удаливъ валежникъ, мелкіе корни и траву, чтобы огонь не могъ распространиться по сторонамъ. Тогда вдова покойнаго взяла тлѣющій трутъ, положила въ сухой мохъ, завернула все вмѣстѣ въ бересту и начала махать этимъ свертком, раздувая показавшійся огонь другимъ кускомъ бересты. Такъ какъ по неопытности она не знала, куда собственно слѣдовало подложить огонь, ей помогъ одинъ сѣдой Гилякъ, и по его указанію она подожгла костеръ съ той стороны, гдѣ лежала голова умершаго (Таб. LXV). Теперь ей начали помогать и другіе Гиляки. Взявъ у вдовы огня, они прежде всего подожгли костеръ по другую сторону пирамиды, а потомъ и отовсюду кругомъ, пользуясь берестой, служившей передъ тѣмъ покойнику подстилкой на нартѣ. Сухой, легко горючій матеріалъ загорѣлся быстро, и вся громадная дровяная пирамида, благодаря легкому вѣтру, скоро была объята яркимъ пламенемъ. Жаръ заставилъ отойти подальше, и мужчины, женщины и дѣти, расположившись въ одну группу подъ деревомъ, смотрѣли откуда, какъ жадное пламя пожирало ихъ покойника.

Невдалекѣ находилось мѣсто, гдѣ былъ сожженъ трупъ недавно умершей старухи изъ той же деревни, и рядомъ стоялъ еще совершенно свѣжій *рафъ* [1]), который былъ долженъ служить и для вновь усопшаго. Поэтому дверь *рафа* была открыта, чтобы, пока сожигался трупъ, душа покойника могла свободно занять опредѣленное для нея жилище.

Въ настоящую минуту въ *рафѣ* находились только обычныя вещи, составляющія неотъемлемую принадлежность такихъ сооруженій, и нѣсколько деревянныхъ и берестяныхъ сосудовъ (см. ниже 53—55). Когда трупъ сожженъ, и душа умершаго переселилась въ *рафъ* (передъ началомъ ея странствованія въ Млыг-во), сюда приносятъ нужные съѣстные припасы, ягоды, рыбу, табакъ и т. п. Какъ только огонь сталъ утихать, вдова и нѣсколько мужчинъ взяли длинныя жерди, сгребли горящія дрова въ кучу и подбросили въ

1) На таб. LXV домикъ направо. Между нимъ и костромъ—мѣсто сожженія.

костеръ еще дровъ, чтобы ускорить сожженіе. Немного спустя, на мѣстѣ трупа былъ виденъ только обуглившійся желудокъ, который сгоралъ всего медленнѣе. Благодаря массѣ горючаго матеріала и свѣжести лѣса, въ воздухѣ не чувствовалось ни малѣйшаго запаха. Огонь поддерживали долгое время, пока трупъ не превратился окончательно въ пепелъ, который собрали и похоронили тутъ же на мѣстѣ. Тѣмъ временемъ вдова вмѣстѣ съ другими женщинами начали сдирать съ убитыхъ собакъ[1]) шкуру на шубу для вдовы. Мясо этихъ собакъ не ѣдятъ, а оставляютъ на мѣстѣ въ добычу другимъ голоднымъ собакамъ и воронамъ. (2, S. R. I, 10—14).

49. Гольды. Въ деревнѣ Хонгаръ (на правомъ берегу Амура) я какъ то разъ проходилъ между двухъ юртъ, стоявшихъ поодаль одна отъ другой. Внезапно до моего слуха долетѣли стоны и вопли, которые выходили изъ травы, подымавшейся выше человѣческаго роста. Я пошелъ посмотрѣть, въ чемъ дѣло, и нашелъ женщину, которая сидѣла на корточкахъ и, поднявъ глаза къ небу, громко рыдала и вопила. Съ минуту я смотрѣлъ на нее и потомъ спросилъ о причинѣ ея горѣ. Она отвѣтила только: *буйке*, т. е. умеръ, затѣмъ встала и объяснила, что въ сосѣдней деревнѣ умеръ ея мужъ, и что она его оплакиваетъ. Однако, этотъ перерывъ повидимому не былъ непріятенъ ей, такъ какъ, когда я пошелъ прочь, чтобы не мѣшать ей, она, какъ будто бы успокоенная, перестала плакать и пошла отъ меня въ другую сторону, къ юртѣ[2]). (1. S. R. IV, p. 17).

Могильные памятники.

50. Гиляки. Вотъ что мнѣ сообщилъ Ючинъ о погребеніи Гиляками покойниковъ. Трупъ сожигаютъ, а пепелъ собираютъ въ какой-нибудь сосудъ и зарываютъ въ землю, воздвигая надъ этимъ мѣстомъ маленькій домикъ (*рафъ*)[3]). Острія, поставленныя на крышѣ рафа (Таб. LXVIII, фиг. 1), называются *карха* (р здѣсь выговаривается картаво). Внутри рафа кладется дощечка съ просверленной по серединѣ дырочкой, въ которую вставленъ колышекъ. Дощечка кромѣ того обернута полотняной или какой-нибудь другой матеріей и служитъ знакомъ, что въ землѣ закопанъ трупъ.

Воткнутая въ землю неострогапная палочка или палка (*садиахъ*) также обозначаетъ мѣсто погребенія. (Вш. I. p. 18).

51. Гиляки. Въ сентябрѣ 1854 года Гиляки изъ Куика пришли съ жалобой на русскихъ солдатъ, которые раззорили одну изъ ихъ усыпальницъ (*рафъ*) и взрыли землю, гдѣ

---

1) На таб. LXV, какъ и на LXIV, по ошибкѣ изображены три собаки вмѣсто двухъ.

2) См. приложеніе 38, стр. 48.

3) См. нѣсколько уклоняющіяся отъ этого данныя въ приложеніи 48, стр. 133.

она стояла. Благодаря этому обстоятельству я узналъ, что въ землѣ, подъ *раф*'ами находится пепелъ сожигаемыхъ труповъ, а въ самихъ *раф*'ахъ пестрыя тряпки, различныя своеобразныя орудія и т. п. Около Куика въ березовомъ лѣсу на берегу Амура 4—5 такихъ домиковъ стояли вмѣстѣ, образуя какъ бы цѣлое кладбище, хотя по большей части *раф*'ы встрѣчаются въ лѣсахъ поодиночкѣ. По словамъ Гиляковъ раззоренный *рафъ* стоялъ надъ пепломъ шестерыхъ дѣтей, собраннымъ въ общій сосудъ, покрытый шестью же собольими шкурами. Послѣднее было сдѣлано, чтобы избавиться отъ повторенія дѣтской эпидеміи, какая была въ этомъ году. Теперь, такъ какъ *рафъ* былъ раззоренъ, Гиляки боялись возобновленія заразы. (Вш. I. p. 15, 16).

52. Гиляки. Мѣсто, гдѣ покоится трупъ или пепелъ умершаго, считается у Гиляковъ какъ бы священнымъ и неприкосновеннымъ, и ни одинъ изъ нихъ поэтому никогда не рѣшится дотронуться до *раф*'а. Нельзя также переносить *рафъ* съ мѣста на мѣсто, что считается *уичъ*. Поэтому и Гиляки въ Куикѣ, какъ ни сѣтовали и ни горевали о раззореніи своего рафа, все таки не рѣшились перенести его остатки въ деревни, куда они переселились изъ Куика. (Вш. I. p. 56).

53. Гиляки. Всякій разъ, когда осматриваешь *рафъ* внутри, находишь тамъ продолговатую, поставленную вертикально дощечку, — *какк* или *тарсъ*. По серединѣ дощечка просверлена, и дырка заткнута колышкомъ — *кылмсъ*, сама же дощечка обвязана полоской холста, которымъ иногда обмотана и вся нижняя часть дощечки, украшенная кромѣ того различными тряпками — *какк-* или *тарсъ-равцъ*. (Таб. LXVIII, фиг. 2). Рядомъ съ дощечкой стоитъ также вертикально палочка — *пык-нгиръ*, съ прикрѣпленной на верхнемъ концѣ небольшой ложкообразной чашечкой (тамъ же, фиг. 4); затѣмъ другая палочка — *чам-нгарг*[1]), съ орлиными перьями (отъ одного до трехъ или четырехъ) [2]), на верхнемъ концѣ (тамъ же, фиг. 5); и наконецъ третья съ крючкомъ на концѣ, *тутутъ* или *пыкъ*, вырѣзанная изъ древесной вѣтки (тамъ же, фиг. 3). Кромѣ того въ домикѣ лежитъ нѣсколько стрѣлъ безъ острія, сложенныхъ почти всегда крестъ накрестъ, различныя пестрыя тряпки, берестяныя коробки, рѣзныя деревянныя дощечки и т. п. Случается, что въ *раф*'ѣ находится нѣсколько дощечекъ, описанныхъ выше, тогда онѣ стоятъ не на серединѣ его. Вѣроятно, число ихъ соотвѣтствуетъ числу труповъ, покоящихся подъ домикамъ. (Вш. I. p. 16 51, 69).

54. Гиляки. По объясненію Сургина, въ средней части *какк*'а, гдѣ забитъ колышекъ, кладется частица черепа и волосъ съ головы, оставшихся отъ сожженія. Тряпки на *какк*'ѣ означаютъ части одежды, въ которой нуждается умершій (при странствованіи его души). Точно такъ же умершему, когда онъ еще какъ трупъ лежитъ въ юртѣ, или уже какъ зола въ *раф*'ѣ, приносятъ разные съѣстные припасы, ягоды, рыбу и т. п., для чего въ каждомъ *раф*'ѣ всегда имѣется необходимая посуда — берестяные коробки, чашки и т. п., куда кладутъ эти припасы. Палка съ маленькой чашкой на верхушкѣ служитъ умершему

---

1) *Чамъ* — орелъ. 2) Ср. дополненіе 55.

посохомъ при его странствованіи, а палка съ орлиными перьями даетъ душѣ быстроту птичьяго полета. (Вш. I. p. 54).

55. Гиляки. По словамъ Юдина изъ Тебаха палочка съ крючкомъ на концѣ — *тутутъ* или *пыкъ* [1]), которая стоитъ въ *раф*'ѣ рядомъ съ *какт*'омъ, изображаетъ голубя (*тутутъ*) или кукушку (*пыкъ*) и указываетъ въ первомъ случаѣ на мужчину, во второмъ— на женщину. Впрочемъ и палочка съ чашечкой на верхушкѣ также имѣетъ связь съ представленіемъ объ этихъ птицахъ, такъ какъ въ чашечку кладутъ для нихъ ягоды и другую ѣду. Отсюда и названіе для этихъ палочекъ: *тутутъ-нгиръ* и *тутутъ-нгитъ* или *пык-нгиръ* и *пык-нгитъ*, т. е. голубиная или кукушкина чашка. Изображеніе обѣихъ птицъ одно и то же и состоитъ изъ пары надрѣзовъ, грубо намѣчающихъ подобіе птичьей головы. Въ *раф*'ѣ есть еще также такъ называемый *питтысь* — маленькая подставка изъ палочекъ [2]), на которую вѣшаютъ ягоды, табакъ и проч., и назначеніе которой мнѣ осталось неизвѣстнымъ. По словамъ Юдина шесть перьевъ у *чамъ-нгар*'а указываютъ на мужчину и восемь на женщину [3]). Такъ какъ перья должны содѣйствовать болѣе быстрому странствованію души, то здѣсь, вѣроятно, принимается въ соображеніе различіе физическихъ, а — согласно воззрѣніямъ Гиляковъ на женщину — можетъ быть и душевныхъ силъ обоихъ половъ. То же самое назначеніе, какъ и *чамъ-нгаръ*, долженъ имѣть *тутутъ* или *пыкъ*, что, судя по объясненіямъ Юдина, представляется весьма вѣроятнымъ. (Вш. I.p. 87).

56. Гиляки. Близъ деревни Тахтъ (на правомъ берегу Амура) у самой рѣки стоялъ недавно построенный *рафъ* и рядомъ съ нимъ *питтысь*, т. е. кладовая при *раф*'ѣ, которую на Сахалинѣ поэтому называютъ также *рафъ-нье*. Такая кладовая состоитъ изъ маленькой крыши на двухъ жердяхъ, поднимающейся немного выше *раф*'а, и въ общемъ напоминаетъ небольшую голубятню. Подъ нее подвѣшиваютъ для умершаго ягоды, рыбу и т. п.

Въ Калмѣ (на правомъ берегу Амура) я встрѣтилъ особенно изящно построенный *рафъ*, который богатый Гилякъ Кимрканъ — зять Юдина поставилъ въ память своей умершей жены и ея дочери. Снаружи этотъ *рафъ* былъ украшенъ разнообразною рѣзьбою, выкрашенною черной, красной и бѣлой красками и изображавшею разныхъ звѣрей — медвѣдей, лошадей, зайцевъ, пѣтуховъ, утокъ. (Таб. LXIX).

Богато былъ убранъ *рафъ* и внутри; его принадлежности *какт*, *пыкъ-нгиръ*, *чам-нгаръ* были сдѣланы съ такою роскошью, что ихъ едва можно было узнать. *Какт* (согласно своему назначенію нести одежду для умершаго) былъ весь обтянутъ пестрой матеріей съ привѣшенными къ ней мѣдными украшеніями, какія носятъ на платьяхъ гиляцкія женщины. Не дѣлаются ли лоскутья на *какт* изъ одежды умершихъ? Это весьма правдоподобно, тѣмъ болѣе, что эти лоскутья называются *ожъ*, т. е. шуба. — *Пык-нгир*'омъ служила здѣсь маленькая маньчжурская чашка. Полъ *раф*'а былъ покрытъ тонкою, тростни-

---

1) Слово *пыкъ* у автора иногда замѣняется словомъ *пытъ*.

2) Судя по приложенному, крайне бѣглому эскизу— это прикрѣпленный на палкѣ трехугольникъ, на который вѣшаютъ различныя вещи.

3) Ср. дополненіе 53.

ковою или соломенною циновкою. Кромѣ предметовъ, перечисленныхъ выше, въ этомъ *раф*'ѣ стояло множество берестяныхъ коробовъ (съ ягодами и т. п.), аккуратно поставленныхъ другъ на друга, ящичекъ съ кисетомъ и трубкой, другая трубка, предназначенная для дочери Кимркана и много другого и, наконецъ, здѣсь же лежали обрѣзанныя у самаго корня косы обѣихъ покойницъ, завернутыя въ бересту [1]). Кимканъ самъ вынулъ эти предметы изъ *раф*'а и показалъ мнѣ, повидимому очень мало думая объ умершихъ. Правда вмѣсто этой умершей жены онъ имѣлъ теперь трехъ новыхъ. Вблизи съ этимъ *раф*'омъ было мѣсто сожженія другого трупа и около стоялъ еще одинъ *рафъ*. *Рафъ* ставится не непосредственно надъ пепломъ умершаго, но отдѣльно отъ него [2]). Покойники Кимркана напр. были сожжены далеко въ лѣсу, гдѣ и остался ихъ пепелъ, *рафъ* же стоялъ у деревни; поэтому *рафъ* представляетъ памятникъ, сооружаемый въ честь умершаго.

Мѣсто сожженія здѣсь было обозначено очень просто: собранный въ кучу пепелъ лежалъ въ низкомъ продолговатомъ ящикѣ, сдѣланномъ изъ четырехъ, поставленныхъ на ребро досокъ, покрытыхъ сверху также досками. По верхнимъ краямъ ящика были прикрѣплены палочки съ цахомъ (см. Таб. LXV, на правой сторонѣ рисунка, въ глубинѣ).

Въ Калмѣ я не видѣлъ *питтыся* и узналъ, что послѣдній ставится только въ томъ случаѣ, если ко дню смерти покойнаго еще не выпалъ снѣгъ. Въ противномъ случаѣ строить *питтысъ* считается за *уичъ*. (2 S. R. I, p. 4 — 6).

57. Гиляки. По словамъ Сургина, *рафъ* ставится не всѣмъ умершимъ. Трупъ очень маленькаго ребенка не сжигаютъ, а просто завертываютъ во что-нибудь и зарываютъ въ землю, не ставя никакого *раф*'а, такъ какъ душа такого ребенка улетаетъ прямо на небо безо всякихъ предварительныхъ странствованій. Трупы болѣе взрослыхъ дѣтей сжигаютъ и на двухъ дѣтей воздвигаютъ одинъ *рафъ*. Взрослымъ, какъ мужчинамъ такъ и женщинамъ, строятъ по отдѣльному *раф*'у. Трупъ утопленника сожигаютъ, но *раф*'а надъ его прахомъ не ставятъ, а втыкаютъ лишь палку въ землю и ставятъ около лодку. Трупъ Гиляка, умершаго отъ ранъ, нанесенныхъ медвѣдемъ, не сожигается, но его кладутъ въ особый шалашъ, построенный изъ поставленныхъ стоймя бревенъ, верхніе концы которыхъ перекрещиваются между собой. Такіе шалаши называются *чыф-нгыхъ* [3]) и ихъ обыкновенно находятъ въ лѣсу около того мѣста, гдѣ умершій палъ въ борьбѣ съ медвѣдемъ. Душа погибшаго такимъ образомъ не возносится на небо. У усыпальницы есть небольшое отверстіе, черезъ которое ставятъ внутрь для покойнаго — ягоды, рыбу, крупу и т. п. Всѣ эти кушанья, пробывъ нѣсколько времени возлѣ трупа, пріобрѣтаютъ цѣлебную силу противъ многихъ болѣзней. Поэтому больной Гилякъ идетъ къ такой усыпальницѣ и ѣстъ понемногу отъ кушаній, назначенныхъ для покойника, послѣ чего тотчасъ выздоравливаетъ. Пищу для покойника въ такую усыпальницу носятъ въ теченіе многихъ мѣсяцевъ, даже

---

1) См. т. II, стр. 100.

2) Данныя объ этомъ предметѣ, собранныя авторомъ въ различныхъ мѣстахъ, не всегда согласны другъ съ другомъ. Ср. дополненія 47. 48. 51.

3) *Чыфъ* — медвѣдь.

лѣтъ послѣ его смерти, и въ продолженіе всего этого времени больные охотно идутъ сюда. Трупы погибшихъ отъ *атта* (тигра или ирбиса) кладутъ въ такія же усыпальницы, также ставятъ къ нимъ различныя кушанья и также пользуются послѣдними какъ лѣкарствами. (Bm. I, p. 54 — 56).

58. Гиляки. Проѣзжая между деревнями Хоккъ и Калмъ (на правомъ берегу Амура), я видѣлъ на берегу памятникъ Гиляку, утонувшему въ рѣкѣ. Это былъ небольшой, низенькій домикъ, обычнаго для гиляцкихъ усыпальницъ вида, кругомъ котораго висѣла на кустахъ берестяная посуда — короба, чашки и т. п. самой различной величины. Такое обозначеніе мѣстъ погребенія людей и звѣрей (медвѣдей и пр.) является у Гиляковъ общимъ обычаемъ. Около памятника стояла лодка, возможно та самая, на которой случилось несчастье [1]). (1. S. R. I, p. 7).

59. Гиляки. Жители деревень Кукъ, Хоккъ, Тыръ и Чылви (на правомъ берегу Амура) погребаютъ своихъ умершихъ, остальные же, въ томъ числѣ и жители деревни Таурво и деревень, лежащихъ вверхъ по рѣкѣ до Хьяре (включительно), напротивъ сожигаютъ ихъ и воздвигаютъ *раф*'ы. Въ Хьярѣ я самъ видѣлъ много *раф*'овъ. Впрочемъ, въ этихъ деревняхъ населеніе не чисто гиляцкое, а отчасти тунгусское. (2. S. R. I, p. 8).

60. Гиляки. Близъ деревни Мы на Амурскомъ Лиманѣ я видѣлъ свѣжую гиляцкую могилу. *Рафъ* еще не былъ устроенъ, а пепелъ (отъ сожженнаго трупа) былъ накрытъ ящикомъ изъ составленныхъ вмѣстѣ досокъ, на обоихъ концахъ котораго стояло по пучку стружекъ (*цахъ*). (2 W. R. II, p. 38).

61. Гиляки. Тѣло убитаго Гиляка также сожигаютъ, но надъ его пепломъ ставятъ въ лѣсу не *рафъ*, а *ваингъ* [2]). Фигуру эту дѣлаютъ изъ пня, вырытаго изъ земли вмѣстѣ съ корнями, вѣтви котораго служатъ для изображенія головы, рукъ и ногъ *ваин*'а [3]). Стволъ обрубаютъ на высотѣ нѣсколькихъ футовъ надъ землею и завостриваютъ верхній конецъ пня. Этимъ заостреннымъ концомъ его втыкаютъ въ землю на томъ мѣстѣ, гдѣ лежитъ пепелъ отъ трупа убитаго, такъ что корень съ своими развѣтвленіями, изображающій *ваин*'а, поднимается высоко надъ землей. Такъ какъ убійства нерѣдки между Гиляками, то *ваин*'ы встрѣчаются во многихъ деревняхъ на Амурѣ; я видѣлъ ихъ, напримѣръ, въ Васи, Каки, Вайрѣ, Калго, Тебахѣ и пр.

Отъ Сургина я узналъ, что *ваингъ* исключительно ставится только тѣмъ убитымъ, которые пали отъ руки Гиляка изъ другой деревни. Гиляку, убитому своимъ односельчаниномъ, *ваин*'а не дѣлаютъ. Точно такъ же не ставятъ его и въ тѣхъ случаяхъ, когда отецъ или мать убиваютъ сына и наоборотъ, или братъ брата и вообще одинъ родственникъ другого. Въ такихъ случаяхъ трупы просто сжигаются. Той же участи подвергаются и самоубійцы: ихъ трупы сжигаютъ, не воздвигая *ваин*'овъ.

---

1) Срави. Табл. LXVII.

2) Ср. дополненіе 22.

3) У экземпляра, доставленнаго авторомъ въ академическій музей, одна изъ заднихъ конечностей была дополнена отдѣльно приставленнымъ кускомъ дерева и послѣдствіе этого отвалилась. (См. Табл. LXVI, фиг. 1).

Птичья голова *ваги*'а, должна изображать голову *ути*'а (Colymbus arcticus). Птицу эту Гиляки считаютъ священною и ея чучело всегда ставятъ въ той же летящей позѣ, какъ и у *ваги*'а. Такія чучела Colymb. arct. и septentr. иногда встрѣчаются въ гиляцкихъ деревняхъ, гдѣ они висятъ на высокихъ подставкахъ. Голова *ути*'а у *ваги*'а добавляется Гиляками желѣзными зубами, которые должны служить ему для того, чтобы успѣшнѣе отмстить убійцѣ [1]).

Такъ какъ душа убитаго возносится прямо на небо, то она не нуждается въ тѣхъ предметахъ, которые ставятъ въ рафъ для людей, умершихъ естественною смертью. (Bm. I, p. 52 — 54).

62. Гиляки. Гиляки съ западнаго берега Сахалина разсказывали мнѣ, что они сожигаютъ своихъ умершихъ и ставятъ *ваги*'ы надъ пепломъ убитыхъ. (2 W. R. I, p. 8).

63. Гиляки. Въ деревнѣ Нгахд-во (на западномъ берегу р. Тымы на Сахалинѣ) собравшіеся здѣсь Тымскіе Гиляки разсказывали мнѣ, что и они сожигаютъ трупы своихъ умершихъ, какъ это дѣлается на Амурѣ, Лиманѣ и на всемъ западномъ берегу Сахалина, кромѣ деревни Аркай и поселковъ, лежащихъ отъ нея къ югу. Надъ пепломъ сожженнаго трупа ставится *рафъ*, въ которомъ также, какъ и на Амурѣ, лежатъ *какка*, *пыкъ* или *тутутъ* и *пык-нгитъ* или *тутут-нгитъ*. *Питтысь* также имѣется въ *раф*'ѣ и у Тымскихъ Гиляковъ называется *рафъ-ньё*, т. е. кладовая усыпальницы, что вполнѣ соотвѣтствуетъ его назначенію. Нѣтъ только одного *чам-нгар*'а [2]). (2 W. R. I, p. 45).

64. Гиляки. На западномъ берегу Сахалина, къ югу отъ Аркай до Пиля-во, послѣдней гиляцкой деревни, Гиляки не сожигаютъ своихъ покойниковъ, что считается у нихъ за *учи*, а кладутъ въ деревянные гробы, которые ставятъ въ особые маленькіе домики, подобно тому, какъ это дѣлаютъ тунгусскія племена въ Маньчжуріи и на Сахалинѣ, а также и Аино (2 W. R. I, p. 8, 45).

По другому сообщенію южнѣе Аркай трупы умершихъ закапываютъ въ землю. (2 W. R. II, p. 25).

65. Ольчи. Недалеко отъ русской деревни Богородское, близъ ольчской деревни Пулль, (на правомъ берегу Амура) въ лѣсу стояло двѣ изящно сдѣланныхъ ольчскихъ усыпальницы, разрисованныхъ фигурами животныхъ. Такія усыпальницы называются у Ольчей *холдохса* или *хываръ* [3]) (2 S. R. I. p. 15).

66. Ольчи. Бури, часто совершенно внезапно налетающія на Амурѣ, могутъ объяснить множество памятниковъ утопленникамъ, встрѣчающихся на его берегахъ. Я видѣлъ такую усыпальницу въ д. Дцаи (на картѣ Джаи) на правомъ берегу Амура (Таб. LXVII). Она

---

1) Угрожающій видъ вагна быть можетъ имѣетъ цѣлью напоминать объ обязательности кровавой мести. Вѣроятно этимъ объясняется отсутствіе вагна въ тѣхъ случаяхъ, когда месть не допускается, какъ между родственниками или односельчанами, или дѣлается невозможною, какъ при самоубійствѣ.

2) См. приложеніе 53 — 55.

3) См. Таб. LXX. Вмѣсто «Гольдская» надпись на этой таблицѣ конечно слѣдуетъ читать «Ольчская» усыпальница, такъ какъ въ замѣткахъ автора нигдѣ не говорится ни объ одной гольдской усыпальницѣ.

была еще совершенно свѣжа и потому снабжена всѣми принадлежностями, обычными въ такихъ случаяхъ. *Уйлепо* — небольшой домикъ съ гробомъ внутри — стоялъ въ виду рѣки на невысокой береговой террасѣ. Вокругъ его лежали проткнутые берестяные коробья и другая посуда, неизбѣжная на каждомъ такомъ кладбищѣ. Около стояла лодка, а на заднемъ планѣ небольшой домикъ, похожій на голубятню. Отъ памятника шла къ рѣкѣ какъ бы широкая аллея, образованная двумя рядами воткнутыхъ въ землю *гіамсаса*. Въ началѣ аллеи стояла жердь, обвѣшенная обрывками веревокъ, кусками бересты и т. п. Отъ этой жерди была протянута толстая, свитая изъ крапивы веревка ко второй жерди, стоявшей посерединѣ аллеи и далѣе къ третьей у ея конца. У самаго берега въ рѣкѣ передъ входомъ въ аллею стояли двумя (тремя?) группами нѣсколько низенькихъ жердочекъ [1]). Вся эта обстановка указываетъ на очень сложную погребальную церемонію, поводомъ къ которой очевидно служитъ суевѣріе и страхъ передъ подобной же участью. Особенно обратила на себя мое вниманіе небольшая, только слегка воткнутая въ землю передъ усыпальницей свѣжая вѣтка, отъ которой шла веревка сквозь дыру, прорѣзанную въ стѣнѣ домика [2]). (1 S. R. I, p. 54, 55).

67. Ольчи. (Дополненія къ описанію могилы утонувшаго Ольчи близъ Джаи на Амурѣ, сдѣланному авторомъ при первомъ посѣщеніи въ 1855 году, которую онъ вторично посѣтилъ лѣтомъ 1856 года, и тогда же распорядился сдѣлать съ нея рисунокъ. Этимъ, быть можетъ, объясняются нѣкоторыя уклоненія въ описаніи, приведенномъ выше). Усыпальница сохранилась еще очень хорошо, я осмотрѣлъ ее еще тщательнѣе и успѣлъ на этотъ разъ получить нѣкоторыя объясненія. Въ *уйлепо* или *уйлеп'*ѣ стоялъ гробъ съ трупомъ мужчины. Голова покойнаго была обращена къ рѣкѣ, т. е. на западъ. Веревка, которая идетъ отъ гроба изъ домика къ вѣткѣ, стоящей снаружи, прикрѣпленная, какъ оказывается, къ головѣ трупа, все еще была на мѣстѣ. Насколько я могъ понять изъ объясненій, душа умершаго выходитъ по этой веревкѣ (*Сири*) изъ домика. Къ чему это — неизвѣстно, такъ какъ тотъ же комментаторъ сообщилъ мнѣ, что душа утопленника переселяется въ тюленя, рыбу или какое либо другое животное, живущее въ водѣ, — объясненіе, подтвержденіемъ котораго является то, что, кромѣ другихъ предметовъ, я нашелъ въ маленькой постройкѣ, близъ *уйлепо*, похожей на гиляцкій *питтысь*, также двухъ идоловъ, изображающихъ тюленей. Точно также Ольчи, какъ и Гиляки, вѣрятъ, что душа человѣка, погибшаго отъ медвѣдя, переселяется въ этого звѣря.

Въ томъ же *уйлепо-аюндсха* — что значитъ ночной лагерь усыпальницы, гдѣ я нашелъ изображенія тюленей, лежали на свѣжихъ вѣткахъ Pin. picea также слѣдующіе предметы: котелокъ, корытце (*ото*) (Таб. LXVI фиг. 2) и деревянный пестикъ (*мбнопо*) для приготовленія моси (тамъ же фиг. 3), почему корыто называется также *моссонсо-ото*. Надъ всѣмъ этимъ висѣло на жердочкѣ огниво и берестяная коробка съ горючимъ матеріаломъ.

---

1) Вѣроятно маленькія кучки палочекъ со стружками, изображенныя на рисункѣ; см. слѣдующее дополненіе.

2) На рисункѣ этого нѣтъ.

Древесная вѣтвь (*тура*) передъ *уйлепо*, зеленая въ прошломъ году, теперь поблекла. Тутъ же около стоялъ шестъ (*уйлепо-тýдсха*), на которомъ висѣли всевозможныя вещи — пустая берестяная посуда, коробки съ ягодами, кореньями, луковицами сарапы и т. п.,—все, окруженное массою стружекъ. Отъ этого шеста тянулась къ рѣкѣ толстая веревка изъ ивоваго лыка [1]), которую поддерживали многочисленныя [2]) палки, также убранныя стружками и палки со стружками стояли въ рядъ съ обѣихъ сторонъ веревки. Толстая веревка изъ ивоваго лыка называется *сири*. То обстоятельство, что она доходитъ до рѣки, заставляетъ думать, что это и есть путь, по которому душа утопленника переходитъ изъ *уйлепо* въ воду. Съ другой стороны этой веревкой поддерживается сообщеніе между *уйлепъ-тудсха*, снабженнымъ всякой утварью и припасами, и рѣкою, гдѣ живетъ душа, переселившаяся въ тюленя. Приблизительно то же назначеніе имѣютъ и *баобу* — маленькія группы надструганныхъ палочекъ, поставленныхъ близко другъ къ другу, которыя стоятъ у самой воды передъ концомъ веревки и началомъ аллеи изъ палочекъ со стружками. Между палочками *баобу* кладутъ, очевидно для утопленниковъ, *мось*, почему такихъ *баобу* всегда нѣсколько, соотвѣтственно болѣе высокому или болѣе низкому уровню воды. Сбоку аллеи изъ палокъ со стружками стояла лодка, обращенная кормой къ рѣкѣ. Кромѣ упомянутаго *уйлепъ-аюндсха* здѣсь былъ еще одинъ, въ общемъ такой же, но нѣсколько бо̀льшихъ размѣровъ, въ которомъ лежала та же самая утварь. Вокругъ усыпальницы виднѣлись остатки костровъ и ночныхъ лагерей — доказательство, что здѣсь не разъ ночевали туземцы, которые вѣроятно и клали свѣжій ельникъ вокругъ *уйлепъ-аюндсха* и около самаго *уйлепо*. Вѣроятно сюда собирались почтить память утопленника его родственники и друзья. (2 S. R. I, p. 33—35).

Размѣры такой усыпальницы (*уйлепо*) тѣ же, что и обыкновенной *хо̀лдохса*, если только трупъ утопленника найденъ и помѣщенъ внутри. Въ противномъ случаѣ въ память утопленника строятъ совершенно сходный домикъ, но гораздо меньшихъ размѣровъ, какъ напр. въ Аурѣ. (2 S. R. I. p. 26).

68. Орочи. Въ окрестностяхъ одного селенія Орочей, у залива де-Кастри, я нашелъ въ лѣсу нѣсколько усыпальницъ, вполнѣ сходныхъ съ ольчскими. Какъ и тамъ, это были небольшіе домики съ дверцей на одной изъ поперечныхъ стѣнокъ. Но въ то же время они имѣютъ гораздо бо̀льшіе размѣры, чѣмъ гиляцкіе *раф*'ы, такъ какъ амурскіе инородцы тунгусскаго племени не сожигаютъ своихъ покойниковъ. Внутри такихъ домиковъ я постоянно видѣлъ одинъ или нѣсколько длинныхъ деревянныхъ ящиковъ, вѣроятно гробовъ, но принадлежности гиляцкихъ *раф*'овъ, доски и палки съ деревянными чашками, орлиными перьями и т. п., здѣсь постоянно отсутствовали. (Таб. LXX) 1 S. R. p. 87).

69. Орочи. На западномъ берегу острова Обсерваторіи (въ заливѣ де-Кастри) рядомъ съ остатками бывшихъ здѣсь шалашей Орочей сохранились еще старинныя усыпальницы этихъ инородцевъ. Одна изъ нихъ была открыта и въ ней стоялъ также раскрытый гробъ,

---

1) Ранѣе шла рѣчь о веревкѣ изъ крапивы.

2) Выше сказано три палки.

очень простой работы, сколоченный изъ пяти досокъ, изъ которыхъ верхней уже не было. Доски были скрѣплены между собой такимъ образомъ, что на концахъ одной пары были оставлены шипы, которые входили въ соотвѣтствующія отверстія другой пары досокъ [1]). Гробъ имѣлъ пять футовъ длины и одинъ футъ съ 2 — 3 дюймами ширины. (1 S. R. I, p. 43, 44).

70. Орочи и Ольчи. Недалеко отъ ольчской деревни Педане [2]) я наткнулся въ лѣсу на орочскую гробницу. Гробъ изъ шести досокъ, скрѣпленныхъ между собой своеобразно при помощи шиповъ, стоялъ совершенно открыто на вышинѣ 4 — 5 футовъ надъ землею на трехъ древесныхъ пняхъ, расположенныхъ въ видѣ треугольника. У двухъ изъ этихъ пней было оставлено на верхнемъ обрубѣ по одному зубцу или шипу, а у третьяго два. Отъ первыхъ двухъ пней къ третьему шли крѣпкія жерди съ прорѣзанными въ нихъ отверстіями, въ которыя и входили только что упомянутые зубцы. На этихъ жердяхъ стоялъ (поперекъ [3]) гробъ, прижатый сверху двумя другими, такъ что онъ находился между двумя парами поперечныхъ жердей, которыя были укрѣплены на древесныхъ пняхъ. Трупъ, лежавшій въ гробу, былъ завернутъ въ бересту. Мы узнали, что это была гробница умершей здѣсь орочской женщины изъ деревни Тэидзуё (на картѣ Цидзуё), лежащей на морскомъ берегу.

Таковъ долженъ быть у Орочей обычный способъ погребенія, когда, какъ это было въ настоящемъ случаѣ, смерть послѣдовала отъ болѣзни. Такая гробница называется *и́гда-хо́лдохса* и устраивается совершенно одинаково для мужчинъ, женщинъ и дѣтей.

Такимъ же способомъ Орочи по слухамъ хоронятъ и умершихъ насильственной смертью — тогда какъ Ольчи строятъ свой *хо́лдохса*, а Гиляки *рафг* только тѣмъ своимъ сородичамъ, которые умираютъ «спокойной» (естественной) смертью. Тѣла погибшихъ отъ руки убійцы Ольчи хоронятъ въ *и́гда-хо̀лдохса*'хъ, вполнѣ сходныхъ съ тѣми, какія строятъ Орочи, съ той лишь разницей, что гробъ ставится здѣсь надъ землею немного выше.

Если Ольча или Ороча умираетъ отъ ранъ, нанесенныхъ медвѣдемъ, ему строятъ такъ называемый *тзёюпо*, отличающійся крайнею простотою. Гробъ ставятъ на пару продольныхъ жердей, положенныхъ на землю, прикрѣпляютъ къ нимъ и затѣмъ у одного изъ его концовъ втыкаютъ въ землю двѣ еловыя вѣтки (Pin. picea). Такое *тзёюпо* я видѣлъ и въ Педанѣ около Ольчской гробницы, только безъ еловыхъ вѣтокъ, которыя должны были быть, если бы умершій былъ растерзанъ медвѣдемъ.

Жители различныхъ мѣстностей и деревень ставятъ гробъ съ тѣломъ умершаго крайне различно относительно странъ горизонта. Главнымъ опредѣляющимъ моментомъ, какъ кажется, является при этомъ не столько солнце, сколько море у прибрежныхъ жителей и Амуръ для инородцевъ, живущихъ вдоль этой рѣки. Кромѣ того и въ каждой отдѣльной

---

1) См. Табл. LXX.
2) Педане — устье р. Пэ.
3) Какъ можно судить по маленькому схематическому рисунку въ текстѣ.

мѣстности существуютъ свои обычаи. Орочи, живущіе на берегу моря между Напгмаромъ и Иди, кладутъ своихъ умершихъ въ *гйда-хóлдохса* головой къ морю, т. е. на востокъ. Но въ орочской гробницѣ въ Педанѣ голова покойника была обращена къ рѣкѣ Пэ, т. е. на западъ. Точно также кладутъ своихъ покойниковъ въ *хóлдохас*'ахъ и Ольчи на Педанѣ, равно какъ и на Амурѣ, въ деревняхъ Кидзи, Джан и т. д. Въ заливѣ де-Кастри недалеко отъ деревни, все населеніе которой состоитъ изъ Орочей, есть *хóлдохс*'ы съ останками Ольчей. Всѣ двери въ этихъ гробницахъ обращены на западъ, слѣдовательно въ сторону далекаго Амура, а не къ морю, т. е. на востокъ, и, какъ общее правило, дверь въ *хóлдохса* всегда находится у головы покойника. Слѣдовательно Ольчи, покопвшіеся здѣсь, если это только дѣйствительно они, были погребены по обычаямъ своей родины. Не вездѣ однако на Амурѣ этотъ обычай является одинаковымъ. Напримѣръ въ Дарахтѣ на лѣвомъ берегу Амура, гдѣ онъ течетъ на сѣверъ, тѣло въ гробу кладутъ на бокъ, такъ что оно лицомъ и грудью повернуто на востокъ, головою обращено на югъ—вверхъ по рѣкѣ, а ногами на сѣверъ—внизъ по теченію. Положеніе *раф*'овъ у Гиляковъ, кажется, исключительно опредѣляется направленіемъ Амура, такъ какъ дверь *раф*'а всегда обращена къ рѣкѣ, каково бы ни было здѣсь направленіе теченія. Такъ, напримѣръ, въ Куикѣ, Калгоѣ, Тахтѣ, Кальмѣ и Хьярѣ — двери *раф*'овъ, какъ всегда, повернутыя къ рѣкѣ, смотрѣли — въ двухъ первыхъ деревняхъ на югъ, а въ остальныхъ на западъ. (2 S. R. I, p. 25 — 27).

Медвѣжій праздникъ у Гиляковъ. Медвѣди, привязанные въ домѣ и ходьба съ ними изъ юрты въ другую.

Медвѣжій праздникъ у Гиляковъ. Послѣдній обходъ съ медвѣдями.

Медвѣжій праздникъ у Гиляковъ. Голова и шкура медвѣдя, выставленные въ домѣ. Праздничный одѣтъ.

Утварь употребляемая Гиляками на медвѣжьемъ праздникѣ. 1-5 Чаши для медв. жиру;
6. Крюкъ для сниманія котла съ огня.

Утварь употребляемая Гиляками на медвѣжьемъ праздникѣ. 1. Чаша для медвѣжьяго жира; 2. Длинная ложка, изъ котор. кормятъ медв. 3. Ножъ, котор. рѣжутъ медв. жиръ и мясо; 4, 5. Топоры, котор. раскалываютъ черепъ медв; 6. Ложка.

Н.Дм. Орлов.

Ложки употребляемыя Гиляками на медвѣжьемъ праздникѣ.

1,2_ Гиляцкіе домашніе идолы; 3_ Хранилище идоловъ. фиг. 2-4_ Однорукій Гиляцкій идолъ; 5_ Идолъ носимый Гиляками на шеѣ; 6-8_ Гольдскіе домашніе идолы.

1. Идолъ носимый Гольдами на шеѣ, 2. Подобный же идолъ Самагерцевъ, 3-7. Идолы дѣлаемые Гиляками при извѣстныхъ случаяхъ или болѣзняхъ.

1-4_ Идолы дѣлаемые Гиляками при разныхъ болѣзняхъ; 5_ Гиляцкій амулетъ.

Гилякскіе идолы представляющіе соединеніе человѣческаго образа съ животными: 1 Человѣкъ-тигръ; 2 Чел. тигръ медвѣдь; 3 Чел. медвѣдь; 4 Чел. сова; 5 Чел. бѣлуха.

Гиляцкіе идолы представляющіе соединеніе человѣческаго образа съ животнымъ: 1 Сел. тигръ, 2 Сел. съ тиговою головою; 3, 4 Сел. съ медвѣжьею гол, 5 Сел. съ совиною гол, 6-9 Гиляцкіе амулеты подобнаго же рода.

Гиляцкіе идолы животнаго образа: 1. Медвѣдь, съ изображеніемъ на поясѣ спереди жабы; 2. сзади ящерицы и змѣи; 3. Медвѣдь въ одеждѣ изъ рыбьей кожи; 4-6. Тигръ.

12

Идолы животнаго образа: 1. Тигръ (гольдскій), 2,3. Барсъ (гольдскій) 4. Тюлень (нангунскій), 5. Неопредѣленное животное держащее во рту человѣческое сердце (нангунскій амулетъ), 6. Бѣлуха (гиляцкій), 7,8. Жаба (гиляцкій), 9. Животное называемое Гилякали, хадъ!

1,2_Желѣзные обручи съ символическими изображеніями, носимые Гиляками противъ болѣзней; 3_Мангунскій кожаный поясъ съ амулетами; 4,5_Вогнутыя изъ дерева рыбы (Гиляцк); 6_Гиляцкая дѣтская игрушка изображающая собаку.

14

1. Гиляцкая идоложертвенная чаша; 2, 3. Шаманскія принадлежности (гил.);
4. Гиляк-шаманящій предъ больною.

Гиляцкій покойникъ въ юртѣ.

Гиляцкія похороны.

Гиляцкія похороны.

Гиляцкія похороны.

1. Символический столбъ ставимый Гиляками въ память убитаго; 2. Небольшое корытце и 3. песть къ нему, изъ гробницы Мангунскаго утопленника.

Лит. Н. Брезе, С. П. Б.

Гробница Мангунскаго утопленника.

1. Гиляцкая гробница, 2-5. Находимые въ ней предметы съ символическимъ значеніемъ.

Дмитр. Оренбургск.

Гиляцкая гробница, необыкновенно богатая.

1.

24

1. Гольдская гробница; 2. Внутренность ея.

2007051186